

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ

ОРИАНА РАМУННО

Мастерски
написанный детектив
о расследовании
убийства там,
где человечество
совершило
самое страшное
свое преступление.

*Il SegnaLibro
di Deborah*

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ РИСОВАЛ ТЕНИ

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Гуго Фишер, известный криминолог, приезжает проводить расследование. Под Рождество 1943 года. В Освенцим. Предыдущие десять лет Гуго провел в Берлине, где на происходящее в концлагерях в основном закрывали глаза: страшные слухи по городу, конечно, ходили, но разумные люди не станут верить слухам, правда? И теперь Гуго сталкивается с ужасом, к которому он, человек незлой и отнюдь не боец, совершенно не готов.

Между тем берлинское начальство интересуется одна-единственная смерть, случившаяся там, где смерть – страшная повседневность: найден мертвым врач, который ставил опыты на заключенных. И нашел его восьмилетний мальчик – подопытный доктора Йозефа Менгеле, юный талантливый художник, которому хватило мастерства и присутствия духа сразу зарисовать то, что он увидел. Еврейский ребенок из Болоньи, криминолог из берлинской уголовной полиции, которому есть что скрывать, – странный дуэт, расследующий странную смерть в страшном краю, – и целая толпа возможных подозреваемых, тоже скрывающих каждый свою тайну.

Ориана Рамунно написала детективный триллер на материале своих исследований Холокоста – невероятный, однако блестяще удавшийся ход. «Мальчик, который рисовал тени» – это «Мальчик в полосатой пижаме», если бы его написал Жан-Кристоф Гранже: напряженная детективная интрига, достоверный исторический фон, банальность зла и возможность противиться ему в тех краях, откуда давным-давно ушла надежда. Рамунно черпала материал в том числе из биографии своего двоюродного деда, побывавшего в лагере смерти и запомнившего, что даже в этом аду, даже среди надзирателей находились люди, которым хватало духу оставаться людьми и сопротивляться.

-
- [Ориана Рамунно](#)
 -
 -
 - [Автор и пресса о романе](#)

- [Пролог](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

- [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Ориана Рамунно

Мальчик, который рисовал тени

Oriana Ramunno

IL BAMBINO CHE DISEGNAVA LE OMBRE

Copyright © Oriana Ramunno, 2021

This edition published in agreement with the author represented by
Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA)

All rights reserved

© С. В. Резник, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2024 Издательство Азбука®

* * *

Самуэль, Элиа, Эмануэле – эта книга для вас

Автор и пресса о романе

В восемнадцать лет я узнала, что мой двоюродный дед побывал в концлагере.

Людам нашего поколения он об этом не рассказывал. Не хотел вспоминать. Я только замечала, что он не любит фильмы о концлагерях, – он всегда переключал канал.

Когда он впервые поделился со мной своей историей, на глаза у него наворачивались слезы, а голос дрожал; он наконец согласился все рассказать, потому что я готовилась защищать школьный диплом. Я решила писать о Холокосте и хотела взять интервью у человека, который испытал ужасы войны на собственной шкуре. Так я и узнала о концентрационном лагере Флоссенбюрг – о долгой дороге туда, о том, как моему двоюродному деду приходилось питаться сырым мясом животных, погибших под бомбежками, и о тех спутниках, которых он потерял в дороге. А потом и о его переводе из Флоссенбюрга в лагерь смерти за то, что передразнивал Гитлера, не сообразив, что на него могут настучать. «Там я не видел людей – только блуждающие тени, – говорит его скрипучий голос на пленочной записи. – Это было чудовищно».

Помимо мучительных историй о голоде, смерти и издевательствах мелькала и искра света: дед рассказал мне о немецких офицерах, которые тайком пытались помочь. В его памяти особенно отчетливо запечатлелся один, некий Михель по прозвищу Восемь Детей, – его улыбка, его доброта и те уловки, к которым он прибегал, чтобы облегчить заключенным жизнь.

В тот солнечный день, когда я записывала эти драгоценные воспоминания, и родился роман, который я написала двадцать лет спустя. В тот день я поняла, что должна взглянуть на Историю другими глазами – копать, искать, исследовать. В университете у меня было два курса по истории Холокоста – так я смогла подойти к теме с

научных позиций и получить доступ к источникам. И с этого началось мое странствие – а изучала я не только концлагеря, Холокост и нацизм, но также немецкое Сопротивление и историю его мучеников (об этом все как-то забывают). В конце концов судьба привела меня в Берлин, где я поселилась и где мое странствие обрело второе дыхание. Этот роман создавался по любви, вызревал во мне годами и увидел свет, когда были готовы и он, и я.

Ориана Рамунно, из предисловия к англоязычному изданию

На редкость умный детектив с трогательными персонажами. Написано великолепно – картины, звуки, запахи оживают и пробирают до костей... Читаешь – и невозможно отделаться от мысли: «Что есть справедливое воздаяние за убийство негодяя? Можно ли что-то изменить в мире, который слетел с катушек?»

Historical Novel Society

Пронзительный роман... детектив, который раздвигает границы жанра.

The Times

Детектив с безупречно выписанным расследованием, точно – и отважно, если иметь в виду, где происходит действие, – переданным историческим фоном и очень живыми персонажами. Рекомендую от всей души.

AnnaMariaPierdomenico.it

Четко выстроенный, замысловатый детективный триллер, который что-то дает читателю – и тут же отнимает, подсказывает гипотезы и творит иллюзии, которые разрешатся лишь на последних страницах. Этот роман ощущается как удар под дых – и ты не можешь вздохнуть.

Рамунно вталкивает нас в самый эпицентр ада, в глаз эмоциональной бури. От этой мощной истории кружится голова. Зверство и неопишное насилие, полное отсутствие морали, совести и сопереживания, как ни странно, соседствуют здесь с красотой человеческой души. Да, Ориана Рамунно написала роман о Холокосте – и при этом закрученный триллер. И да, это возможно.

Leggere in Silenzio

Есть книги, которые не просто оставляют след. Книги, которые рассказывают не просто историю, но Историю. Роман Орианы Рамунно – абсолютный шедевр, тонкий и эмпатичный. Эту книгу надо читать, над ней надо размышлять, ее надо лелеять и рекомендовать всем подряд. Детективный сюжет захватит самого требовательного читателя, которому вместе с героями придется вычислять и орудие убийства, и способ убийства, и личность убийцы. Блестящая работа.

MilanoNera

Здесь закрученная интрига переплетается с историей Освенцима – внятный, стройный, полный внезапных поворотов сюжет, который не раскроется до последних страниц. Мастерски написанный детектив об уголовном расследовании там, где человечество совершило самое страшное свое преступление.

Il SegnaLibro di Deborah

Закрученный, прекрасно выписанный и динамичный детектив на страшном историческом фоне, глубокая и напряженная книга, к которой будешь возвращаться снова и снова.

Un tè con la Palma

Один из лучших романов года, безусловно выстроенный, самобытный и достоверный, блестяще написанный – свежо, точно, поэтично и без экивоков, – и с живыми, неизменно подлинными персонажами. Bravo.

Ravenna ed Intorni

Многие книги остаются в памяти, но некоторые заходят еще дальше. Здесь дело не только в поисках истины – герои (и мы вместе с ними) ищут надежду в чернейшем историческом периоде, и на каждой странице перед нами раскрывается сложность человеческих душ, которые среди снегов, казалось бы, все одинаковы, но под толстой коркой льда скрывают глубокие эмоции и воспоминания. Эта книга давит на нас огромным одиночеством, но в итоге помогает нам почувствовать, что мы ближе друг к другу, чем нам порою кажется.

Thriller Cafe

Ориана Рамунно деликатно, но решительно переносит нас в прошлое, в один из чернейших периодов истории человечества. Эта история проникнет в душу, разорвет ее на части и останется с вами навсегда. Это книга для тех, кто любит исторические романы, и для тех, кто ценит закрученный детектив.

SoloLibri.net

Пронзительнейшая и непростая книга, которая останется с вами навсегда.

Thriller Storici e Dintorni

Душераздирающий, мастерски написанный роман, полный страшных подробностей, которые потрясают и перетряхивают душу.

Septem Literary: Libri, Storia e Misteri

Мастерство автора не только в обращении с источниками и показаниями свидетелей. Весь роман строится вокруг убийства в безмолвных стенах, где обитает сама смерть. В романе звенит неотступный ритм, напряжение нарастает и не отпускает, тащит за собой до последней страницы. Захватывающая история, прекрасно выстроенный детектив – попросту незабываемая книга.

Libri e Recensione

Мощнейшая история, полная праведного гнева.

SHOTS Magazine

Блестяще написанный роман... Рамунно не скупится на подробности. Главный герой – необычная фигура, и детективная линия выписана прекрасно.

She Reads Novels

Пролог

Аушвиц, 21 декабря 1943 года

«Айн, цвай!»

Йоиль по-немецки считал шаги, отделявшие спальни от врачебных кабинетов. Стук подошв об пол метался между стылыми стенами, эхом отражался от потолка, призрачно-голубого в свете ламп.

«Драй, фир!»

Он прыгнул и, крепко сжимая в руке альбом для рисования, оказался у единственного в коридоре окна. Все окна блока № 10 были заколочены толстыми деревянными досками. Все, кроме этого. Отсюда виднелась аллея с голыми, заснеженными березами, колючая проволока, поблескивающая под фонарями, а вдалеке – деревенский домик, из трубы которого валил дым.

Йоиль привстал на цыпочки.

Снег настырно барабанил в стекло. Вдоволь настучавшись, ледяные комочки возвращались к аллее, чтобы засыпать и ее, и деревья, и клумбы, и бараки, и вышки охранников. Йоиль разглядел в сторожевой будке неподвижного солдата и плотные облачка его горячего дыхания, таявшие в воздухе. Казалось, человек на морозе дрожит как осиновый лист перед своим черным пулеметом. Йоиллю стало интересно, не мечтает ли охранник о чашке крепкого бульона, потрескивающем камине и семье, собравшейся у очага.

Он вприпрыжку побежал дальше.

«Фюнф, зэкс!»

Перед кабинетом дяди Менгеле Йоиль остановился и подергал ручку. Оказалось, дверь заперта, лишь дрогнули жалюзи, глухо защелкав по стеклу.

Там, над столом, рядом с коллекцией глазных яблок, висели его рисунки. Ему не нужно было заходить внутрь, чтобы их увидеть: всю обстановку он знал как свои пять пальцев. Менгеле позволял Йоиллю гулять где вздумается, даже заходить в кабинет, и вообще относился к нему иначе, чем к остальным детям. Например, разрешал рисовать, везде развешивал его картинки, дарил их медсестрам и с неподдельной гордостью показывал другим эсэсовцам.

Когда художница из Биркенау пришла зарисовывать близнецов, Йоиль с открытым ртом наблюдал за ее работой. Его очаровало то, как из хитросплетения карандашных черточек вдруг, словно живые, проглядывали глаза, обретали форму лица. Дина рисовала лучше всех, с кем когда-либо сталкивался Йоиль. Выпросив листок бумаги и обломок уголька, он нарисовал дорожку, ведущую к кухням. Одна из медсестер повесила этот набросок на стену. Дядя Менгеле сначала нахмурился, потом пригляделся и расплылся в невыразительной, но довольной улыбке. После обеда он принес альбом и коробку карандашей «Лира». Еще никогда в жизни у Йоиля не было таких дорогих карандашей. С тех пор их крыло блока № 10 постепенно наполнилось его рисунками.

«Зибен, ахт!»

Он поскакал дальше, оставив кабинет Менгеле позади.

Коридор был длинным и темным. Обитатели блока боялись этого места. Двери по обеим сторонам распахивались, словно голодные пасти, и с проглоченными людьми происходило нечто чудовищное. Временами из-за дверей доносились жуткие крики. Еще больше пугали ночные шепотки, тяжелые шаги, напоминавшие глухой бой часов, и стоны, от которых по спине бежали мурашки. Кое-кто утверждал, будто это призраки умерших во врачебных кабинетах. Блок кишел призраками. Их можно было увидеть по ночам, когда эти создания в молочно-белых саванах скользили вдоль стен или елозили по оконным стеклам, ни с того ни с сего покрывавшимся испариной. Или их присутствие замечали по мерцанию лампочек. А лампочки в блоке мерцали постоянно.

Йоиль собрался с духом.

«Нойн».

И замер перед раскрытой настежь дверью. Внутри было темно, если не считать слабенького свечения в глубине комнаты. Проем черным глазом пристально уставился на Йоиля. Подняв взгляд, тот в полумраке прочитал надпись на табличке у дверного косяка: «Сигизмунд Браун».

Вдруг дверь со зловещим скрипом пришла в движение. Наверное, виной тому был сквозняк из приоткрытого окна, но Йоиль не мог отделаться от мысли, что истории о привидениях все-таки правда. Он крепче прижал к груди альбом, стараясь заглушить стук сердца.

Однако, вместо того чтобы развернуться и удрать, отважно сунул нос в чернильную темноту лаборатории.

Пока они ехали в поезде, мать, слыша, что он заговаривает с эсэсовцами в надежде подтянуть свой немецкий, частенько приговаривала: «Йоиль, Йоиль, слишком уж ты у меня бойкий и любознательный, не доведет тебя это до добра».

Но с тех пор, как они прибыли в лагерь, именно живой ум, любопытство и некий природный дар, отличавший Йоиля от других близнецов, в том числе от его брата Габриэля, спасали ему жизнь и приносили дары в виде шоколадок, кубиков рафинада, а то и старенькой игрушки. Он с Габриэлем и немногими избранными жил в блоке № 10, а не в бараках Биркенау, грязных, тесных и завшивленных, как ему рассказывали. Йоиль и Габриэль носили домашнюю, прежнюю одежду, им не приходилось ежедневно шлепать пешком несколько километров до лабораторий Аушвица, где их измеряли и обследовали. «Разве это не добро?» – размышлял Йоиль.

«Цейн!»

Собрав всю волю в кулак, он сделал шаг и героически пересек границу, отделявшую сумрак коридора от черноты кабинета. Словно прыгнул в колодезь. Внутри было темно, хоть глаз выколи.

Нашарив выключатель, Йоиль щелкнул тумблером. Комнату залил холодный свет, такой яркий, что пришлось тереть глаза, прежде чем что-то стало видно. Приставив ладонь козырьком ко лбу, Йоиль огляделся. Кабинет ничем не отличался от прочих в блоке. Моргающая лампочка осветила обычные белые кафельные стены и гранитный пол. Взгляд пробежал по железным каталкам, странным приборам, покрытым плиткой лабораторным столам и остановился на шкафчиках, набитых лекарствами, на сияющей раковине и фотографии фюрера, смотревшего на Йоиля неодобрительно.

Окно было открыто, однако в воздухе висел странный запах. Не антисептика и не формалина, с помощью которого врачи консервировали свои находки. Йоилю показалось, что он уже чуял где-то этот запах. Не только здесь, в лагере, но и у себя дома, в Болонье. Неуловимое воспоминание сдавило сердце тоской, Йоилю стало грустно.

Он тихонько вышел на середину комнаты.

Кое-где в щелях между кафелем чернела засохшая кровь. На полках стояли стеклянные банки – там плавали почки, сердце и мозг. Еще зародыш, свернувшийся клубочком, точно в животе у своей мамочки; рядом стояла корзинка с красными яблоками. Йоиллю тут же захотелось есть.

Он огляделся в поисках стула, чтобы влезть на него и взять яблоко, но тут его внимание отвлекла смежная комната, откуда и исходило слабое медовое свечение.

Йоиль пошел туда.

Настольная лампа под витражным абажуром отбрасывала на стены разноцветные блики. Слышалось какое-то жужжание, похожее на потрескивание электрических разрядов. Ритмичный, хрусткий, непрерывный шум словно наполнял собой пространство. Йоиль осмотрелся. Письменный стол, микроскопы, бархатные кресла, часы с маятником, книжный шкаф. В углу – невыключенный граммофон. Пластинка вращалась, однако игла давно добралась до конца дорожки, и из медного раструба не доносилось ничего, кроме того самого жужжания беспокойной мухи.

На полу валялся огрызок яблока. Откуда он здесь? Тут сердце мальчика едва не дало сбой. Между письменным столом и рождественской елкой что-то белело. Лабораторный халат, брошенный в угол.

«Привидения носят белые саваны...» – подумал Йоиль.

Он хотел было дать деру, но что-то его удержало: ноги точно приросли к полу. Сердце бешено стучало, пульс отдавался даже в кончиках пальцев. Не-ет, это был не просто брошенный на пол халат. Это был халат с человеком внутри.

Йоиль сразу узнал его. Рукава у Сигизмунда Брауна были закатаны до локтей, словно он только что кончил работу, бирюзовые глаза вытаращены, рот разинут в безмолвном крике, язык вывалился наружу, точно у эсэсовских овчарок, когда им хотелось пить. На высоком лбу с залысинами лиловела шишка.

На цыпочках подкравшись к доктору, Йоиль потряс его за плечо. Тот не пошевелился. Доктор Браун был мертвее мертвого.

Йоиль по-турецки уселся напротив него, облизал пересохшие губы и положил на колени альбом. Руки тряслись, в горле застрял

горячий ком, но Йоиль не мог устоять перед искушением создать свой непревзойденный шедевр: портрет мертвого герра Брауна.

Сортировочная станция Юденрампе, 23 декабря 1943 года

Ослепительные лучи фар раскроили тьму, покрывавшую сельскую железнодорожную станцию, и осветили платформу.

Гуго Фишер выбрался из машины, тяжело опираясь на трость. Сухой снег скрипел под сапогами. Рельсы визжали под тяжестью приближающегося состава. Его резкое долгое шипение начало стихать, теряясь где-то в березняках, росших вдоль путей. Фыркнув последний раз и выпустив облачко дыма, локомотив остановился. Оттуда выпрыгнул эсэсовец; полы его черного кожаного плаща взметнулись крыльями коршуна.

Гуго вздохнул, и воздух перед глазами сгустился в молочное облачко. В отдалении, на фоне ночного неба висело похожее облачко, только желтоватое. И запах. Именно такой, о каком рассказывали в Берлине. Сладковатый, едкий, напоминающий о подгоревшем жарком.

Гуго сунул в рот сигарету, сжал губами фильтр и защелкал бензиновой зажигалкой, косясь на эсэсовца. Тот ответил взглядом, ясно говорившим: «Кому какое дело?» Лицо неподвижно стоявшего навтыжку унтера покраснело и перекошилось от холода. Здесь, на морозе, кусавшемся хуже бешеной собаки, все закрывали глаза на ненависть фюрера к курению.

Сигарета вспыхнула неожиданно ярко. Вкус табака защипал язык и заслонил собой пропитавшую окрестности горечь, которую не мог скрыть даже снег. Гуго с удовольствием выдохнул, полностью освобождая легкие. Где-то невдалеке заскулила овчарка, натянув поводок.

Сделав новую затяжку, он облокотился о крыло «мерседеса», давая отдых больной спине. Позавчера его разбудила боль в нижней части позвоночника, и рука онемела до кончиков большого и указательного пальцев: в плоть точно воткнули булавки, а под кожей ползали тысячи муравьев. Из-за них он не чувствовал того, к чему прикасался, и предметы валялись из рук.

Гуго знал, что острая стадия скоро закончится, но неспособность нормально ощущать окружающий мир и его материальность,

взаимодействовать с ней повергала его в отчаяние. Так происходило с каждым рецидивом. На очередном витке болезнь пожирала новые кусочки спинного и головного мозга, добавляя свежие симптомы, будто нарезала дорожку на грампластинке. Вот только музыка, записанная на ней, была какофонией. Организм ждал, что его кто-то починит. Потом боль отпускала и худшее оставалось позади.

Однако онемевшая нога оставалась неисправимым дефектом. Врачи заявили, что нервная система сильно поражена и уже не восстановится. Временами нога казалась Гуго мельничным жерновом. Он предпочел бы отрезать эту ногу и бросить собакам, чтобы те сгрызли ее без остатка, – лучше так, чем и дальше таскать ее за собой. Увы, нога никуда не исчезала, она намертво прилепилась к его телу – фантомный придаток, больше не подчиняющийся командам.

Гуго сунул руку в карман пальто. Легкое позвякивание пузырька с морфином на секунду принесло ему облегчение. Всякий раз, когда накатывала боль, кожа покрывалась липким потом, а вены ритмично пульсировали, то набухая, то сжимаясь. Гуго делался невыносимо сварливым; ожидание момента, когда можно будет воткнуть иглу в вену, растягивалось до бесконечности, усиливая нервозность. Со временем Гуго заметил, что простое наличие флакончика морфия в кармане помогает успокоиться. Это был единственный способ заранее не трястись от ужаса.

Он разжал пальцы и вытащил руку из кармана. Поднял воротник пальто, прикрывая потную шею от пронизывающего холода, слегка опустил поля шляпы, еще раз жадно затянулся, лишь бы не думать о боли, и бросил взгляд на шофера, оставшегося в теплой машине. Везет же некоторым.

Гуго осмотрелся. Полотно перрона, уходившего куда-то в темноту, вычистили, но снежок успел вновь покрыть гравий белой хрусткой крупкой. С неба срывались редкие снежинки. Грузовики, пикапы, каски, мокрая форма солдат, выстроившихся в ожидании поезда, блестели в свете фар. Собаки тоже были тут как тут. Они возбужденно визжали и взлаивали.

В решетки запертых вагонов вцепились десятки рук. Длинные, тонкие и грязные пальцы напоминали шевелящихся выползков.

– *Eau!* – донеслось изнутри.

На крик никто не отреагировал. Тогда тот же голос попробовал повторить по-немецки с сильным акцентом:

– Воды! Пожалуйста, воды!

Гуго сглотнул дым. Сердце неровно застучало, пропустив удар: неприятная аритмия.

Он был не из тех, кто легко поддается эмоциям. За три года сотрудничества с уголовной полицией ему случалось видеть всякое: обезображенные тела, изнасилованных и убитых женщин, задушенных или зверски кастрированных мужчин, свежие трупы и трупы разложившиеся, раздутые от газов, дерьма и червей. В первое время ему случалось блевать и видеть по ночам кошмары, какие пугают детей. Потом он привык.

«Я не склонен поддаваться эмоциям», – напомнил он себе, перекаывая в губах сигарету, чтобы табак забил едкую вонь, окутавшую станцию. Тем не менее Гуго предчувствовал, что вот-вот столкнется с тем, к чему его не готовили ни жизнь, ни Артур Небе – начальник Пятого управления РСХА. Оно уже стояло в воздухе, спрессованном, как снежок в ладони, в запахе мясной гари, волнами пробивавшемся сквозь тлевшую сигарету.

Сомнений не было. В крематориях действительно жгли мясо, как шептались в берлинских кабинетах. В коридорах Принц-Альбрехтштрассе или в новой штаб-квартире на Вердершер-Маркт говорили о Заксенхаузене и о Дахау, но ничто не могло сравниться с Аушвицем. Болтали, будто болезни и топорные методы работы «Мертвой головы» приводят к столь значительным потерям, что СС вынуждены сжигать трупы в самых современных крематориях, и густой дым затмевает солнце. Едва выпавший снег тут же покрывался тонким слоем пепла.

– Собак сюда! – рявкнул эсэсовец, просматривавший список, и Гуго вздрогнул. – Приступаем к разгрузке! Тысяча штук!

Небо над вагонами для перевозки скота сделалось мучительно-темным. Овчарки щерились и рыли лапами снег. Их клыки блестели в свете фар. Любой бы остановился, услышав утробное рычание этих псов. Затянувшись напоследок, Гуго отбросил окурок. Яркая искорка полетела в снег и погасла.

– На выход! – орал эсэсовец, колотя дубинкой по стенкам вагонов. – На выход, говнюки!

Двери одна за другой с грохотом распахивались, заглушая лай собак и крики солдат. Наружу пахнуло таким крепким смрадом, что Гуго инстинктивно отшатнулся.

– На выход! Быстро!

Словно пчелы из разбитого улья, из дико переполненных вагонов, валясь друг на друга, посыпались люди. Гуго показалось, что он угодил в один из кругов Дантова ада. Стигийское болото, если ему не изменяла память. Это там проклятые души возились в грязи, борясь и сражаясь. Некоторым не удавалось подняться на поверхность, и они, безликие, лежали на дне и пускали пузыри, баламутившие жижу.

Эсэсовцы пытались навести порядок прикладами. Внимание Гуго привлекла незнакомая женщина. Одной рукой она вцепилась в чемодан, другой прижимала к груди девочку нескольких месяцев от роду, не желая потерять ни то ни другое. Но вязкое болото затягивало, и в отчаянной попытке выплыть матери пришлось бросить чемодан, чтобы не лишиться дочери. Ее толкнула другая женщина, и она упала на колени.

Овчарка, втягивая носом холодный воздух, клацнула зубами прямо перед ее лицом. Стоявший у «мерседеса» Гуго хорошо видел, как оно исказилось от страха. Ему стало неуютно. Неуместный зевака в штатском, которому не остается ничего, кроме как смотреть. Он шагнул было вперед, намереваясь помочь упавшей, но его пригвоздил к месту ледяной взгляд эсэсовца.

Женщина встала, растерянно озираясь. Поток евреев с желтыми звездами на одежде с глухим шорохом послушно потек туда, куда указывали солдаты. В глазах людей застыл немой вопрос, но задавать его никто не решался. Некоторые переглядывались, стараясь при этом не встретиться глазами с немцами. Гуго чувствовал себя не в своей тарелке. Он никогда не считал евреев проблемой. Однако для партии они именно ею и были, вплоть до одержимости.

У него остались самые теплые воспоминания о фрау Мандельбаум, их берлинской соседке, ставшей ему почти что родной тетей. Летом он допоздна болтался с ее сыном Хенриком по Николаифиртель. Они играли в прятки за церковью или бегали взапуски по набережной Шпрее, потом плюхались в реку и плыли на другой берег. Теплый аромат яблочного пирога из окон первого этажа, тинистый речной запах. Когда сумерки сгущались, фрау Мандельбаум

звала их перекусить, и ее голос разносился по всему кварталу, долетая до лодок, покачивавшихся на воде.

Потом Гуго с Хенриком нередко встречались на лекциях в университете или просиживали дни напролет среди лепнины и стекла «Романского кафе». Начались бойкоты, Хенрик уехал, и Гуго больше ничего о нем не слышал. Фрау Мандельбаум умерла в прошлом году от сердечного приступа, когда за ней явилось гестапо. Судя по тому, что он сейчас наблюдал на станции, оно и к лучшему.

Гуго вновь взглянул на женщину.

– *Ma valise!*^[1] – закричала та и, не обращая внимания на удары хлыстов, бросилась в гущу толпы и принялась искать свой чемодан.

– Чемодан останется здесь! – Молодой ээсовец схватил ее за шиворот и потащил туда, где, сбившись в кучку, стояли матери с детьми.

Подошли несколько заключенных в бело-синих полосатых робах и принялись собирать в шаткие горки разбросанный багаж и грузить его на тележки. Двигались они сноровисто, отметил Гуго, – явно не впервые занимались подобной работой. Но женщина с младенцем вырывалась, сопротивляясь с отчаянным упорством, присущим лишь матерям.

– *Ma valise!* – не унималась она. – *J'ai besoin de ma valise!*^[2]

– Чемодан останется здесь! – гаркнул запарившийся ээсовец.

Француженка попыталась дать ему понять, насколько ей нужен чемодан. Она прикоснулась к одеяльцу девочки, показала на шерстяной чепчик. Гуго догадался, что в чемодане одежда и смена белья для малышки. Солдат тоже, разумеется, это понял, но молча подтолкнул ее к группе женщин и детей, которых уже осматривал мужчина в белом халате.

Француженка не сдавалась. Тонкая как тростинка, того гляди переломится, она не трогалась с места. Двое продолжали громко препираться – она на французском, он на немецком. Парень быстро терял терпение, но тем не менее не трогал винтовку, висевшую на ремне. Судя по лицу, он был славный малый и хотел разрешить дело добром.

– Что за шум? – Их свару прервал ээсовец постарше в стального цвета форме.

Он размашистым шагом подошел ближе. Полы кожаного плаща хлопали на ледяном ветру, снег натужно скрипел под сапогами. Луч фары разделил его чисто выбритое лицо пополам, подчеркнув угловатые черты. Череп на фуражке хищно сверкнул, так же как голубые глаза.

– Что у тебя тут с этой еврейкой?

– Хайль Гитлер! – Парень взмахнул рукой и вытянулся по струнке. – Не желает бросать чемодан, потому что в нем вещи ребенка, герр штурмбаннфюрер.

– Сейчас все решим.

Губы штурмбаннфюрера искривились в спокойной холодной улыбке, обнажив крепкие белые зубы, отчего он стал похож на оскалившуюся овчарку. Он взял девочку на руки, нежно покачал. Мать окаменела. Гуго отошел от машины, оказавшись на середине платформы. Его опять посетило странное предчувствие, от которого напрягся позвоночник, а боль позабылась.

Толпа раздалась. Офицер положил младенца на образовавшуюся площадку, погладил по головке, улыбнулся. Холод снега разбудил малышку. Она зевнула, просыпаясь после долгого голодного пути. Мать смотрела на дочь широко распахнутыми глазами. Казалось, заострившиеся скулы вот-вот проткнут тонкую кожу, словно шипы ежевики. Рот раскрылся в беззвучном крике. Она вся подалась вперед, но не решалась пошевелиться, вероятно из первобытного страха совершить ошибку.

Все окружающее сжалось, как пружина. Побелевший Гуго, затаив дыхание, наблюдал.

Офицер вынул из кобуры самозарядный пистолет и направил на ребенка. Вороненая сталь сверкнула в свете фар, блеснул предохранитель, который эсэсовец опустил с четким щелчком. Палец так медленно заскользил по спусковому крючку, что Гуго успел мысленно рухнуть в пропасть. Воздух из легких вышибло, а в висках оглушительно застучал пульс.

Выстрела не последовало. Пистолет сухо щелкнул. Осечка. Офицер ругнулся. Похоже, боек не сработал по капсюлю должным образом. Напряжение росло, во рту у Гуго пересохло. Штурмбаннфюрер с недовольным видом осмотрел пистолет. Следовало отвести его в сторону, избавиться от поврежденного

патрона и попробовать второй раз. Вместо этого пистолет вернулся в кобуру.

– Вот и доверяй оружию, – хохотнул эсэсовец.

Мать, дрожа, потянулась к дочери. Лицо ее огрубело и побелело так, словно из нее высосали всю кровь. Штурмбаннфюрер одним повелительным взглядом остановил женщину, поднял ногу и с размаху опустил.

Раз, другой, третий...

Каблук сапога бил по крохотному тельцу; удары все отчетливее чавкали и делались все тише. При каждом звуке Гуго вжимал голову в плечи; его трясло, и он ничего не мог с этим поделать. Над станцией повисла гробовая тишина.

– Проблема с чемоданом улажена, – усмехнулся офицер. – Пусть это послужит уроком тем, кто смеет попусту тратить время.

Вытерев подошву о свежий снег, он удалился.

Мать лежала на земле, глядя в никуда. Молодой солдат ткнул ее стволом винтовки. Видно было, что он с трудом подавляет дрожь в руках; лицо исказила виноватая гримаса. Женщина не сопротивлялась. Она встала и, пошатываясь, вернулась в безмолвную толпу. Заключенные, очнувшись, вновь принялись собирать багаж и вытаскивать из вагонов трупы. Их сбрасывали на платформу, как мешки картошки. Одна такая гигантская тряпичная кукла, пропитанная смертью, едва не свалила женщину с ног, но та ничего не заметила.

– Герр Фишер!

Гуго подскочил. Точно внезапно проснулся от апноэ. Он сжал кулак, надеясь почувствовать онемевшими пальцами хоть что-то. К нему, расталкивая евреев, бежал запыхавшийся человек. Из рта у него вырывались клубы пара. Гуго с трудом рассмотрел его лицо. Перед глазами еще стоял изувеченный труп ребенка и застывший взгляд матери. Гуго набрался смелости и глянул на маленькое тельце. Эсэсовцы обходили его стороной, чтобы не испачкать сапоги и не разнести грязь по платформе. Теперь это была лишь кучка грязи, мравшая белый снег.

– Герр Фишер! – Подбежавший человек потряс Гуго за плечо.

Высокий блондин с серыми глазами, напоминавшими два осколка пыльного стекла. Затем он отступил и пылко гаркнул:

– Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер, – растерянно повторил Гуго, чувствуя едва ли не стыд от произнесенного.

– Сожалею, что вам пришлось стать свидетелем подобного эпизода, – извиняющимся тоном продолжил блондин, кивнув на останки девочки. – Честно, мне очень жаль. Но почему вы подъехали к еврейской платформе?

– Разве встреча назначена не здесь? – удивился Гуго.

От воспоминания об ударах каблука по детскому телу его затошнило, и он насилу сдержал позыв.

– Нет, конечно, – покачал головой блондин. – Я ждал вас у товарной станции, но быстро сообразил, в чем недоразумение. Оберштурмфюрер Тристан Фогт, – представился он.

– Гуго Фишер, – машинально ответил Гуго и протянул ладонь для рукопожатия, стараясь, чтобы та не дрожала. Другой рукой он махнул на трупик. – Случившееся...

– Не стоит вашего внимания, – перебил офицер и, взяв его багаж, кивком пригласил проследовать за ним к машинам у дальнего края платформы. – Время от времени происходят подобные казусы.

Гуго, насколько позволяла хромота, торопливо зашагал следом. Попетляв между грузовиками и санитарными машинами, они подошли к «кюбельвагену», прозванному в народе «лоханкой». Сердце до сих пор грозило разорваться, бунтуя против увиденного, и Гуго приложил немало усилий, чтобы добраться до автомобиля. Водитель, увидев их, отсалютовал и открыл дверцу.

– Добро пожаловать в Аушвиц. – Фогт подмигнул и полез внутрь.

Гуго сел в машину. Он протер рукавом запотевшее стекло, бросил последний взгляд на грязных и худых, как скелеты, евреев, забравшихся в грузовики, на заключенных, сгребавших багаж. Они не смотрели на плачущих, не отвечали на вопросы; их глаза были затянuty пеленой.

Вдруг молодая мать в бешенстве набросилась на кого-то из эсэсовцев. В ночной тишине громко прозвучал винтовочный выстрел, и еврейка повалилась навзничь неподалеку от тела дочери. Медленно потекла кровь. Снег алчно впитал ее, смешав с пеплом.

Прорехи в брюхатых тучах окончательно затянулись. Занималась метель. «Дворники» еле успевали очищать стекло от снежинок, сверкавших в лучах фар, точно призраки светлячков.

Дорога от станции до Штаммлага Аушвица составляла несколько километров. Мимо проносились березовые рощи и редкие домики с освещенными окнами. От сюрреалистической белизны, в которую погрузился мир, веяло обезоруживающим покоем, неожиданным для места со столь зловещей славой.

На душе после увиденного упорно скребли кошки, и Гуго никак не мог прогнать это ощущение. В Берлине он видел тысячи евреев с чемоданами и желтыми звездами на одежде, скапливающихся перед поездами на станции Грюневальд или Анхальтском вокзале. На лицах людей, покидавших недавно свой, а теперь сделавшийся чужим и опасным город, читалось едва ли не воодушевление. Однако Гуго не знал, куда они едут.

– Не нравится мне, чем тут пахнет, – как-то вечером признался ему Хенрик Мандельбаум несколько лет назад.

Они тогда прогуливались по Курфюрстендамм, вдоль череды витрин, загаженных унижительными рисунками и ругательствами штурмовиков. У магазина Грюнфельда они остановились. Все здание оказалось заклеено листовками с призывами к «ариизации еврейского левиафана нижнего белья».

– Знаешь, Гуго, у меня вообще дурные предчувствия.

– По-моему, ты делаешь из мухи слона, – возразил тот.

Ну да, штурмовики пытались бойкотировать еврейские магазины, развешивали повсюду свои плакаты и сами торчали у дверей, но люди смеялись над их дурацкими, абсурдными призывами и спокойно продолжали туда ходить, насколько позволял потощавший кошелек. Атмосфера террора еще не сгустилась, арийская утопия выглядела туманным наброском, однако Хенрик плюнул на все, отказался от предложенной кафедры криминологии и уехал в Лондон. И правильно сделал. Вскоре немецкого дипломата Эрнста фон Рата застрелил еврейский беженец Гриншпан, и началось то, чего прежде не

видывали: берлинская ночь взорвалась криками, сполохами факелов и звоном бьющихся стекол. Загорелись синагоги. Из своего окна Гуго наблюдал, как бурлит на улицах безудержная ненависть. Будто Шпрее вышла из берегов. На следующее утро город проснулся выпотрошенным штурмовиками, выпачканным пеплом и кровью. Погибла почти сотня евреев, многие тысячи их были арестованы и отправлены в лагеря. У них конфисковали все телефоны и радиоприемники, ввели обязательное ношение желтых звезд, запретили пользование городским транспортом и общественными уборными, последовали ограничения на работу и учебу. Одним словом, Хенрик так и так потерял бы профессорскую должность.

Гуго перевел взгляд на дорогу за ветровым стеклом.

Показался Аушвиц, куда, кстати, должны были бы отправиться Хенрик и его мать. Лагерь выглядел внушительно: двойной ряд колючей проволоки на мощных, загнутых вовнутрь столбах, сторожевые вышки по всему периметру, прожекторы, словно чьи-то внимательные глаза, шарящие сквозь плотный снегопад. Таблички с черепом и скрещенными костями предупреждали: «Стой!» Проволока под напряжением. Всякий дотронувшийся до нее умрет прежде, чем охранник успеет схватиться за пулемет. Именно в Аушвиц и в подобные ему лагеря свозили евреев.

– Само собой разумеется, вы ни при каких обстоятельствах не должны разглашать то, что увидите в Аушвице и Биркенау, – сказал Фогт.

Ему не требовалось для убедительности прикасаться к пистолету в кобуре. Хватало злого блеска черепа на фуражке.

– В лагере выполняются важные задачи на благо тысячелетнего рейха. Мир пока не готов понять замыслы нашего фюрера, так что меньше знают – лучше спят. Мы просим вас проявить лояльность и сдержанность, не надо лишней шумихи.

– Конечно, – кивнул Гуго. – Меня проинструктировали на этот счет.

– Я покажу вам тело доктора Брауна и место, где оно было обнаружено, – продолжил эсэсовец. – Затем провожу к коменданту Либехеншелю, ему не терпится познакомиться с вами.

Шлагбаум медленно поднялся в вихре белых хлопьев, и «лоханка» вкатилась в ворота, увенчанные надписью из кованого железа.

Влажные от снега буквы в резком свете прожекторов выглядели устрашающе. Почему-то Гуго стало не по себе от девиза, утверждавшего, что труд освобождает. Он отвернулся к боковому окну.

Ветер трепал ветви старой березы, росшей у входа. Вдоль дороги тянулась череда каменных бараков, аккуратных и безмолвных. Справа проступала приземистая постройка с трубами высотой в несколько метров. Везде был образцовый порядок, какого не ждешь от концентрационного лагеря.

Перед дымящей постройкой рядами по пять человек стояли заключенные. Их пальто выглядели слишком легкими для суровой зимы. Худые люди качались в свете прожекторов, словно невесомые. Поодаль были горой свалены трупы в одной только полосатой робе: животы заголены, тонкие руки широко раскинуты на снегу.

– Но это... – начал Гуго и запнулся.

Слюна во рту вдруг превратилась в песок.

– Но это?.. – ехидно переспросил Фогт, после чего от души рассмеялся, поправил козырек фуражки и слегка ослабил воротник.

Даже мощный аромат его одеколона не мог перебить вонь горелого мяса.

– В Берлине об этом месте ходят всякие слухи... – пробормотал Гуго.

– Например?

– Говорят, крематории Аушвица работают день и ночь, и в итоге мертвецов тут больше, чем работников. – Он смущенно пожал плечами.

Губы Фогта растянулись в волчьем оскале, и у него вновь вырвался смешок.

– Это не трубы крематориев. Всего лишь дымоходы лагерных кухонь, – издевательски произнес он.

Гуго сдавленно хихикнул. Артур Небе, откликаясь на просьбу коменданта Аушвица прислать лучшего следователя, дружески посоветовал Гуго сосредоточиться на работе и не задавать лишних вопросов. «Не вмешивайтесь в то, что вас не касается, – предупредил он. – Просто не суйте нос, куда не надо». Если Гуго что и удавалось в жизни, так это поступать наперекор Артуру Небе.

– Зачем их держат на морозе в такой час? – рискнул спросить он, когда машина свернула в проулок и заключенные остались позади.

– Обычная вечерняя поверка. – Фогт мельком глянул на часы.

«Лоханка» затормозила.

– Хотя вы правы, сегодня они что-то подзадержались. Возможно, имела место попытка к бегству или у дежурных просто веселое настроение.

Шофер заглушил мотор. Офицер вышел первым. Свет фар очертил широкоплечую фигуру в форменном кожаном пальто. Черная статуя на фоне ночного неба и белого снега.

– Предвосхищая ваше любопытство, – произнес Фогт. – Крематорий – во-он там, за тем баракком. – Он неопределенно махнул рукой куда-то вперед. – Кстати, он у нас довольно примитивный. По назначению больше не используется, здание переоборудовали в склад. Вот в Биркенау – другое дело: там мы улучшили вентиляцию, и теперь трупы горят быстрее и качественнее. Даже грузовой лифт имеется. Короче, зондеркомандам не на что пожаловаться.

– Зондеркомандам? – Гуго кое-как выкарабкался из автомобиля, тяжело опираясь на трость, чтобы не поскользнуться.

– Особое подразделение заключенных, работающих с трупами. Да вы их видели на станции. Такие, в полосатых робах с желтым треугольником.

Гуго посмотрел туда, где виднелось странное сияние, напоминавшее полярное, и поднимался столб желтоватого вонючего дыма, замеченный им еще на станции. Похоже, Фогта его расспросы не беспокоили, и он решил продолжить.

– Это дымят крематории?

Фогт задержался на крыльце десятого блока, облизал потрескавшиеся на холоде губы.

– Иногда у нас образуется затор из нескольких партий, – признал он. – Крематории современные, производительные, но и их не хватает. Приходится устраивать костры из дров, облитых битумом и отработанным маслом, рубить деревья в Кобюре. Интересующий вас дым как раз от такого костра. Его легко отличить по цвету.

Гуго оторопело уставился на Фогта. Выходит, в лагере мрет столько людей, что трупы сжигают на кострах, и офицер этого даже не отрицает. Фогт едва заметно усмехнулся, и Гуго засомневался, шутит тот или говорит серьезно. Одно было очевидно. Небе прав, всякое неосторожное слово будет истолковано превратно и может повредить

карьере. В обязанности Гуго не входит оценка организации работы в трудовом лагере, равно как и методов обращения с заключенными. Пора менять тему разговора.

– Расскажите мне о докторе Брауне, – сухо попросил он.

Тристан Фогт открыл дверь. За ней оказался коридор, пропахший хлоркой. Фогт щелкнул выключателем и молча пошел вперед. Его длинная тень поползла по мучнисто-белым стенам, подергиваясь в свете моргающих лампочек.

– Сигизмунд Браун был педиатром, специализировался на генетических болезнях, – произнес Фогт, поднимаясь на второй этаж.

Его чуть ли не строевой шаг звучал размеренной барабанной дробью.

– Доктор получил разрешение на работу в лагере лично от рейхсфюрера Гимmlера, – веско добавил офицер.

Это Гуго уже и сам раскопал в берлинских архивах. Уроженец Вупперхофа, окончил медицинский факультет, работал в Баварии, в детском отделении государственной больницы Кауфбойрен-Ирзее. В тридцать первом вступил в партию, в тридцать восьмом – в СС. Ветеран войны. Вернулся с фронта с ранением в ногу, тремя поясничными грыжами, которые время от времени надолго приковывали его к постели, и двумя железными крестами. Направлен на медицинскую службу в Аушвиц в звании обершарфюрера.

Гуго остановился на середине лестницы, чтобы дать отдых ноге и перевести дух. Он огляделся, скорее от смущения, чем из любопытства. Под лестницей вдоль коридора первого этажа располагались палаты. Для полевого госпиталя здесь было слишком тихо, а высокая квалификация того же Брауна не позволяла предполагать, будто его послали сюда, только чтобы оказывать помощь обычным заключенным. Что-то не сходилось.

– Доктора Брауна устраивала его работа? – спросил он.

– Разумеется! – Фогт энергично кивнул, серебряный череп на фуражке словно ухмыльнулся Гуго. – По сути, он получил повышение, а не понижение в должности, – добавил оберштурмфюрер.

У Гуго в голове не укладывалось, что ученый мог рассматривать работу в концентрационном лагере как продвижение по карьерной лестнице. Видимо, этот Браун был большим оригиналом.

– Кто обнаружил тело?

– Один из пациентов. – Фогт провел рукой в перчатке по поручню. – Судя по всему, наш доктор поперхнулся кусочком яблока. К сожалению, время было позднее, рядом не оказалось никого, кто бы ему помог. Пациент же заглянул слишком поздно.

– Под пациентом вы подразумеваете заключенного?

– Да, ребенка, – уточнил Фогт.

– Бедняга. Он наверняка перепугался.

– У вас есть дети, герр Фишер?

– Пока нет. Я не женат.

– А у меня был один. – Фогт вздохнул, и гримаса печали превратила его глаза в две лужицы расплавленного свинца. – Дети умеют замечательно справляться с ситуациями, которые пугают взрослых. Между нами говоря, детей Аушвица видом трупа не проймешь.

Они обменялись долгим взглядом. Казалось, офицер собирался сказать о лагере что-то еще, но передумал. Гуго чувствовал себя как на иголках. Он вновь осмотрелся, стараясь уловить царившую здесь атмосферу, и продолжил расспросы:

– Ребенок был пациентом доктора Брауна?

– Нет, Йозефа Менгеле.

– В блоке проживают только дети?

– Детей совсем немного, их привез доктор Менгеле из Биркенау. Палаты первого этажа заняты сотней с лишним женщин-заключенных, подопечных гинеколога доктора Клауберга. Как видите, берлинские болтуны все несколько преувеличивают. Масса врачей жертвует здесь своей карьерой, заботясь о заключенных и их детях.

Несмотря на заверения оберштурмфюрера, Гуго не мог заставить себя не озираться. В окружающей обстановке было нечто глубоко неприятное, отчего по спине бегали мурашки и вставали дыбом волоски на коже. В воздухе что-то витало, словно повсюду разлилась невидимая патока, замедляющая движения. Блок больше походил на морг, чем на больницу.

– Если ваш Браун просто подавился, зачем Либхеншель потребовал моего приезда? – рассудительно заметил Гуго.

– Пожелал убедиться, что он действительно подавился. – Фогт зашагал дальше вверх по лестнице. – После смерти доктора по лагерю

поползли шепотки, нарушающие психологическое равновесие обитателей, и комендант хочет поскорее положить им конец.

– Какие именно шепотки?

Фогт остановился на последней ступеньке и принялся задумчиво массировать пальцы правой руки.

– У санитаря Берта Хоффмана случился нервный срыв. Говоря о кончине доктора, он заявил, будто того утащили призраки. Чушь, конечно, притом чушь совершенно неуместная.

– И подобная фраза, брошенная человеком в состоянии истерики, вызвала у людей панику? – Брови Гуго скептически поползли вверх, и он постарался вернуть их на место, чтобы не выглядеть невоспитанным.

– Слухи о привидениях в десятом блоке бродят давно, – ответил Фогт. – Отсюда один шаг до массового помешательства. Вот почему сюда вызвали вас. Необходимо убедительно доказать, что в смерти Брауна виноват кусочек яблока, попавший не в то горло, а не таинственные призраки.

Гуго стоял на три ступеньки ниже Фогта, опершись на трость. Он поверить не мог, что комендант побеспокоил его по такому поводу. Позволил проникнуть в лагерь, место, скрытое завесой полной секретности, и все ради того, чтобы пресечь шепотки о призраках? У него уже руки чесались от нетерпения.

– Я бы хотел побеседовать с комендантом, – твердо сказал он. – Да, и с тем санитаром тоже.

– Боюсь, последнее невозможно, – отрезал Фогт. – Физическое состояние Хоффмана не позволяет ему разговаривать, он помещен в лагерную тюрьму.

– За то, что напугал пациентов?

– Нет. – Взгляд офицера сделался ледяным, однако голос оставался спокойным. – После возмутительного заявления Хоффмана медсестра Бетси Энгель начала приглядывать за ним и услышала, как в беседе с другой медсестрой, Адель Краузе, тот утверждал, что доктор Браун получил по заслугам. Мы сочли необходимым обыскать комнату Хоффмана и обнаружили под матрасом изрядное количество зеленых треугольников, которыми санитар заменял красные.

– Треугольники? – непонимающе переспросил Гуго.

– Да, тряпичные треугольники. – Фогт пальцем начертил в области сердца воображаемый треугольник. – Их пришивают к робам. Зелеными обозначают обычных заключенных, красными – политических. Хоффман тайком раздавал политическим зеленые треугольники. Это подлое предательство.

– Ничего не понимаю... – извиняющимся тоном произнес Гуго.

Фогт тяжело вздохнул.

– Зеленые треугольники, – терпеливо объяснил он, – предназначаются для обычных немецких преступников. Воров, насильников, убийц, то есть граждан арийской расы. Они становятся капо и руководят работой остальных заключенных. Из них выходят отличные надзиратели, безжалостные и стойкие. Именно то, что требуется для поддержания порядка. Хоффман же раздавал зеленые треугольники коммунистам и прочей шушере с целью получить более покладистых надзирателей, а по сути – бесхребетных слюнтяев. Таких, которые будут квохтать над каждым евреем, чтобы им легче жилось.

– И что теперь ждет Хоффмана? – Гуго пристально посмотрел на Фогта.

– Его ждет суд. Скорее всего, его отправят на восточный фронт. Многие поверили, будто доктор Браун умер насильственной смертью, – якобы об этом свидетельствуют слова Хоффмана, вот в чем беда.

– Поподробнее, если можно.

– Пациенты считают, что доктора утащили на тот свет призраки, работники – что его прикончил сам санитар. Может быть, Браун раскрыл аферу с подменой треугольников...

– Ясно, – кивнул Гуго. – Однако если герр Либехеншель хочет, чтобы я выяснил правду, он должен позволить мне допросить Хоффмана.

– Об этом вы вскоре сможете побеседовать с комендантом лично. У меня приказ проводить вас в траурный зал для освидетельствования тела, затем в кабинет, где оно было найдено, – ответил Фогт с каменно-равнодушным лицом.

Импровизированный траурный зал устроили в одной из палат.

Потрескивали свечи. От них над свежими цветами в воздух тянулись тонкие струйки дыма. В помещении висел мрачный церковный дух. Гуго с Фогтом задержались в дверях, и их тут же окутало едкое зловоние смерти.

Сигизмунд Браун покоился на стальной каталке, которую покрыли тканью, дабы замаскировать, насколько возможно, неподобающее ложе. В изголовье висели красные флаги с черной свастикой в белом круге – дань уважения его преданности великому рейху, и другие, черные с рунами, – в память о верной службе в СС.

В блеклом свете Гуго разглядел знаки отличия на мундире, в который одели покойника. Гордо поблескивала начищенная пряжка ремня, на груди заботливо приколоты железные кресты, сбоку серебрился нарядным позументом кортик. Из-под фуражки виднелись седые волосы, поредевшие на висках. Лицо чисто выбритое, щеки помертвецки впалые, губы под аккуратными темными усами тонкие, бескровные. Даже на смертном одре Браун производил впечатление рослого, крепкого мужчины. Ему было лет пятьдесят. Наверняка при жизни его считали даже привлекательным.

Тихонько войдя, Гуго снял шляпу и остановился в углу, позади людей, пришедших проститься. Под заколоченным окном, у самого тела сидела высокая женщина в серой форме хельферин^[3] СС. Казалось, она почти не дышала, словно статуя. Подчеркнуто прямые плечи придавали ей нечто генеральское, а крупные черты красивого лица наводили на мысль о валькириях. Единственным фривольным штрихом были светлые волосы, волнами ниспадавшие на белую шею: они возвращали ей толику женственности.

«Генеральша» почти не шевелилась, лишь комкала в ладонях форменные перчатки. Ее горе было очевидно и материально, оно расплзлось по всей комнате. Другая служащая вспомогательного подразделения ладонью накрыла ее руки, чтобы та прекратила терзать перчатки. Только тогда она немного расслабилась, всхлипнула и вдруг сделалась хрупкой и беззащитной.

– Фрау Браун, – шепнул Фогт на ухо Гуго. – Брунгильда Браун. Служит в Биркенау.

– А вторая? – Гуго кивнул на ту, что помоложе.

Это была примечательная женщина. Красивая, но лицо изуродовано родимым пятном кофейного цвета от левого виска до подбородка. Она пыталась скрыть его волосами, но те были слишком короткие.

– Анита Куниг. Они с фрау Браун заведуют складом личных вещей и очень дружны. У нас, в Аушвице, быстро завязывается крепкая дружба. Понимаете, когда вдруг обнаруживаешь себя в *anus mundi*^[4], жизненно необходимо как-то отвлечься, чтобы не утратить человеческий облик.

Anus mundi.

Тристан Фогт изящно дал ему понять, что мест хуже этого еще поискать. Гуго пристально посмотрел на офицера, в голове зароились вопросы, но лицо оберштурмфюрера вновь стало подчеркнуто бесстрастным, и он принялся вполголоса представлять остальных. При этом то один, то другой человек обращал на них взгляд, словно вдруг почувствовав, что говорят о нем.

Мужчина в штатском, сидевший справа от покойника, оказался доктором Карлом Клаубергом, бригаденфюрером и земляком Брауна. Низенький, редкие волосы, круглые очки на крючковатом носу. Они вместе учились, один стал генетиком-педиатром, второй гинекологом.

– Браун был единственным другом Клауберга. – В шепоте Фогта сквозили нотки презрения. – Донельзя спесивый тип, половина персонала его не переваривает.

– И вы тоже, по-моему, – одними губами произнес Гуго.

Фогт протяжно вздохнул:

– Должен ли мне нравится субъект, именуемый досадным инцидентом убийство девушки, потому что она отказалась лечь с ним в постель?

– Понимаю. Как он попал в Аушвиц?

– После «инцидента» – объявился в Польше, по сути, удрал из Германии. Клауберг на короткой ноге с самим Гиммлером, и тот помог ему устроиться в наш лагерь.

Рядом с бригаденфюрером сидел ассистент покойного Осмунд Беккер: высокий, голубоглазый, со смоляными волосами. Молодой

генетик, только-только получивший диплом. Он разбился в лепешку, чтобы из Гамбурга его направили в Аушвиц, так как считал, что именно тут ему откроется путь к блестящей карьере. И вновь Гуго подивился тому, что все эти люди рассматривают работу в концентрационном лагере как перспективу профессионального роста.

Беккер нервно озирался. Его взгляд метался от медсестер к Аните Куниг и обратно. Даже вдова не оставалась обделенной. Похоже, жизнь и красота занимали Осмунда больше, нежели мертвец. Что же, его сложно было в этом винить.

Поодаль от других сидели три женщины – по словам Фогта, медсестры, работавшие под началом Брауна.

Ближняя – Бетси Энгель, та самая, которая сообщила эсэсовцам о Берте Хоффмане. Небольшого росточка, с томными кукольными глазами, тщательно покрашенными губами, похожими на переспелые ягоды, что так и просятся в рот. На обтянутую халатом грудь спадали каштановые кудри. Похоже, все в ней призвано было притягивать взгляды и всеобщее внимание. Между прочим, единственным развлечением для офицеров в этом богом забытом месте был лагерный бордель, устроенный в блоке № 24.

– Мы называем его «кукольным домиком», – шепотом рассказывал Фогт. – Там есть настоящие красотки, но здесь, конечно, все глаза обращены на Бетси.

– А две другие?

Фогт указал взглядом на медсестру с кудрявыми, медно-рыжими стриженными волосами:

– Адель Краузе из Ирзее, работала с Брауном еще до Аушвица.

Третьей была Бетания Ассулин. Еврейка. Она сидела, сложив руки на животе, на плече – нарукавная повязка. Медсестра подняла глаза, и Гуго приметил в мутных радужках проблеск страха. Волосы цвета воронова крыла окаймляли красивое бледное лицо. От самоуверенности Бетси и свежести Адель оно отличалось какой-то скрытой червоточиной. Были ли тому виной темные круги под глазами, болезненно заострившиеся скулы или затаенный ужас, но девушку словно поглощала некая тень. Вдруг она нагнулась и вытерла платком капельку крови, стекавшую по лодыжке.

– По-моему, ей нехорошо, – не сдержался Гуго.

– Это же еврейка, – коротко ответил Фогт; его глаза превратились в две узкие стальные прорези.

– Ну да. И этой еврейке явно нездоровится.

– Поверьте, – проникновенно сказал Фогт, – здесь ей лучше, чем в Биркенау. Думаю, вам пора представиться. Что скажете?

Оберштурмфюрер кивнул на людей, не сводивших с них глаз. Только Бетания Ассулин сидела потупившись.

– Здравствуйте, – произнес Гуго, сжимая в руках свою шляпу; чутье сыщика заставило его посмотреть на вдову. – Меня зовут Гуго Фишер. Полагаю, вы знаете, для чего я здесь.

– Я думала, что после церемонии смогу отправить гроб в Берлин. – В горестном голосе Брунгильды Браун отчетливо прозвучало негодование. – Вместо этого нам велели сидеть здесь и ждать вас.

– С отправкой придется повременить по меньшей мере сутки, – извиняющимся тоном сказал Гуго. – Я должен освидетельствовать тело. Мне говорили, у вас есть хороший патологоанатом?

– Да, мой еврей, – громко ответил Клауберг. – Или хоть еврей герра Менгеле. Одним словом, найдем.

– А без этого никак? – Вдова вскочила на ноги – в ее глазах плескалась ненависть, вся арийская красота испарилась, обратившись суровой ледяной маской, которую подчеркивала серая форма. – Мне даже не разрешили попрощаться с мужем дома, – бросила она презрительно. – И я не допущу, чтобы к нему прикасалась еврейская крыса!

– Брунгильда... – Анита Куниг мягко взяла ее за руку.

– Не трогай меня! – вырвалась та.

Гуго смущенно прокашлялся.

– Фрау Браун, я обязан выяснить, от чего именно умер ваш муж. Собственно, именно за этим меня и вызвали. Это моя работа. Обещаю закончить самое позднее завтра к вечеру, но обойтись без вскрытия никак нельзя. Может быть, удастся найти патологоанатома-немца, если вам так будет легче?

– А не получится! – Гнусавый хохот Клауберга заставил Гуго внутренне поморщиться. – Здесь все патологоанатомы – жида.

– Я хочу немедленно поговорить с комендантом! – не унималась вдова.

Она дрожащими руками натянула кожаные перчатки и коснулась локтя Аниты, чтобы та шла за ней.

– Я не позволю еврею проводить вскрытие! Придется вам ограничиться простым осмотром тела. Он должен как можно скорее упокоиться в семейном склепе и получить все заслуженные почести!

– Я подожду вас снаружи, – сказал следователю Фогт и сделал знак присутствующим.

Один за другим все потянулись к выходу вслед за фрау Браун. Гуго остался один. Тут же наступила глубокая тишина. За что Гуго ценил мертвецов, так это за их замечательную способность хранить молчание, не жалуясь и не поднимая лишнего шума.

Отставив трость, он сел. И только тут заметил, что продолжает судорожно сжимать в руке шляпу. Какая-то фантазмагория. Перед ним на каталке лежал мужчина, умерший из-за того, что кусочек яблока застрял у него в трахее. На первый взгляд, тривиальный случай. Однако этот господин выбрал для смерти особенное место, где человеческие страдания вызывали к жизни призраков, а те в итоге утащили за собой и герра Брауна.

Гуго прыснул. Чертов Небе решил его проучить, не иначе. Гуго предпочел бы остаться в прокопченном Берлине с риском попасть под английскую бомбу, нежели угодить в *anus mundi*, как поименовал это место Фогт.

Вздыхнув, он потер щеку. Отросшая щетина неприятно покалывала пальцы. После дня пути Гуго чувствовал себя грязным. Он расстегнул пальто, сунул нос под мышку, принюхался. Да-а, пованивал здесь не только мертвец, это точно. Хотелось принять горячий душ, вколоть морфий, чтобы унять боль, повалиться в постель и проспаться до утра. Во время рецидивов он превращался в старую развалину, а не в ищейку, готовую без устали бежать по следу.

Положив шляпу на стул, он подошел к каталке. Он довольно долго разглядывал Брауна, прежде чем ощупать живот и шею. На коже ничего подозрительного видно не было. Обручальное кольцо на безымянном пальце отсутствовало, но осталась светлая полоска. Интересно, зачем с него сняли этот символ вечной любви?

Гуго взялся за подбородок мертвеца и нажал, открывая ему рот. Между миндалинами виднелся кусочек яблока. Слишком неглубоко, чтобы не вылететь при кашле или при попытке реанимации. Гуго

наклонился, понюхал. Ничего необычного, только запах прокисшего яблока. Вновь осмотрел ротовую полость и вроде бы разглядел порезы на слизистой правой щеки и языке. Закрыл мертвецу рот и продолжил ощупывать шею и лимфатические узлы. С усилием повернул голову налево, направо. За левым ухом обнаружили тонкие царапины. Он расстегнул воротник мундира и увидел алые пятна гипостаза^[5].

Под конец Гуго снял с Брауна фуражку. На лысеющем лбу – припухлость, словно от удара чем-то небольшим, твердым, неправильной формы. Гуго снова надел покойнику фуражку, поправил козырек, в знак уважения разгладил мундир. Подумал, что фрау Браун права, вскрытие обернется катастрофой. Однако что-то вызвало у него тревогу и давило на сердце. Сигизмунд Браун умер, без сомнения, но всяческие призраки тут ни при чем, хотя они наверняка кишмя кишат вокруг. Его смерть – дело рук живых.

Нахлобучив шляпу, Гуго покинул комнату. На стенах плясали тени от догорающих свечей. Одна уже потухла, от фитиля сильно запахло воском. Гуго двинулся по коридору, показавшемуся теперь длиннее и уже, чем прежде. Гуго был не из тех, кто верит в привидения, да и испугать его было нелегко, но затянутый темнотой блок, бесспорно, наводил ужас.

Коридор вытянулся кишкой. Из единственного не забитого наглухо окна внутрь проникал мертвенный свет, от которого тени казались лишь гуще. Слабое жужжание лампочек создавало идеальный звуковой фон для страшной сказки. Неудивительно, что здесь прижились байки о призраках.

Подойдя к лестнице, Гуго услышал за спиной шум. Эхо от стука трости? Он оглянулся. Ему показалось, что-то мелькнуло там, где сумрак был гуще всего, куда не дотягивался мерцающий свет.

– Кто здесь? – спросил Гуго и разглядел два глаза и чью-то челку.

«Призрак» исчез так же быстро, как появился.

Йоиль прижался к холодной стене, почти слившись с ней, у него перехватило дыхание. Пол тоже был ледяным.

Он только что выскользнул из спальни. Никому, кроме Йоиля, не доставало храбрости встать с кровати и встретиться с темнотой коридоров. С тех пор как умер доктор Браун, дети боялись ходить там даже днем. Йоиль всем, конечно же, рассказал, как было дело. Чего скрывать, ему хотелось произвести впечатление, ну и напугать их немного. Он красочно описал разинутый рот, распухший язык и вытаращенные зенки – так, словно глазные яблоки собирались присоединиться к коллекции дяди Менгеле. Дети ревели от ужаса, а Йоиль смеялся. Однако ночью ему приснился доктор Браун, и это оказалось даже страшнее, чем наяву.

Тело должно было пролежать в особой палате еще три дня. Йоиль решил пойти туда и убедиться, что на самом деле не все так страшно и он не путает сны с явью. Вот почему он отважился на ночную вылазку и теперь крался на женские голоса.

Вот наконец и нужная палата. Доктор Браун лежал, засыпанный цветами. Тонкие свечки отбрасывали на стены дрожащие, пугающие тени. Йоиль сжался, спрятавшись в самом темном уголке, и терпеливо дожидался, пока взрослые не покинут палату.

Последним вышел высокий молодой господин, странно подтаскивавший за собой ногу и опиравшийся на палочку. На нем было серое пальто, совсем не похожее на форму СС. Оно напоминало обычное драповое пальто, как у папы Йоиля. Однако на рукаве у незнакомца краснела повязка со свастикой. Он обернулся, и Йоиль рассмотрел его лицо: свинцовые глаза, прямой нос, острый, типично немецкий подбородок. Тем не менее мужчина показался ему не таким опасным, как другие взрослые в лагере. Потом человек в пальто тоже скрылся, и Йоиль смог безбоязненно выбраться из угла. Он вошел в палату.

Браун лежал на каталке, одетый в мундир вместо белого халата. Глаза и рот у него были закрыты, язык больше не вываливался. Даже усы, похоже, подровняли. В общем, хоть сейчас на парад. Йоиль

обогнул каталку, привстал на цыпочки, принялся. Сердце отчаянно билось. А вдруг доктор вскочит и набросится на него? Теперь от мертвеца пахло иначе, чем в тот вечер: чем-то кислым.

Когда умерла их собачка Пончик, мама сказала, что нужно поскорее закопать трупик в землю, не то он начнет плохо пахнуть. Тогда Йоиль понял, что с окончанием жизни уходит и все хорошее, а смерть приносит скорое разложение. Даже запах портит. Вот это и происходило теперь с доктором Брауном.

Йоиль отступил на шаг, чтобы лучше видеть, но вдруг краем глаза заметил тень, метнувшуюся по полу. Сердце едва не выпрыгнуло из груди. И тут Йоиля схватили за шиворот. Он решил, что его сцапал кровожадный призрак.

– Чем ты здесь занимаешься? – взвыло существо, таща Йоиля прочь от каталки так свирепо, что он не мог даже обернуться.

Его толкнули – мальчик полетел на пол и ударился лицом о ножку стула. Губа лопнула. Железистый вкус крови наполнил рот, ноги сделались ватными от ужаса.

– Мерзкий червяк! – продолжал завывать призрак. – Грязный жиденок!

Йоиль поднял глаза. Во взгляде Бетси было столько ненависти, что он действительно почувствовал себя червем и, извиваясь, пополз к двери. Однако медсестра преградила ему дорогу и отвесила пощечину. Щека запылала, из глаз брызнули слезы.

– Жиденок!

– Бетси, оставь его!

В комнату, стуча каблуками по каменному полу, вбежала Адель.

– Бетси, не трогай! Это мальчишка герра Менгеле!

Бетси вся тряслась от ярости. Она готова была прибить Йоиля, но что-то ее удерживало. То ли слова Адель, то ли понимание, что, если она покалечит пациента, Менгеле рассвирепеет и уволит ее.

– Повезло тебе, гаденыш, явилась твоя заступница, – прошипела она, поправляя растрепавшуюся прическу, после чего принялась тереть ладонь о ладонь, словно успокаивала себя.

– Не пори чушь, – невозмутимо возразила Адель. – Я не могу позволить тебе калечить «кроликов» доктора Менгеле. Они нужны для важных исследований.

– Браун все время прикидывался, будто не замечает, что ты потворствуешь этим крысятам, – Бетси метнула презрительный взгляд на мертвеца, – но теперь все изменится, и вскоре ты сама узнаешь, почем фунт лиха.

– Хватит уже, Бетси. – Адель устало вздохнула, помогла Йоиллю встать на дрожащие ноги, пригладила его растрепанные волосы. – Это ведь ты обнаружил тело, да?

Йоиль опасливо кивнул.

– Ты тогда не заметил ничего необычного в кабинете?

Йоиль замотал головой, надеясь, что блестящие и испуганные глаза не выдадут его ложь.

– А теперь сгинь, – произнесла Адель чуть резче.

Упрашивать Йоиля нужды не было. Он кинулся прочь и стрелой помчался в свою комнату. В груди жгло огнем от быстрого бега. Мальчик нырнул под одеяло, посасывая разбитую губу. Вкус у крови удивительно железный, точно монетку во рту держишь.

Йоиль просунул руку в прореху матраса и достал маленькую золотую подвеску в виде буквы «Б». Он нашел ее под рождественской елью в кабинете Брауна. На оборотной стороне было выгравировано: «4 декабря 1931». Йоиль провел кончиком пальца по крохотным царапинкам и выступу бриллиантика в уголке буквы, после чего спрятал обратно в матрас.

Это был настоящий клад.

Пригодится, когда они с мамой, папой и братом покинут лагерь.

В операционном зале, где прежде работал доктор Браун, пахло химикатами и средством для мытья полов. Просторное прямоугольное помещение, выложенное плиткой. С одной стороны белели операционные столы, с другой матово сверкали хромом загадочные приборы. На полках – аккуратные ряды банок с формалином, тут же – корзинка с блестящими яблоками и несколько анатомических атласов.

Личные апартаменты доктора выглядели куда уютнее. Книжный шкаф, мягкие кресла... Так и видишь Сигизмунда Брауна с сигарой в зубах за занимательной книгой. Напротив – письменный стол с микроскопами и фотографией фюрера. Рядом наряженная елочка, источавшая аромат смолы, а поодаль чугунная печь. Совершенно не похоже на место, где случилась трагедия. Все идеально чисто, белый халат висит на крючке, на столе образцовый порядок, книги расставлены по ранжиру. Вот только вонь от хлорки вытесняет въевшийся в стены запах табака.

Гуго присел за стол, оглядел микроскопы. Да, прибрали хорошо. Никому, похоже, и в голову не приходило, что это место преступления и относиться к нему надо соответственно. Выходит, ничего подозрительного здесь не произошло: не осталось ни доказательств удушения, ни какой-нибудь улики, могущей навести на след. Не комната, а пустая коробочка, из которой выбросили все ценное.

Однако по опыту Гуго знал: что-то обязательно должно остаться. Он прошелся взглядом по столу. Рядом с фирменным блокнотом лежало золотое перо «Кавеко». Он провел указательным пальцем по верхнему листку. Нет, ничего, кроме назойливого покалывания, донимавшего его последние несколько дней. Попробовал средним, затем безымянным... И даже охнул, почувствовав канавки, оставшиеся на бумаге от нажима пера. Достал из портфеля коробочку с углем, слегка припорошил листок. Черная пыль оттенила шершавую бумагу, и на ней проявилась белая надпись: «КУКОЛКА АБО».

– Что за черт?

Сердце застучало чаще. В солнечном сплетении образовалась знакомая пустота, которую Гуго называл интуицией. Браун (или кто-то

другой) написал это на верхнем листке, который потом оторвал. Перо продавило бумагу, оставив на следующем отпечаток, словно на глине. Записка? Кому?

Гуго взял ручку, предусмотрительно обернув ее носовым платком, и осмотрел кончик пера. Оба зубца слегка выгнуты наружу, прорезь для чернил немного расширена. Похоже, на ручку сильно давили при письме. Гуго положил ее в один бумажный пакетик, а записку – в другой. Он поднялся, в последний раз окинул взглядом кабинет, после чего спустился на первый этаж и подошел к двери, замыкавшей это мрачное место. Оглянулся на длинный ряд наглухо закрытых дверей в палаты, похожих на судорожно стиснутые зубы, и вышел на морозный воздух.

Падал густой снег. Снежинки вихрились под фонарями, заматывая все и вся, глуша звуки. Площадка для переключки, скорее всего, уже опустела. Заключенные разбрелись по баракам, охранники – по казармам. Остались только караульные в будках по периметру лагеря. Гуго стало их жалко.

У крыльца его поджидал Фогт. Свой зонтик он не открывал, и снег запорошил его с ног до головы, скрыв даже череп и раскинувшего крылья орла на фуражке. Фогт вдумчиво докуривал сигарету, пожевывая промокший фильтр, и обозревал окрестности, словно перед ним был прекраснейший в мире пейзаж.

– Ну как? Нашли что-нибудь интересное, герр Фишер? – Тусклые серые глаза стрельнули в Гуго из сумрака.

– До вскрытия рано говорить. – Гуго зябко поднял воротник. – Одно мне ясно. Тот кусочек яблока не застрял в трахее. Он мог выскочить...

– Но чтобы это доказать, необходимо провести вскрытие, – закончил за него Фогт, протягивая серебряный портсигар, блеснувший в косом луче прожектора. – Должен предупредить. Фрау Браун пользуется в лагере немалым влиянием. Ее отец – группенфюрер СС.

Гуго взял сигарету, раскурил и твердо сказал:

– Я обязан провести вскрытие, нравится это фрау Браун или нет. Трупы похожи на снег. Посмотришь – вроде все чисто и бело, но стоит копнуть поглубже, натыкаешься на такую грязь...

– Вы правы, снег даже самое темное превращает в светлое. – Меланхоличный взгляд Фогта скользнул по алее.

Заснеженный Аушвиц напоминал затерянную в горах деревню. В одних местах фонари совершенно разгоняли ночь, в других, наоборот, тени собирались в дегтярные лужи, но в целом вид был сказочным.

– А если Браун не подавился, то почему он умер? – любопытствовал Фогт.

– Это-то я и должен выяснить, – пожал плечами Гуго.

– Значит, вы склоняетесь к версии о насильственной смерти?

– Скажем так, есть у меня предчувствие...

Гуго глубоко затаился, потом выдохнул дым через ноздри. Снежинки, гонимые ветром, жалили лицо. Перед глазами возникла ледяная кожа трупа. Гуго подумал о людях, пришедших проститься с доктором, о его вдове, медсестрах-немках и перепуганной еврейке. Бетания Ассулин, медленно вытирающая кровь с лодыжки, застряла у него в голове.

– Кстати, а что случилось с той заключенной? – Гуго махнул рукой, указывая на дверь за спиной.

Фогт бросил окурок и затоптал его носком начищенного сапога. Почему-то Гуго при этом почувствовал неприязнь. Наверное, хруст снега под подошвой напомнил о растоптанной головке младенца.

– Она всего лишь еврейка, – проронил Фогт. – Знаете, на вашем месте я бы не стал чересчур интересоваться евреями. Выставьте себя в дурном свете. Вас ведь вызвали, чтобы расследовать смерть Брауна?

– Разумеется, герр Фогт.

Вместе с последней затяжкой Гуго проглотил и свою досаду. Он припомнил наставления Небе, стукнул кончиком трости по земле, желая избавиться от раздражения, сжал набалдашник в ладони. Оглядел заколоченные окна десятого блока и стену, отделявшую его от одиннадцатого. В соседствующих зданиях было что-то неприятное. Они словно два угрюмых лица с сердитыми глазами, злыми ртами и заскорузлой кирпичной кожей. Внутри происходило нечто, о чем Фогт не имел права и не желал рассказывать. То, в чем лучше было не копаться. Оставить грязь под покровом снега.

– Теперь я хотел бы повидаться с комендантом, – произнес Гуго со вздохом.

– Разумное решение, – усмехнулся Фогт, оттаивая, и сделал знак шоферу, все еще сидевшему в «лоханке».

Поездка выдалась короткой.

За запотевшим стеклом промелькнули ровные ряды бараков под скатными крышами. Старые деревья тянули к небу голые заснеженные ветви. «Кюбельваген» остановился. Они вошли в какое-то здание, и Фогт проводил Гуго до кабинета. Тот постучал, прокручивая в голове все, что разузнал о коменданте в Берлине.

Артур Либехеншель занимал эту должность всего полтора месяца, сменив на посту Рудольфа Хёсса, переведенного в Главное административно-хозяйственное управление СС. В Берлине ходили всякие слухи о его переводе, в частности весьма непристойные, о связи с некой интернированной австриячкой, – пятно, которое необходимо было поскорее смыть.

Либехеншель, который занял освободившееся место, работал в концлагерях с момента вступления в отряд «Мертвая голова». Его характеризовали как мягкого, но весьма целеустремленного человека, что и позволило бывшему шарфюреру дослужиться до должности коменданта Аушвица.

Гуго открыл дверь. Артур Либехеншель сидел за столом красного дерева. Теплый свет настольной лампы обрисовывал удлиненное лицо, глаза навывкате, худощавую фигуру. Зачесанные назад волосы делали его похожим скорее на дельца, нежели на руководителя концентрационного лагеря.

– Хайль Гитлер! – отсалютовал Гуго.

– Хайль Гитлер! – эхом отозвался Либехеншель.

В кабинете оказалось тепло, Гуго расстегнул пальто. Под ногами растекалась лужица растаявшего снега.

– Прошу прощения, герр комендант.

– Ничего, не беспокойтесь. – Либехеншель ободряюще улыбнулся и жестом пригласил сесть.

Гуго легонько отряхнул шляпу и устроился поудобнее в кресле, подавляя досаду на несвежую одежду и влажность, от которой боль в суставах усиливалась.

– Гуго Фишер... – произнес комендант. – Лучший криминолог рейха. Слышал, за границей готовы на все, лишь бы переманить вас к себе, даже Гарвардский университет предложил такие условия, какие мало кто отверг бы. Ваша преданность Германии делает вам честь.

– Вы мне льстите, герр Либехеншель.

– Отнюдь нет, это все есть в вашем деле. – Комендант похлопал ладонью по папке, извлеченной из-под груды бумаг, открыл ее и начал читать вслух: – «Окончил университет Фридриха Вильгельма по специальности „психология“, работал в Гейдельбергском университете, вернулся в Берлин, получил докторскую степень и опубликовал руководство по криминологии. Три года сотрудничает с управлением уголовной полиции рейха, печатает статьи в журнале „Криминалистика“, светоче для каждого уважающего себя криминалиста. Год назад без отрыва от службы поступил на медицинский факультет». Артур Небе отзывается о вас как об ученом с блестящим умом и отличными перспективами. Удивительная квалификация для столь молодого человека. Сколько первитина вы приняли, чтобы добраться сюда?

Либехеншель проговорил все это единым духом, хохотнув на последнем предложении, где намекнул на метамфетамин, прием которого помог Гуго добиться всего, чего он достиг потом и кровью всего за несколько лет.

Гуго невозмутимо смотрел в лицо коменданту. Зачем Либехеншель попросил Небе прислать лучшего криминолога? Почему руководитель Аушвица хотел, чтобы смерть доктора Брауна расследовал сторонний детектив?

– Гадаете, почему вас вызвали, да? – опередил комендант его вопрос.

– Не стану отрицать, герр Либехеншель, – с облегчением ответил Гуго.

Добродушно улыбнувшись, комендант встал и подошел к небольшой рождественской елке. Рядом на стене висел план Аушвица: Штаммлаг Аушвиц I, Аушвиц-Биркенау, какие-то подлагеря, а также Моновиц-Буна – уже не просто концлагерь, а настоящий индустриальный колосс, где заключенные работали круглосуточно.

– Поведайте немного сами о себе. – Комендант налил две чашки кофе, предложил одну Гуго. – Вы вступили в партию всего три года

назад, отчего так?

Либехеншель зачем-то тянул кота за хвост. Гуго пожал плечами, собираясь с мыслями.

Он вступил в партию ради преференций и возможности сотрудничать с РСХА. Подростком он симпатизировал Гитлеру. В те времена человек, позже превратившийся в фюрера, был обычным солдатом и ездил по стране, выступая перед простыми людьми, безработными, униженными Великой войной. Когда французы, карая Германию, оккупировали Рур, Гуго было тринадцать. Он почувствовал, как в жилах вскипела кровь. Отец тогда смирил его гнев, указав на недопустимые моменты в риторике новой партии, на акты насилия, при помощи которых она прокладывает себе путь. Но с приходом Гитлера к власти вступление в партию стало единственным способом нормально жить – в том числе и для отца Гуго. Для самого же Гуго это был пропуск к сотрудничеству с уголовной полицией, окончательно подмятой центральным управлением СС.

Он посмотрел на коменданта, прикидывая, о чем лучше умолчать, но Либехеншель сам вывел его из затруднения:

– Что же, лучше поздно, чем никогда. Семья?

– Пока не женат. – Гуго отхлебнул кофе, чувствуя себя чуть увереннее.

Кофе был хорош. Его аромат заставлял забыть и о снеге, и о сырой одежде, перебил даже вонь горелого мяса.

– Иначе, герр Либехеншель, я не успел бы достичь всего, о чем вы прочитали в моем деле. А почему вы спрашиваете?

– Потому что сейчас Германии как никогда требуются дети. Дети людей с блестящим умом вроде вашего и чистой арийской кровью, без генетических изъянов... – Комендант покосился на его трость.

– Я переболел полиомиелитом, – соврал Гуго, предвосхищая вопрос, не генетический ли сбой испортил идеальный арийский механизм. – По сравнению с другими легко отделался. Многие вынуждены жить в герметичных камерах «железного легкого» или передвигаться на инвалидных колясках.

– Если не ошибаюсь, Рувельт пострадал от той же болезни, – как бы между прочим заметил Либехеншель.

– Да, говорят.

– После окончания войны фюрер установит полигамию, – продолжил комендант. – Арийские мужчины смогут оплодотворять сразу нескольких женщин, а чем больше детей получит Германия, тем лучше. Война унесла множество жизней...

– Мне и с одной-то женщиной не сладить, – пошутил Гуго. – Куда уж там с несколькими?.. Благодарю покорно!

– Фюрер приказывает, мы подчиняемся. Наш долг – дать Германии детей. – Комендант уставился на Гуго отяжелевшим бычьим взглядом, не поддержав шутки.

После чего как-то поскущел и посмотрел в окно, занавешенное зелеными шторами.

Там по-прежнему падал снег. Он был таким густым, что полностью скрывал лагерь. Гуго догадывался, о чем думает комендант. Солдаты на фронте мрут как мухи от холода и вражеского огня. Сколько еще погибнет? Хорошо хоть бомбардировки стихли, а то англичане вконец распоясались. Безусловно, скоро вопрос репопуляции встанет ребром, выйдя за рамки салонных разговоров. Вот какие мысли занимают нашего Либхеншеля.

– И все же зачем я вам понадобился? – напомнил Гуго.

Комендант пригубил кофе.

– Не позволю, чтобы немца расстреляли за преступление, которого, вероятно, он не совершал, когда настоящий преступник разгуливает на свободе.

– О ком вы говорите? – Гуго поставил чашку на стол.

– О Берте Хоффмане, – ответил комендант, четко выговаривая каждую букву, затем открыл коробку сигар и протянул Гуго. – Его реакция на смерть доктора Брауна никому не понравилась, и кое-кто полагает, будто он имеет к ней отношение. Какое именно? Неизвестно. Хоффман предстанет перед трибуналом за потакание политическим и подмену красных треугольников, я буду требовать, чтобы его судили именно за это преступление, а не за предполагаемое. Все-таки есть разница между отправкой на фронт и позорным расстрелом, не находите? Хёсс бы уже пустил его в расход. Бывший комендант лагеря был скор на расправу. Но я не Хёсс и не потерплю подобной спешки.

– Итак, вы уверены, что герра Брауна убили. – Гуго взял сигару.

Как и кофе, она оказалась отменной. Аккуратно свернутые листья распространяли тонкий запах. Видимо, комендант пытался окружить

себя красивыми и ценными предметами, дабы выжить в этой заднице мира.

– Настоящая гаванская, – похвастался Либехеншель. – Их нелегко раздобыть.

Он глубоко затянулся, с блаженной улыбкой выдохнул ароматный дым, после чего посерьезнел, вытащил из ящика стола конверт и подтолкнул его к Гуго со словами:

– Взгляните на содержимое.

Гуго прихватил зубами нераскуренную сигару и вытащил из конверта мятый листок. Бумага была плотной, шероховатой – похоже, альбомной. Она покоробилась от влаги; буквы, отпечатанные на пишущей машинке, немного расплылись. Одна сторона записки обгорела, однако уцелело главное: «Сегодня Браун умрет, и мы будем свободны». Гуго прочитал это вслух. По спине до самого затылка, еще мокрого от снега, пробежали мурашки. В памяти всплыли поблекшие образы прошлого.

В детстве он на каникулах ездил с отцом на Ваттовое море. В первый раз они оказались там во время отлива. Бурное северное море отступило, обнажив бесконечно длинную полосу песка, на котором виднелись морские звезды, ракушки и черви. Словно какой-то великан выхлебал всю воду, оставив вместо нее илистое дно, сливавшееся на горизонте с небосводом. Гуго было шесть, он дрожал на ветру в своей легкой курточке и коротких штанишках. Он вообще был неусидчив, нетерпелив, а теперь еще и разочарован.

– Нужно уметь ждать, – сказал отец. – Рано или поздно море вернется.

Вода пришла через четыре часа. Гуго успел вдоволь набегаться по ваттам, собирая терпко пахнущие солью ракушки. Море возвращалось медленно. Оно гневно бурлило, точно собиралось сожрать всю сушу. Ожидание стоило этого зрелища.

Теперь Гуго чувствовал то же самое. Неторопливое море вернулось в форме жалкого на вид клочка бумаги. Внезапно визит в Аушвиц обернулся брошенным ему вызовом, а смутное предчувствие превратилось в уверенность. Либехеншеля волновали отнюдь не мифические призраки, а существа из плоти и крови.

– Мы называем их открытками, – пояснил комендант. – Такими частенько обмениваются заключенные, но те пишут от руки.

– У кого есть доступ к печатным машинкам? – спросил Гуго.

Либехеншель фыркнул:

– «Олимпии» выдаются всем членам СС, ими пользуется куча народа. – Он махнул рукой на свою, стоящую в углу рядом с книжным шкафом. – Все наши доктора печатают на них свои отчеты. Невелика помощь, понимаю, но эта записка – явное доказательство того, что Брауна убили. Не давился он яблоком.

– Так и есть. – Гуго в свою очередь выложил на стол записку, найденную в кабинете Брауна.

– Что это? – Пожевав сигару, Либехеншель выпустил дым через тонкогубый рот.

– «Куколка АБО», – прочитал Гуго. – Вам это ни о чем не напоминает? Кто-то написал это в блокноте Брауна, причем с такой силой давил на перо, что буквы отпечатались на следующей странице. При помощи угольного порошка мне удалось восстановить запись.

– Куколка... – протянул Либехеншель, неотрывно глядя на листок. – И инициалы...

– Узнаете почерк?

– Это почерк Брауна. – Комендант взял папку, отыскал справку, выписанную доктором, сравнил. – Да, почерк, несомненно, его. Полагаете, записка предназначалась нам?

– Если у Брауна не было привычки писать с сильным нажимом, то все возможно. Убийца заметил записку и вырвал листок из блокнота, но не удосужился проверить тот, что был под ним. Допустил оплошность в миг паники. – Гуго сделал нарочитую паузу. – Был ли в кабинете доктора беспорядок? Что-нибудь необычное?

– Да нет, ничего такого, – покачал головой Либехеншель. – Все на своих местах. Конечно, если была драка, то убийца мог и замести следы.

– Там и ваши санитары знатно прошлись, уничтожив вероятные улики, – попенял Гуго.

– Никому ведь и в голову не приходило, что речь об убийстве, – парировал комендант. – Это я приказал убрать кабинет и подготовить тело к погребению. Сомнения возникли лишь после обнаружения этой записки. Ее нашли у склада личных вещей. Вчера вечером один унтер делал обход и наткнулся на бумажку. Там как раз под тяжестью снега обломилось гнилое дерево.

– Ее хотели сжечь, – заметил Гуго. – Однако убийца не дождался, когда бумага сгорит полностью. Может быть, его застали врасплох? Он выбросил записку, не ожидая, что упавший с дерева снег потушит огонь.

Либехеншель нагнулся и вытащил из ящика еще что-то.

– Огрызок яблока, лежавший рядом с трупом. Вдруг вам пригодится.

Гуго взял бумажный пакет, заглянул внутрь. Прикинул, соответствует ли след от зубов размеру кусочка, оставшегося в горле трупа. Яблоко пахло кислятиной, мякоть потемнела.

– У меня в лагере есть хороший фотограф, – добавил комендант. – И прекрасный офтальмолог.

Гуго приподнял брови, сбитый с толку. Он раскурил наконец сигару, с удовольствием затянулся. Увы, даже замечательному кубинскому табаку было не по силам преодолеть дискомфорт, не покидавший его с момента приезда в лагерь.

– Для анализа сетчатки, – уточнил Либехеншель. – Говорят, облик убийцы может отпечататься на ней.

– Это устаревшая теория. – Гуго потер переносицу.

В дороге он не смог принять морфий, и теперь сырость так и вгрызалась в кости, усугубляя мучения.

– Сетчатка не сохраняет то, что человек видит перед смертью. Все эти идеи давно пора выбросить на помойку, как, к примеру, и криминальную антропологию Ломброзо.

– Решительно не согласен. Метод Ломброзо имеет бесспорную научную ценность. Итальянцы – низкорослые брюнеты, поэтому большинство их – преступники.

– Да-да, конечно, – поспешил уступить Гуго.

Он устал и позволил себе разболтаться, забыв, что беседует с человеком, отправляющим людей в газовые камеры как раз на основе этих самых «устаревших» теорий. Гуго долгие месяцы работал в лаборатории, разоблачая теорию «прирожденного преступника», согласно которой склонность к преступлениям заложена в морфологических признаках. Однако концлагерь вряд ли подходил для научной дискуссии.

Либехеншель сердито затушил сигару, скрестил руки на столе. Его глаза сделались еще выпуклее. Пожевав потрескавшуюся от холода

нижнюю губу, он вновь поднялся, достал из шкафа блестящую бутылку коньяка и протянул Гуго, словно заключая сделку.

– Выясните, кто убил Брауна, герр Фишер. Пользуйтесь какими угодно методами, даже устаревшими, если понадобится. Не желаю, чтобы в моем лагере убийца гулял на свободе, а невиновный был казнен.

Натужно улыбнувшись, Гуго принял подарок. Насколько он понял по случившемуся на станции, непоиманных убийц в лагере было пруд пруди.

– Выясню, герр Либехеншель. Но при некоторых условиях, иначе ничего у нас не выйдет. Во-первых, я должен сделать вскрытие, несмотря на все возражения фрау Браун. Теория с сетчаткой глаза давно отправилась в архив, зато хорошая аутопсия – ключ к раскрытию многих преступлений. Во-вторых, я прошу разрешения допросить Берта Хоффмана, в-третьих – свободу передвижения по Аушвицу и Биркенау.

Либехеншель побарабанил пальцами по столу, затем принялся возить упорно дымящей сигарой по пепельнице. Нервно крутанул глобус, на котором были отмечены территории, завоеванные Третьим рейхом.

– Хорошо, я выпишу вам пропуск, – наконец произнес он. – Только учтите, вы обязаны строго держать в тайне все, что увидите в лагере. Надеюсь, мы друг друга поняли?

– Разумеется. Мне это уже много раз говорили.

– Хоффмана можете допросить. Что до фрау Браун, ее я беру на себя, попробую образумить.

– Благодарю.

– И последнее. О записке, найденной в снегу, не знает никто, кроме меня и охранника. Не проболтайте. Будьте начеку.

– Договорились, герр комендант.

Обстановка в офицерской казарме была спартанской. В отведенной Гуго комнатухе стояли койка, письменный стол и раскаленная печь. Луч прожектора, проникавший в окно, лезвием разрезал темноту. Гуго подошел к покрытому испариной окну, выглянул на улицу, а затем опустил взгляд на стол. Там лежали сигары и приветственная записка.

– Не курорт, но в целом сносно. – Фогт положил чемодан на жалобно скрипнувшую койку. – Комендант подумал, здесь вам будет удобнее, чем на ферме или в городке. Не придется каждый день мотаться туда-сюда. В лагере вы найдете все, что нужно, включая цирюльника и стоматолога.

– Отлично, благодарю вас.

Гуго еще раз обвел взглядом комнату, отметив в углу небольшую елочку с потушенными свечками на ветвях. Приятно пахло смолой и домашним праздником.

Узнав, что Рождество ему придется встретить в Аушвице, он огорчился. После английских бомбардировок Гуго обещал отцу провести этот день в нем. Они бы украсили дом, зажгли свечи на елке назло черной пелене, опустившейся на Берлин после массированных налетов. Гитлер пытался изжить христианские традиции, но их корни оказались слишком глубоки. Вот и в этом году нашлись те, кто повесил на двери полуразрушенных домов венки и зажег гирлянды, пусть улицы и засыпаны щебнем, рельсы разворочены, а остовы вагонов валяются, словно разбросанные игрушки. Гедехтнискирхе рухнула, но детский хор высокими чистыми голосами пел перед гордо и одиноко возвышавшейся колокольней.

Со шляпы капало. Гуго снял ее, стряхнул, положил на стул. Нравится ему или нет, но судьба занесла его в Аушвиц. Если он хочет поскорее убраться отсюда, то должен раскрыть дело. Пробежал глазами записку на столе, вспоминая о тех двух, что лежат в кармане пальто. Кого называли куколкой? Чьи там инициалы? Зачем умирающему человеку писать какие-то шифровки? Открытка,

переданная комендантом, не оставляла сомнений: Брауна намеревались убрать.

Гуго задумчиво потер подбородок, вновь глянул на заснеженный лагерь за окном. Волшебный пейзаж навевал сон. Криминолог машинально сунул руку в карман, нежно погладил гладкую стекляшку с морфином. Нет, еще не время. Борясь с усталостью и желанием остаться в одиночестве, он вытащил руку из кармана.

– Герр Фогт, как, вы сказали, называют лагерный бордель?

– «Кукольный домик».

– Куколка...

– Что?

– Да так, ничего. – Гуго вздохнул, прихватил бутылку коньяка, гоня прочь мысли об игле, о том, как она вонзается в вену, после чего медленно накатывает теплый прибой, как в детстве. – Слушайте, не могли вы бы меня туда проводить? Мороз пробрал до костей, хочется выпить в компании. Боюсь, в одиночку я сегодня не усну.

– Как пожелаете, герр Фишер.

Блок № 24 стоял первым слева, если считать от главных ворот. Рядом кухня и плац. Он ничем не отличался от прочих: барак из красного кирпича под низкой крышей, на которой искрился под фонарем толстый пласт снега.

Неподалеку чернел силуэт виселицы и два тела, мужское и женское, покачивались на ветру. Их руки соприкасались, словно и после смерти они не могли расстаться. Тела как будто медленно вальсировали в снежной круговерти, от которой перехватывало дыхание. Проходя мимо, Гуго на секунду задержался, потом зашагал вслед за Фогтом к борделю.

Двери блока распахнулись, и оттуда, нарушая снежное безмолвие, грянула музыка. Гуго невольно зажмурился в звуковом вихре. Скрипки, тромбоны, барабаны и пианино надрывались в унисон со звоном бокалов и визгливыми голосами. Будто вернулся в какое-нибудь заведение на Унтер-ден-Линден или Фридрихштрассе. Или вошел под красную вывеску ныне разрушенного кабаре «Ла Скала», где отплясывали танцовщицы в блесках и шляпах с плюмажами. Или в «Эльдорадо» до того, как государство его прикрыло, назвав притоном гомосексуалистов.

Гуго открыл глаза. И увидел комнату с облупившимися стенами. От влажности штукатурка пошла пузырями. За шаткими столиками дулись в карты охранники. Воняло потом. Табачный дым висел плотным облаком. В глубине «салона», под окном, за которым виднелась виселица, наярывал оркестр заключенных. Капо с нарукавной повязкой задавал ритм, хлопая в ладоши и притоптывая. Дирижер на подиуме всю размахивал палочкой. Исполняли Сороковую симфонию Моцарта, часть *Molto allegro*.

– Бордель на втором этаже, вход только для интернированных, – пояснил Фогт. – Теперь, если не возражаете, я на боковую. Уверен, вы найдете здесь компанию по душе.

– Спасибо, – кивнул Гуго.

Он огляделся. Браун, как и другие врачи, был заметной фигурой в лагере. Может статься, кто-то из младших офицеров сумеет рассказать что-нибудь любопытное, на минуту вынырнув из алкогольного дурмана.

Гуго подошел к столику, за которым резались в карты два молодых унтера, блондин и горбоносый. Рукава гимнастеров закатаны, ноги вольготно раскинуты, волосы спутаны, к губам приклеились сигареты. Оба веселились напропалую. В их поведении не осталось ничего от жестокости и свирепости охранников на еврейской платформе.

– Добрый вечер, – поздоровался Гуго, подтащил стул и сел.

– Добрый, добрый, – ответил блондин, не глядя на него.

Лет двадцать, не больше. Гладко выбритое лицо, челка почти белоснежных волос падает на лоб. Юноша вдруг ухмыльнулся, на мгновение показав мелкие острые зубы, шваркнул на стол каре тузов и с торжествующим воплем придвинул к себе выигранную кучку рейхсмарок.

– Да пошел ты, придурок! – заорал второй, с горбатым носом. Он пригладил пятерней темные волосы, облизал пухлые обветренные губы, мельком посмотрел на Гуго. – Знаете, кто этот типус? Самый главный сукин сын во всем рейхе! На фронт бы его, голым задом в снег!

Гуго рассмеялся. Оба унтера зычно подхватили смех.

– А вы кто такой? – спросил блондин.

– Гуго Фишер. Расследую смерть доктора Сигизмунда Брауна. Небось со вчерашнего дня в лагере только и разговоров что о нем.

– Дурная история. – Блондин поежился.

Горбоносый протянул Гуго кружку пива, но тот отказался и театральным жестом извлек из-за пазухи бутылку коньяка. По стеклу, словно вобравшему в себя весь свет, пробежали карамельные сполохи.

– Французский, один из лучших, из последних запасов, – провозгласил он и откупорил бутылку. – Не желаете?

Повеяло фундуком и черной смородиной.

– Шутите? – Блондин сконфузился. – Дорогущее пойло...

– Бросьте! – Гуго фыркнул. – Бутылку я обнаружил в предоставленной мне камерке, а нет ничего печальнее, чем надираться в одиночку в наше собачье время. Прошу, составьте мне компанию.

Преодолев смущение, блондин взял бутылку и присосался к горлышку. Судя по его довольной физиономии, Либехеншель угостил Гуго отменным коньяком. Когда подошла его очередь, он не спеша набрал напиток в рот и немного подержал, прежде чем проглотить обжигающую жидкость.

– Зрелый, изысканный и сбалансированный. – Гуго выдохнул.

– Ага, – поддакнул блондин.

– Франц, ты ж пиво от ослиной мочи не отличишь! – съязвил горбоносый.

– Ты чертов ублюдок, Отто! А твоя мамаша ублажила пол-армии.

Гуго незаметно предоставил бутылку в полное распоряжение приятелей. Их смех делался все громче, позы – непринужденнее, глаза – бессмысленнее. Должен наступить момент, размышлял Гуго, когда пьяный оказывается на краю. Легкий толчок – и человек утрачивает самоконтроль, несется, закусив удила. Этим двоим осталось недолго.

Он растегнул пальто, ослабил галстук, с удовольствием вытянул ноги. Поморщился от очередного прострела в спине. Оркестр грянул вагнеровский «Полет валькирий», и Гуго, чтобы отвлечься от боли, принялся отстукивать ритм здоровой ногой.

– А вы-то знали этого Брауна? – наконец спросил он, небрежно тасуя карты.

– Само собой, – важно ответил Франц. – Мы всех здешних коновалов знаем. Они сортируют жидов на станции.

– Сортируют?

– Ну, отбирают тех, кто пригоден к работе...

Отто зыркнул на товарища. Он явно еще не дошел до кондиции.

– Сортировка – дело нелегкое, – не унимался Франц.

Совсем зеленый. По выражению голубых глаз понятно, что парень лишь недавно столкнулся с ужасами войны.

– Нельзя же наугад, правда? – продолжал разливаться блондин. – Конечно, они евреи, но даже еврей – человек, правда?

– Недочеловек. – Отто мотнул головой, поджав губы. – Они не такие, как мы.

Но Франц не замечал предостерегающих взглядов товарища.

– Врачи приезжают на станцию в чистеньких белых халатах и сортируют прибывших, особо не раздумывая, – возмущался Франц. – Кем они себя возомнили? Богами? Есть тут один такой, Менгеле... Жуткий субъект. Его прозвали Ангелом смерти. Приезжает на станцию, когда ему вздумается, и сгребает их толпами. У него пунктик на близнецах и уродах...

Отто опасливо огляделся. Похоже, затеянный Францем разговор считался недопустимым даже здесь.

– Браун тоже занимался сортировкой? – спросил Гуго, косясь на тела, раскачивающиеся за окном.

Ему показалось, будто трупы требовательно таращатся на него выпученными глазами и что-то мычат черными провалами ртов. Получается, сортировка – простой отбор работоспособных... Однако в тоне унтера чувствовалась некая зловещая недомолвка, камнем давившая на душу Гуго.

– Браун? И Браун занимался. – Франц лениво смахнул упавшую на лоб прядь, оперся рукой о спинку стула, едва не свалившись. – Но он хотя бы приезжал трезвым. Впрочем, Менгеле тоже, если начистоту. Оба как стеклышко, когда...

– Точно-точно, – поддержал приятеля Отто. – Кляйн вечно в стельку на сортировке, и Рёде с Кёнигом. А Браун не-ет, он кремень.

– Хорош кремень, из которого бабы веревки вьют, – заржал Франц.

Гуго наклонился к блондину. Нет на свете места, где люди бы не сплетничали, и Аушвиц не исключение. Судачили охранники, судачили заключенные. Именно эти пересуды и были ему нужны.

– Доктор Браун женат, – возразил он.

– Да-да, не повезло мужику, – ответил Франц.

– Почему?

– Он здесь от души веселился, пока не прикатила фрау Браун. Даже бордель втихаря посещал. Все на это закрывали глаза. Здесь на многое приходится закрывать глаза, понимаете? Взять тот же бордель. Он только для заключенных, да и то не для всех, для избранных. Поваров, там, или брадобреев. Простому солдату путь туда заказан, а уж офицеру... Любая связь эсэсовца и заключенной под строжайшим запретом. – Франц сделал страшные глаза. – Имейте в виду, мы с Отто здесь, только чтобы промочить горло.

– И что бывает за подобную связь? – поинтересовался Гуго.

– Зависит от того, с кем спутаешься, – пожал плечами Франц. – Если с обычной – посадят на гауптвахту в одиннадцатом блоке. А если с еврейкой – угодишь в тюрьму.

– Браун часто бывал у девушек?

– Ага. – Франц тупо кивнул. – Его все покрывали. Впрочем, Браун посещал одну и ту же шлюшку. Немка, отличная, кстати, девка, хоть и коммунистка. Говорят, наш доктор еще и с медсестрой путался, с той, сисястой. Как бишь ее...

– Бетси Энгель. – Отто хищно облизнулся и хлебнул коньяка. – Эх, мне б такую!

Гуго переводил взгляд с одного на другого. Оба были уже пьяны в дым; попадись они сейчас дежурному офицеру, взяли бы их на цугундер.

– Бетси Энгель, – повторил Гуго, припоминая лицо красотки. – Такая не останется незамеченной, это точно.

Итак, обнаружилась затаившая злость обманутая жена. Не стоило сбрасывать со счетов и обиженную любовницу, вынужденную оставаться в тени.

– Куколка из десятого блока. – Франц поднес к губам сложенные щепотью пальцы и причмокнул так, что едва не перекрыл вой оркестра.

На Гуго ее прозвище произвело эффект разорвавшейся бомбы.

– В точку! – воскликнул он. – Куколка!

– Ее врачи так прозвали, – пояснил Отто. – Стоит ей похлопать ресницами, и все прямо тают. Как говорится, женский волосок крепче колокольной веревки.

– Женский волосок! – Франц пьяно расхохотался, едва не упав со стула.

Гуго поерзал, пытаясь усесться удобнее; от боли на лбу выступил холодный пот. Он сжал зубы, со свистом вбирая воздух, однако в легкие попал лишь сизый сигаретный дым, заволокший комнату.

– А что жена? Поведение Брауна изменилось после ее приезда?

– Ну, сюда он больше был не ходок. – Франц почесал нос и скорчил гримасу. – Если женушка под боком, хочешь не хочешь, а притормозишь.

– Понятно. Как зовут шлюху, которую он навещал?

– Роза. Она на втором этаже.

– Как бы мне с ней повидаться?

Парни хитро перемигнулись.

– Вижу, вам и правда сегодня одиноко, герр Фишер, – заухал Франц.

Роза сидела на незаправленной кровати за дверью с глазком, через который охранник наблюдал за сексом между заключенными. Едва Гуго вошел, выражение ее лица сменилось с печально-хмурого на слащаво-приветливое.

– До-обрый ве-ечер, – пропела она, похлопывая ладонью по матрасу.

Вместо арестантской робы на ней была голубая кофта, юбка до колен, шелковые чулки и туфли на каблуках. На шее нитка жемчуга, волосы пышно взбиты, лицо накрашено. Соблазнительно-тонкий запах духов, ни следа истощения. Однако в глазах – все та же неистребимая патина боли, которую не мог до конца скрыть густой слой черного карандаша.

– Добрый вечер, – ответил Гуго, продолжая стоять в дверях.

Роза изобразила лукавую улыбочку и ободряюще произнесла:

– Охранник ничего не скажет, он умеет хранить секреты в обмен на несколько рейхсмарок. Идите сюда.

Гуго повиновался.

Прежде чем его пустили наверх, он столкнулся с толстухой, выполнявшей роль мадам. Размахивая жирными руками, та требовала от него купон. Пришлось объяснять, что никакого купона у него нет, что он полицейский и проводит расследование, а не явился в качестве клиента. Наконец его пропустили.

– Подмойся, прежде чем лезть в койку, полицейский! – крикнула она снизу, и Гуго едва не сверзился с лестницы от стыда. – И прочитай правила, они на двери висят!

Роза неторопливо приблизилась, чуть склонив голову набок в заученной кокетливой позе. Невысокая, фигуристая. Она уверенно протянула руку и схватила Гуго за пах. От неожиданности он вздрогнул и попятился.

– Послушайте, я здесь не для постельных утех. Я расследую смерть доктора Брауна. Вы его знали?

Женщина тут же напряглась. Ответ был очевиден.

– Вы немка?

– Баварка. Из Эггенталя.

– Значит, практически землячка доктора Брауна. Прежде с ним не встречались?

– Нет. Познакомилась здесь, в этой самой комнате.

– Мне говорили, он часто к вам приходил.

– Уже сто лет не заглядывал. – Роза дернула плечиком.

– Каким он был?

– Ласковым, добрым... И брехливым, как собака.

Она резко развернулась, подошла к столу и посмотрелась в зеркало. Пригладила выбившийся локон, раскурила сигарету. Тонкие пальцы дрожали, словно былинки на ветру.

– Как вы оказались в лагере?

Гуго внимательно наблюдал за Розой, изгибом ее тонкой шеи, изящными движениями. Вряд ли на воле она занималась проституцией или была как-то связана с криминальной средой.

– Арестовали год назад за участие в коммунистической организации. – Женщина отошла к окну, и ее взгляд утонул в белом безмолвии. – Когда я прибыла в Аушвиц, Браун меня сразу заприметил. Еще бы! Немка, красивая, здоровая. Предложил работать в борделе, я отказалась. Но затем в лагере я увидела женщин-заключенных...

Роза оглянулась на Гуго. Черные зрачки казались полными горечи провалами в голубых озерах глаз. Она быстро отвернулась и принялась водить пальцем по заиндевевшему стеклу. От прикосновения капельки стекали вниз, точно слезы.

– Все бритые налысо, кожа да кости. Похожи скорее на призраков, чем на людей. Щеки ввалились, зубы сгнили... Переполненные бараки с трехъярусными кроватями, везде смрад, грязь. Боже мой, какая там вонь! Я не могла так жить и согласилась на эту работу. У меня есть одежда из «Канады», косметика, духи, сигареты, хорошая еда, алкоголь. Теплая комната, где я живу одна. Могу спокойно перемещаться по лагерю. И все это – за минуты любви, подаренной тем, кто в ней нуждается. По-моему, неплохой обмен, согласны?

– Вы говорите, Браун лгун. Почему?

Гуго решительно вернул беседу в нужное ему русло, хотя женщина вызывала жалость. Кто знает, через что ей тут пришлось пройти?..

– Врал, что влюбился в меня. – Роза хихикнула и написала пальцем на стекле слово «любовь».

Она напоминала кинозвезду: жемчужно-белые зубки, продуманные движения, томный взгляд подведенных глаз со слегка смазанными после предыдущего клиента «стрелками». Богиня в обиталище, от которого остро несет смертью.

– Обещал, что после войны мы вместе вернемся в Баварию, он разведется со своей лахудрой и женится на мне. Верится с трудом, да? Отличная парочка, коммунистка и национал-социалист...

Роза ладонью стерла надпись, оставив на стекле прозрачную проталину, сквозь которую был виден все тот же нескончаемый снегопад.

– Доктор Клауберг полагал, что стерилизовал меня радиацией, – продолжила она. – Позже выяснилось, что хваленая радиация не всегда действует так, как нужно. Я забеременела и отправилась на аборт в десятый блок. Там-то и выяснилось, что в сердце – или, лучше сказать, в трусах? – нашего дорогого Сигизмунда нашлось местечко не только для меня.

– Вы говорите о Бетси Энгель?

Роза нервно затянулась, ее руки по-прежнему дрожали.

– О Бетси и о других. Этот боров даже с жидовкой путался. Уверена, об этом вам никто не рассказал, я права?

– С жидовкой?

– С Бетанией Ассулин.

Гуго вспомнил медсестру, стирающую кровь с ноги. Ее угольно-черные, глубокие, перепуганные глаза оставили в его памяти болезненную рану.

– Вы понимаете последствия подобного заявления? – Гуго ткнул тростью в сторону проститутки. – Вы утверждаете, будто Браун запятнал себя, совершив преступление против чистоты крови?

– Я никому не говорила и не скажу, если это вас беспокоит. Я не держу на Сигизмунда зла и не стану осквернять его память.

– У вас есть доказательства?

– По ночам я нередко слыхала непонятный шум. Пациенты из десятого блока уверены, будто там обитают привидения. Привидения! – Роза расхохоталась и зло затушила сигарету. – Однажды я поднялась с кровати и вышла поглядеть, что это за

привидения такие. И увидела, как Браун дрючит еврейку прямо в своем кабинете. Тогда я промолчала. Не хотела отправлять его на виселицу, хотя вполне могла донести и избавиться от этого настырного кобеля.

– А говорили, что не держите на него зла.

– Соврала, – усмехнулась Роза.

– Как думаете, фрау Браун догадывалась о похождениях мужа?

– Готова спорить, она перевелась в Аушвиц именно потому, что прекрасно все знала: он не умеет держать своего живчика в узде. По крайней мере, после ее приезда он перестал наведываться в бордель.

– Вам что-нибудь говорит аббревиатура АБО?

– Ничего. – Роза по-детски поджала губы. – Ну так что? Идем в постель?

– Времени нет. – Гуго надел шляпу и вышел.

– Все равно ко мне вернетесь! – крикнула вслед ему Роза.

Он невольно улыбнулся. Одному богу известно, как ему хотелось побыть с женщиной. Опять почувствовать себя мужчиной, а не колченогой развалиной, пожираемой неизлечимой болезнью.

Гуго спустился в общий зал. Теперь там звучала увертюра из «Дон Жуана».

Аушвиц, 24 декабря 1943 года

Его разбудил бледный утренний свет. Снегопад кончился, однако погода стояла пасмурная и невыразимо унылая, что никак не вязалось с сочельником. Вставать не хотелось.

Гуго заставил себя сесть в постели. Больная нога была на месте, хотя он ее не чувствовал. Словно ампутировали. Каждое утро приходилось заново смиряться с жестокой действительностью, так противоречившей ярким снам. Вот только с болью смириться не получалось.

Нервные спазмы лишали мышление ясности, нужной для работы. Либехеншель был прав. Когда наваливалась работа, Гуго глотал первитин горстями, словно драже. Однако боль успокаивал только морфий, и с каждым годом дела шли все хуже. Историю с полиомиелитом Гуго изобрел, чтобы не ставить под удар университетскую кафедру и свое сотрудничество с РСХА. Если он отвечал невпопад или в глазах двоилось, а разум мутился, всегда можно было отговориться усталостью от непомерной нагрузки. Болезнь наступала медленно, но неотвратимо, словно прилив Ваттового моря. Нельзя быть больным в государстве, не терпящем несовершенства, нужно скрывать свой недуг.

Гуго взял шприц, наполнил его, сжал в зубах. Закатал рукав рубашки, перетянул руку жгутом. Вены набухли. Он вонзил иглу в голубоватый ручеек, надавил на поршень. Морфий растекался по телу жаркой волной, вызывая в памяти горячие женские бедра. Подумав о Розе, Гуго повалился обратно на подушку. Лежал и тупо таращился на влажный потолок. Боль понемногу стихала.

– Куколка АБО, – пробормотал он.

Боль успокаивалась. Мысли – нет.

Опираясь на трость, он поднялся с кровати. В углу на табуретке стоял тазик с остывшей водой, рядом бритва и брусок мыла «Эллада». Для человека, привыкшего бриться дважды в день, это все равно что кофе в постель.

Гуго намылил щеки, тщательно выбрился, поглядывая в окно. Заключенные убирали нападавший за ночь снег. Вытерев лицо, Гуго оделся и почувствовал, что готов сразиться с тайной смерти Брауна. Спал он неважно, постоянно просыпался и принимался размышлять то о записках, то о распутстве покойного. Теперь морфий окружил его своеобразным пузырем, внутрь которого не пробивалась тревога. Гуго был предельно собран, ум его – ясен и цепок.

Он взял со стола бумажный пакетик, вытащил сморщенный яблочный огрызок. Повертел, рассматривая побуревшую мякоть и отпечатки зубов на кожуре, сунул обратно и положил пакетик в карман.

В офицерской столовой пахло кофе, звенела посуда, мирно гудели человеческие голоса. Между столиками сновали заключенные, разнося стаканы, баночки с медом и каким-то польским вареньем. От аромата свежего хлеба проснулся аппетит.

Гуго заметил Тристана Фогта, сидевшего в углу. Строгая форма подчеркивала атлетическое сложение, серебряные руны перекликались со стальными глазами. Под сердцем приколот железный крест. Выходит, наш оберштурмфюрер отличился на фронте. Фогт отхлебнул кофе, перехватил взгляд криминолога и приглашающе помахал рукой.

– Как спалось на новом месте? – поинтересовался он.

Едва Гуго присел, заключенный налил ему дымящийся кофе с молоком.

– Не очень, – пробормотал Гуго, делая первый глоток.

– Койка неудобная или дело в Брауне?

– И то и другое.

– Видите во-он того господина? – Фогт кончиком ножа, испачканного в джеме, показал на какого-то человека. – Это доктор Йозеф Менгеле. Еврейский мальчик, обнаруживший тело Брауна, – его пациент. На вашем месте я бы обязательно побеседовал с герром Менгеле. Может статься, он сумеет пролить свет на эту историю.

Фогт намазал джем на хлеб, откусил. Лизнул большой палец, потрескавшийся от мороза. Изящные руки Фогта были как у пианиста, вот только кольцо с черепом быстро напоминало о том, кто перед тобой на самом деле.

Дальше они завтракали в молчании. Гуго допил кофе, съел бутерброд, после чего, попрощавшись с Фогтом, покинул столовую.

Он нагнал доктора Менгеле. Тот курил в компании других офицеров. Похоже, у него было отличное настроение. Темные, точно оливки, глаза так и искрились смехом. Этот человек сразу располагал к себе. Гуго без колебаний подошел и представился, как и советовал Фогт.

– Добрый день, герр доктор, – сказал он, протягивая руку. – Меня зовут Гуго Фишер. Уверен, вы уже обо мне слышали.

– Еще бы! Со вчерашнего дня только о вас и говорят. – В голосе Менгеле звучало веселье. – Польщен знакомством.

Улыбаясь, он зажал сигару в зубах. Между передними резцами зияла диастема, что делало и без того запоминающееся лицо еще незауряднее. Менгеле пошарил в кармане, извлек сигару, предложил Гуго.

– Спасибо. – Гуго раскурил и с удовольствием втянул теплый сладковатый дым.

Подмораживало. Снег покрылся тонкой корочкой льда. Сигарный дым, точно старый друг, нежно наполнил грудь, прогоняя холод.

– То есть вы догадываетесь, зачем я вас побеспокоил?

– Из-за Йоиля, конечно.

– Йоиль – это еврейский мальчик, нашедший тело Брауна?

– Да-да, он вам понравится. Уникальный экземпляр.

Доктор будто напоказ щеголял безмятежной улыбкой, столь противоречащей жутковатому прозвищу Ангел смерти. На первый взгляд он выглядел добродушным, однако темный огонек в самой глубине глаз-омутов намекал, что это прозвище ему дали неспроста. Его зрачки казались двумя бездонными провалами. Менгеле поманил Гуго за собой, и они зашагали по хрусткому снегу.

Овчарки радостно прыгали по сугробам. Совали носы в снег и довольно чихали, тенями следуя за заключенными-поляками, ровнявшими дорогу тяжелым стальным катком. Люди дрожали от холода. Снег доходил им до лодыжек, тащить каток было трудно. Это видно было по перекошенным от натуги лицам, вытаращенным глазам, стонам и надсадному дыханию. Гуго тоже приходилось несладко. Он даже разок ругнулся сквозь зубы, когда занемевшая нога застряла в глубоком снегу.

– Йоиль – замечательный пример того, как генетика низшей расы допускает ошибку, производя на свет то, что должно было быть нормой. – Доктор замедлил шаг, дожидаясь отставшего Гуго.

– То есть?

– Сейчас сами все увидите. У Йоиля есть брат-близнец. Они похожи как две капли воды, и тем не менее это два совершенно разных существа. У Габриэля глаза темные, у Йоиля – светлые, с примечательным окрасом, именуемым секторной гетерохромией: небольшая часть радужки отличается по цвету. Кроме этого, у братьев нет физических отличий. Как говорит наука, гетерозиготные близнецы рождаются из двух яйцеклеток, оплодотворенных двумя сперматозоидами, монозиготные – из одной яйцеклетки и одного сперматозоида. В случае Габриэля и Йоиля я практически убежден, что яйцеклетка была единственной, а вот сперматозоидов – два. Разумеется, это всего лишь гипотеза, экспериментально она еще не подтверждена...

Они дошли до плаца. Двое заключенных под звуки лагерного оркестра снимали с виселицы трупы. Группа других занималась гимнастикой под руководством одного из унтеров.

– Прыжки! – орал тот с изуверским надрывом. – Наклоны! Приседания!

Стоявшие в снегу заключенные вяло подчинялись, то и дело запинаясь, когда деревянные сабо соскальзывали с ног. Изнуренные доходяги напоминали тростник, гнущийся на ветру. Гуго подумал, что каждый прыжок приносит им невероятную боль. Под ложечкой противно засосало от беспомощности.

– Но разница между братьями отнюдь не ограничивается глазами. – Голос Менгеле вырвал его из задумчивости. Доктор увлеченно водил сигарой по воздуху, точно что-то рисуя. – Йоиль в лагере месяц. Он прибыл сюда, уже зная немецкий: у него был неплохой словарный запас. Его отец до принятия закона о защите расы преподавал языки в Болонском университете, в их доме имелась богатая библиотека. Йоиль рассказал, что его с раннего детства учили немецкому, и он успел попрактиковаться, пока они ехали в Аушвиц. Он и правда изъясняется весьма бегло. У него прекрасная память и выдающиеся наклонности к рисованию, прямо как у нашего фюрера, – хохотнул Менгеле. – Это самый умный ребенок, какого я когда-либо встречал. Говорю же, ошибка генетики низшей расы...

– Сколько ему лет?

– Восемь.

Гуго не сумел скрыть изумления. Удивили не лестные эпитеты, расточаемые доктором еврею, а то, что ребенок оказался таким маленьким.

– Ладно, теперь перейдем к Брауну, – предложил доктор. – Говорят, он подавился яблоком. Редкий случай для взрослого.

– Не совсем так, – возразил Гуго. – Статистика смертей от пищевого удушья среди взрослых довольно внушительная.

– То есть вы полагаете, что это был несчастный случай?

– А вы нет?

Менгеле вновь добродушно улыбнулся и произнес:

– В сказке братьев Гримм яблоко было отравлено.

– Да, я думал о яде, – признал Гуго.

Смущало то, что доступные быстродействующие яды обладают характерным запахом, а огрызок не пах ничем, кроме гнили. Он опять достал пакетик, вытащил яблоко.

– У вас есть лишь один способ проверить эту версию, не находите?

– Считаете, я должен это сделать? – Гуго перевел взгляд на овчарку, весело прыгавшую по сугробам.

– Господь всемогущий, герр Фишер! – Менгеле закатил глаза. – Что вам в голову взбрело? Давайте сюда ваш огрызок, сейчас скормим «рябчику».

Доктор забрал яблоко, подошел к группе заключенных, кончавших гимнастику, ткнул кулаком в плечо одного и протянул ему огрызок. Тот недоверчиво выпучился. Судя по выпиравшим под полосатой робой лопаткам, он забыл, когда в последний раз ел досыта. Сунув подачку в шамкающий беззубый рот, мужчина в мгновение ока жадно проглотил остатки яблока, поблагодарил и вытер руку о робу. Красный треугольник обозначал политического, а буква – венгра. Ласково улыбнувшись, Менгеле неторопливо вернулся к Гуго.

– Ну, теперь нам известно, что яблоко не отравлено, – сказал он, наблюдая за венгром, вернувшимся в строй под надзором капо.

– Да, теперь известно, – только и ответил Гуго.

Кончик карандаша уверенно скользил по бумаге, оставляя темный след. Кроме Йоиля, в спальне никого не было. Другие близнецы отправились на осмотр, а он притворился, что у него болит живот, и теперь рисовал казарму в Болонье, куда нацисты отвезли их семью, прежде чем на поезде переправить в Аушвиц. Тот день запомнился Йоилю вездесущим серым цветом. Начало ноября, от дождя на заднем дворе казармы образовались огромные лужи, в которых отражалось хмурое небо. Громко топающие сапоги сероглазых эсэсовцев в серой форме. Высокий господин в казарме яростно стучал пальцами по клавишам пишущей машинки, и это постукивание сливалось со стуком капель по стеклам. Высокий господин составлял список, отмечая тех, кто мог вернуться домой, и тех, кто должен был сесть на поезд.

Скрипнула дверь, и Йоиль отложил карандаш вместе с воспоминаниями. Вошел доктор. Йоиль дисциплинированно встал, стараясь не скрежетать стулом по полу, вскинул руку в приветствии, как его учили, после чего поздоровался:

– Добрый день, дядя.

Менгеле пришел не один. Йоиль сразу узнал его спутника: тот самый, с палочкой и в штатском пальто, пусть и с повязкой на рукаве, – он вышел поздно вечером из палаты, где лежал Браун.

– Добрый день. – Менгеле достал из кармана два кубика сахара. – Это Гуго Фишер, он расследует смерть доктора Брауна и хочет побеседовать с тобой.

– Хорошо.

– Он нас понимает? – на всякий случай уточнил Гуго.

Йоиль как зачарованный следил за его правым глазом. Тот быстро двигался туда-сюда. То ли тик, то ли мужчина делал это нарочно, чтобы напугать Йоиля. Если нарочно, то напрасно старался, Йоиль его не боится.

– Конечно понимаю, – ответил он.

– Кто научил тебя говорить по-немецки?

– Папа. – Вспомнив об отце, Йоиль невольно вытянулся, точно оловянный солдатик. – Мой папа был профессором немецкого языка в

Болонском университете, потом его исключили. Он всегда говорил, что знание языка великой нации поможет мне в жизни.

Йоиль врал. Дословно отец говорил: «Ты должен знать немецкий, он пригодится тебе, чтобы объясняться с фрицами...»

После того как Бенито Муссолини заключил с Адольфом Гитлером союз, который взрослые называли «Осью», отец Йоиля решил, что семья обязательно должна говорить по-немецки. Что же, он оказался прав. Немецкий им пригодился. Когда в казарме отец сказал, что он преподаватель немецкого, эсэсовец страшно обрадовался, – мол, там, куда их отвезут, очень нужны переводчики.

По дороге он повторял с папой все, чему научился. Габриэль не захотел. В пять лет брат наотрез отказался заниматься немецким, а со временем и вовсе позабыл язык. Йоиль, напротив, усердно учился и читал книжки. Во время путешествия он старался почаще перекидываться словечком-другим с охранниками. Одни фрицы были добрыми, другие злыми, как их овчарки, но в целом все они лучше относились к тем, кто говорил по-немецки.

– Оставлю вас наедине. – Менгеле собрался было уйти, но вдруг обернулся и внимательно посмотрел на Йоиля. – Где ты разбил губу?

Йоиль провел пальцем по подсохшей корочке.

– Я поскользнулся и упал.

Доктор ласково взъерошил ему волосы и вышел, закрыв за собой дверь. Йоиль сел. От незастеленных трехъярусных кроватей воняло. Ночью кто-то опять напрудил в штаны.

– Итак, – начал Гуго Фишер, – это ты обнаружил тело доктора Брауна?

– Я.

Йоиль внимательно разглядывал лицо герра Фишера. Когда тот улыбался, в уголках глаз появлялась сеточка морщин, а на правой щеке – ямочка. Похоже, они с дядей Менгеле были примерно одного возраста. Волосы коротко острижены, как у всех немцев в лагере. Белые ровные зубы, светлая улыбка. Йоиль не мог объяснить себе, почему люди с кривыми и испорченными зубами казались ему злыми, ведь у всех эсэсовцев зубы были отменными.

– Давай-ка я тебе расскажу, в чем заключается моя работа. – Герр Фишер присел на край койки, пристроив рядом трость. – Когда кто-нибудь умирает, нужно понять, была ли смерть естественной, или

человека убили. Если есть сомнения, зовут меня. Все думают, что доктор Браун умер, подавившись яблоком. Могу поспорить, мама сто раз говорила тебе, чтобы ты не спешил во время еды.

– Да.

– Если кусочек попадет не в то горло, можно умереть. Возможно, именно это и произошло с доктором Брауном. Однако нельзя исключить, что некто прочинил ему зло. Моя работа – выяснить правду.

– И чем я могу вам помочь?

– После того как тело унесли, санитары тщательно прибрались в комнате, где умер герр Браун. В общем, навели там порядок. А мне нужно знать, как все было тогда, когда ты нашел труп.

– Я должен вам это описать?

– Да, будь любезен.

– А рисунок не подойдет?

– Что?! – изумился Гуго.

Йоиллю хотелось помочь герру Фишеру. Он был добрым. По-настоящему добрым, а не фальшиво, как лагерные врачи. Он был другим, как и его пальто. Йоиль поднялся, выдвинул ящик стола, достал альбом, протянул немцу. Фишер перелистал рисунки и вытаращил глаза от удивления.

– Это ты сам нарисовал? – пораженно спросил он.

Йоиль гордо кивнул.

Менгеле не преувеличивал. Глаза у ребенка оказались действительно редкостными. Зелеными и чуть светлее к центру. Темно-карие пятнышко в левой радужке – будто островок в зеленом море. Эти глаза на осунувшемся личике сразу приковывали внимание.

В зеленых морях бушевал шторм. Гуго долго смотрел на мальчика, гадая, сколько всего видели эти глаза. Вспомнились переполненные скотовозки, смрад от спрессованных человеческих тел, трупы, вывалившиеся из вагона, словно гряда камней, что летят по склону горы. В Берлине Гуго доводилось присутствовать при арестах, наблюдать, как евреев конвоируют на вокзал. Уезжали все в чистеньких костюмчиках, с предусмотрительно подписанными, туго набитыми чемоданами. А сюда приехали призраки, измученные голодом, жаждой, долгой дорогой, перепачканные экскрементами и рвотой. Чемоданы, в которых хранилась надежда на нормальную жизнь в другом месте, у них отнимали.

– Ну как? – Голос Йоиля выдернул его из размышлений.

Гуго вновь опустил взгляд на рисунок, выполненный с мельчайшими подробностями. Невероятная работа для восьмилетки, да и, положа руку на сердце, для большинства взрослых художников.

– Великолепно.

– У меня еще есть, поточнее. Там нарисована вся комната. – Мальчик просто лучился восторгом и болтал тонкими ножками. – Если хотите, я вам покажу. Только чур будем меняться. Услуга за услугу, идет?

Гуго нахмурился, и Йоиль сразу напрягся. Он был одет в свалявшуюся шерстяную кофту и шорты. Коленки посинели от холода. Скорее всего, мальчик хотел попросить брюки, пальто или дополнительный паек.

– Найдите моих родителей, – выпалил Йоиль.

– Что? – недоверчиво переспросил Гуго.

– Мой брат здесь, в Аушвице. Дядя Менгеле поместил его в лазарет, потому что Габриэль подхватил тиф. Я не могу с ним увидеться, пока он не выздоровеет. А мама с папой в другом лагере.

– В Биркенау?

Йоиль кивнул, каштановая челка дрогнула.

– Папа знает разные языки, он наверняка стал переводчиком. Мама швея, она может шить робы для других заключенных или работать в прачечной. Дядя Менгеле говорит, что у них все хорошо, поэтому я не должен ничего спрашивать, но мне очень-очень хочется с ними повидаться.

– Почему ты зовешь герра Менгеле дядей? – Гуго даже подался вперед и заглянул в глаза Йоилю.

– Он сам так велел. Он всех близнецов просит называть его дядей.

– А сколько вас здесь?

– Здесь только четыре пары. В Биркенау, наверное, еще много других. Они приходят, уходят, вечно новые. Ну так как? Согласны? – настойчиво спросил мальчик, в свою очередь уставившись Гуго в глаза. – Вы найдете моих родителей?

Гуго глубоко вздохнул. Интересно, велик ли Биркенау? В Берлине говорили, будто там содержалось двести тысяч заключенных – до того как значительную часть унесли тиф, воспаление легких и голод, хотя пропаганда расписывала жизнь в концентрационных лагерях чуть ли не как райскую. Даже с учетом потерь Биркенау должен быть огромным.

– Идет? – не отставал Йоиль.

– Хорошо, – сдался Гуго и почувствовал внутреннюю пустоту, когда мальчик робко улыбнулся в ответ.

Гуго знал, что просьба мальчика невыполнима, но не хотел лишать ребенка, живущего в аду, последней надежды.

– Я попробую тебе помочь, однако скажи мне их имена.

– Папу зовут Аронне Эррера, маму – Ноэми. – Йоиль вновь выдвинул ящик и достал альбом. – Вот то, что я обещал. Это кабинет доктора Брауна до уборки.

Гуго принялся изучать рисунки. Йоиль тщательно зарисовал каждую деталь. На столе микроскопы, книги, кипы бумаг. Можно было разглядеть блокнот и перо. В углу книжный шкаф, кресла и столик с граммофоном. Стрелки часов с маятником показывали одиннадцать. На ковре валялся огрызок яблока. Между елкой и письменным столом лежал доктор Браун в белом халате с закатанными до локтей рукавами. Рядом – две крохотные красные точки.

– А это что? – спросил Гуго, показав на них пальцем.

– Капельки крови, – быстро ответил мальчик.

На следующей странице крупным планом был нарисован мертвец. Вылезшие из орбит бирюзовые глаза с черными дырами зрачков. Рот раскрыт, язык вывалился. Тут, похоже, юный художник дал волю воображению и изобразил язык длиннее, чем тот мог быть на самом деле. На лбу лиловела шишка, очертаниями напоминающая чье-то злое личико.

– Ты уверен, что на полу была кровь?

– Да. Наверное, ее смыли, но она там точно была. Круглые капельки.

– Герр Браун и правда был в халате или ты дофантазировал?

– Я нарисовал все, как было на самом деле. Доктор был в халате. – Йоиль ткнул пальцем в рисунок. – Точь-в-точь привидение.

Мальчик взял альбом и нашел другой рисунок: клубок ярко-синего цвета.

– Что это? – Гуго повертел лист под лампочкой, свисавшей на проводе с потолка.

Освещение в комнате было тусклым из-за забитых досками окон – сквозь щели почти не проникал солнечный свет.

– Запах доктора Брауна. Вернее, один из запахов, – подумав, уточнил Йоиль.

Гуго растерянно улыбнулся. Сам он не почувствовал никакого особенного запаха, но это еще ничего не значило. Многие яды разлагаются быстро.

– Любопытно. Расскажи-ка подробнее.

– Вот этот синий – это запах одеколона. – Йоиль похлопал ладошкой по рисунку. – Хороший запах, так душатся люди, когда идут в театр или гулять.

– А этот серый? – Гуго показал лист оттенка снеговых туч.

– А этим пахло у него изо рта. Станный запах, сразу горький и сладкий. Я уже где-то чуял такой, только не помню где.

Гуго словно током ударило. Разряд пробежал от затылка до поясицы. Вновь перелистав рисунки, он добрался до портрета Брауна. В глазу доктора Йоиль нарисовал собственное отражение: дотошность истинного художника.

– Попробуй вспомнить. Герр Менгеле говорит, у тебя прекрасная память, это и по рисункам видно. Где ты мог прежде чують такой запах?

Йоиль, болтая ногами, с грустным видом уставился в потолок.

– В Биркенау, – наконец выдавил он. – На прошлой неделе дядя Менгеле возил меня к сестрам-близнецам из Италии, они отказывались говорить со взрослым переводчиком. Там пахло так, словно что-то жарили...

– То есть ты нарисовал вот этот запах?

– Нет. Мы поговорили с близняшками, а потом дядя Менгеле отвел меня на склад выбрать штаны взамен тех, что были на мне. На складе сидела женщина, она разбирала волосы по цветам. Когда я проходил мимо, почувствовал необычный запах, горький и сладкий.

– От доктора Брауна пахло им, да?

– Да.

Гуго взял трость, поднялся. Постукивая кончиком по полу, прошелся туда-сюда по узкой, затхлой комнате. Сердце сильно забилось, пульс отдавался в ушах, желудок сжался. Кажется, Гуго нащупал путеводную нить.

Один его друг, работавший на заводе «Дегеш», рассказывал, что комендант Аушвица заказал крупную, почти пять тонн, партию пестицида «Циклон-Б» для борьбы с паразитами. Если те волосы сбрили с женщин, зараженных вшами, то, вероятно, их обрабатывали синильной кислотой.

– Скажи, а этот запах, случайно, не похож на запах горького миндаля?

– Точно! Горький миндаль! – обрадовался мальчик. – Мама делала торт с горьким миндалем и миндальные печеньки!

Итак, цианид. Соль синильной кислоты, сильный яд, обладающий тем же запахом, что и «Циклон-Б». Запахом горького миндаля.

– Отравление цианидом вызывает своего рода биохимическое удушье, – произнес Гуго – не для маленького Йоиля, конечно, а рассуждая сам с собой. – Зрачки при этом резко расширяются. Ты знал Сигизмунда Брауна?

– Да.

– По-твоему, он был умным?

– Думаю, да.

– Хитрым?

– Наверное.

Разумеется, таким он и должен был быть. Умным, проницательным. Сразу понял, что, если не оставит записку, никто ни о чем не догадается, сочтут его смерть естественной. Как и то, что записку нужно зашифровать, дабы не встревожить убийцу.

– Почему ты нарисовал свое отражение в глазах Брауна? – спросил Гуго, чувствуя, что его догадки обретаю форму.

– Потому что они были похожи на зеркала.

– То есть очень большие и темные?

– Да.

– Хорошо... – Довольный Гуго погладил мальчика по голове.

Браун был врачом и знал латынь. На латыни слово *pupilla* означает не только зрачок, но и куколка, ведь человек отражается в глазах другого именно как крохотная кукла. Выходит, Браун знал, что его хотят отравить цианидом? Гуго опустил взгляд на Йоиля:

– Ты дотрагивался до тела в ту ночь?

Ребенок съезжился, точно его застали за воровством варенья на кухне.

– Йоиль, я просто хочу узнать, было ли тело твердым.

– Как деревяшка.

– Такое окоченение называется *rigor mortis*. У тебя на рисунке часы показывают одиннадцать вечера. Ты в это время его нашел?

– Да.

Гуго прикинул в уме. Получалось, доктора убили минимум за три часа до обнаружения, то есть около восьми. Именно столько времени требуется мускулам, чтобы напрячься и сделаться похожими на деревяшку.

– Расскажи мне о призраках, – попросил он. – Что ты о них слышал?

Йоиль вздернул подбородок и сел прямо.

– Я тут единственный, кто их не боится. Девочки с первого этажа верят, будто в нашем блоке водятся призраки. Ночью они часто слышат вздохи, стоны, всхлипы и плач, понимаете? Но я-то знаю, кто там стонет.

– И кто же?

– Люди, которые занимаются всякими взрослыми штуками.

– Ты их видел?

Йоиль кивнул. Скорее всего, речь о Брауне и Бетании Ассулин. Или о Брауне и Бетси Энгель.

– Ты мог бы назвать их имена?

– Нет, лиц я не видел. Взрослые были в кабинете, свет не горел. Я один раз заглянул в дверь, но испугался, что меня заметят...

– Ничего, это не важно. Ты и так мне очень помог.

– Спасибо, – польщенно поблагодарил Йоиль. – Только и вы не забудьте, что обещали.

Гуго кисло улыбнулся и принялся складывать рисунки. Потом заметил тот, что лежал на столе. Похоже, на нем была изображена казарма. Сквозь открытую дверь виднелись эсэсовцы в очень точно нарисованной форме.

– Что ты рисуешь?

– Красные казармы. Это в Болонье, откуда мы приехали. Нас сначала держали там, потом на поезде привезли в лагерь.

Улыбка Гуго сделалась сконфуженной. Заведения вроде болонских Красных казарм назывались сборными пунктами – они служили для сортировки людей перед отправкой в концентрационные лагеря. Оттуда люди уезжали семьями, а по приезде их разделяли, как и случилось с Йоилем.

– У вас в Болонье отличная футбольная команда. – Гуго попытался отвлечь ребенка от тяжелых воспоминаний. – Шесть скудетто^[6] и Выставочный кубок. Как там скандируют?..

– Команда, которая потрясет весь мир! – продекламировал Йоиль, и его глаза сделались круглыми и влажными. – Арпада Вейса с семьей привезли сюда в прошлом году, в октябре. Мне сестра Адель рассказывала.

– Арпад Вейс, – понимающе кивнул Гуго.

Сам он не увлекался футболом, но тренера болонской команды знали все. Венгерский еврей превращал любую команду в чемпионов, однако от лагеря это его не спасло.

– Немецкие солдаты арестовали нас в шаббат. Папа говорит, что так делают нарочно. – Йоиль пожал плечами и показал на нарисованную казарму. – Нас держали там несколько дней, потом посадили на поезд. Как семью Вейс.

На лицо мальчика набежала тень. Глаза под густыми ресницами совсем потемнели, словно штормовое море. Гуго почувствовал, что в его зрачках он видит француженку, склонившуюся над останками дочери, и зондеркоманду, выкидывающую из вагонов трупы.

– Нелегкое, должно быть, выдалось путешествие, – пробормотал Гуго.

Йоиль качнул головой и сжал губы. Удивительно еще, что после всех увиденных ужасов его глаза остались такими же прекрасными.

Блок № 11 грозно смотрел на Гуго.

Архитектуру Аушвица вообще сложно было назвать жизнерадостной, но одиннадцатый блок производил особенно гнетущее впечатление: насупленная рожа со злыми глазами и прожорливой пастью. Тристан Фогт дернул за шнурок колокольчика. За стеклянной дверью послышались ритмичные шаги охранника, и в смотровой щели появились глаза. Дверь открылась в темный, холодный, голый коридор. В глубине виднелась железная решетка – преддверие лагерной тюрьмы, куда отправляли за попытку к бегству и где люди гнили месяцами, ожидая приговора каттовицкого гестапо. Все это рассказал Фогт, пока они добирались до блока смертников. Уже одно название говорило о многом.

– Хайль Гитлер! – Охранник вскинул руку.

– Хайль Гитлер! – эхом ответили Гуго и Фогт.

Охранник молча проводил их до решетки. Визит Гуго санкционировал лично Либехеншель, так что проблем не возникло. Звякнули ключи, и дверь открылась. Они двинулись по выстуженному коридору с промерзшими белеными стенами – сейчас их облизывали темные языки двух теней. Воздух казался густым, настоящим на горе и отчаянии. Блок смертников. Точнее не скажешь.

Охранник отпер дверь в камеру и впустил посетителей. Берт Хоффман сидел на нижней койке спиной к заложенному кирпичами окну. Сгорбленный, согбенный, точно от невидимого жернова на шее. Лампочка на потолке помаргивала, кое-как освещая серые стены, почерневший пол и ведро, от которого резко несло мочой. Фогт щелкнул пальцем по лампочке, и та прекратила моргать, однако продолжила гудеть, заполняя тишину.

Санитар поднял лицо. Узкие щелочки между набрякшими веками вместо глаз. Опухшие губы покрыты коркой запекшейся крови. Черт лица, по сути, не разобрать. Гуго силился понять, как же Хоффман выглядел прежде. Не получалось. Оставалось с ужасом смотреть на разбухшее, перекошенное месиво, донельзя изуродованное синяками и шишками.

– Вы правы. – Гуго искоса глянул на Фогта, тяжело опершись тростью на грубые и грязные каменные плиты пола. – Вряд ли он в состоянии говорить.

Хоффман задрал голову и принюхался, точно мышь. Видеть, судя по всему, он не мог и пытался определить, кто пришел, по запаху.

– Меня зовут Гуго Фишер. Я расследую смерть Сигизмунда Брауна.

Санитар приподнял верхнюю губу, чем еще больше напомнил то ли грызуна, то ли гравюру из старой книжки Гюго: портрет уродца Квазимодо.

– Вы работали санитаром у Брауна, верно?

– Да, – выдавила человекомышь после нескольких неудачных попыток.

Из уголков рта потекла слюна, и Хоффман утер ее рукавом. Фогт в форме с иголочки стоял в углу, заложив руки за спину, и с полнейшим равнодушием наблюдал за пленником, отчего Гуго сделалось неприятно. Перед ними сидел избитый до полусмерти человек, такой же немец, как они сами, однако, судя по всему, Фогт не испытывал к нему ни капли жалости.

– Мне передали то, что вы сказали после смерти доктора Брауна. – Гуго не хотелось мучить санитаря, но время поджимало. – Вы упомянули, что его забрали призраки. Можно узнать, что вы имели в виду?

– Просто пошутил. – Хоффман втянул в себя воздух и попытался что-то добавить, но его скрутил приступ кашля. – Неудачная шутка.

– Вы имели в виду призраков, стонущих по ночам?

– Чего?

– Не могли ли слухи о привидениях распространиться потому, что ночами происходили некие любовные свидания?

– Я не знаю, о чем вы.

Гуго постучал кончиком трости по полу. Дышать в камере было нечем, а напряжение буквально выжигало последний кислород. Хоффман не мог не знать о похождениях Брауна, и его фраза о призраках, вероятно, намекала на тех, чьи стоны и вздохи пугали детей. Или на прошлые грешки Брауна, за которые ему пришлось расплатиться. Так или иначе, дело в его любовных шашнях.

– Хорошо, поговорим начистоту. У покойного были внебрачные связи?

– Нет.

– Вы с Брауном ладили?

– Конечно.

Хоффман смотрел в пространство перед собой и вряд ли различал что-нибудь, кроме смутных теней: так же видят мир новорожденные дети. Вот только санитар стоял на пороге смерти.

– Где вы были тем вечером?

– В своей комнате. Устал как собака. Работал весь день.

– В чем заключалась ваша работа?

Берт неуверенно повел рукой. Гуго понял, что тот ждет разрешения Фогта.

– Рассказывайте, Хоффман, – позволил Фогт. – Герр Фишер подписал бумагу о неразглашении.

Санитар кивнул, облизал губы и продолжил:

– Недавно меня перевели в Биркенау под начало другого врача...

– Почему?

– Между мной и доктором Брауном возникли небольшие трения, и мы решили отдохнуть друг от друга. – Хоффман сплюнул комочек красной слюны и сипло вздохнул. – Меня приставили к доктору Шульцу.

– Но вы сказали, что у вас с Брауном были хорошие отношения.

– Ну да.

Рот Хоффмана перекосило от боли, терзавшей все его тело. Гуго отлично знал, как это бывает.

– Да, мы с доктором прекрасно ладили, – не сдавался санитар. – Трения касались всяких мелочей, ничего важного.

– И все-таки?

– Мы расходились, скажем так, по научным вопросам.

– Санитар и дипломированный врач? – хмыкнул Гуго.

– Вот и Браун то же говорил. – Хоффман попробовал засмеяться, но вместо этого закашлял. – Временами я впадаю в грех гордыни, забывая, какая я мелкая сошка. Мне были не по нутру кое-какие его методы. Доктор Браун обозвал меня всезнайкой и отослал в Биркенау к Шульцу. Чтобы я уяснил: его методы еще сравнительно гуманные.

Сравнительно гуманные. Гуго устал стоять. Он сел на стул, поставил трость между коленями и вперил взгляд в Хоффмана поверх костяного набалдашника. Аушвиц таил массу запретных тайн, Гуго разрывался между желанием раскрыть их и необходимостью делать вид, будто ничего не происходит. В голове звучал голос Небе, советующий не вмешиваться в лагерные дела, и Гуго сдержался.

– Люди слышали, как вы говорили, что Браун заслужил такой конец. Это как-то связано с вашими разногласиями?

– Я просто злился на него за эксперименты с фосгеном. – Санитар вновь закашлялся, в горле у него забулькало. – Вам разве не случалось в запальчивости говорить то, чего в действительности вы не думаете, герр Фишер?

– Во сколько вы отправились спать? – продолжил Гуго, проигнорировав вопрос Хоффмана.

– Часов в восемь, кажется. Сразу после ужина.

Лампочка снова заморгала. Скоро она перегорит. Гуго машинально взглянул на циферблат «Юнганса» у себя на запястье. Брауна нашли в одиннадцать, а отравили примерно в восемь, если верить словам Йоиля о «деревяшке».

– Кто-нибудь видел вас после восьми?

– Нет.

– Кто-нибудь из коллег?

– Говорю вам, я лег спать сразу после ужина.

– Ну да! – Гуго язвительно хмыкнул. – Видимо, работа у доктора Шульца оказалась тяжелой.

– Так и есть, – серьезно ответил Хоффман.

Гуго готов был поклясться, что санитар пригвоздил бы его взглядом к полу, если бы ему удалось открыть глаза. Но опухшие веки не разлеплялись.

– В начале декабря люфтваффе разбомбили стоявший в итальянском порту американский транспортный корабль, груженный ипритом и фосгеном. Шульц получил приказ продолжить эксперименты, начатые доктором Хиртом в лагере Нацвейлер.

– Какие эксперименты? – спросил Гуго, и воздух сгустился еще сильнее.

– Я должен был отобрать группу заключенных. – Хоффман пошевелился и застонал от боли. – Шульцу требовались люди с

глубокими ранами, подобными тем, что получают наши солдаты на фронте. Мы построили евреев в шеренгу, натравили на них собак, после чего обработали фосгеном и ипритом. Некоторым по методу Хирта дали уротропин.

Санитар опять зашелся в кашле, корчась от спазмов и образов, всплывших в памяти.

– У получивших уротропин фосген вызвал меньше язв и ожогов. Нам пришлось дожидаться результатов эксперимента и фотографировать подопытных каждый час. В общей сложности ушло четырнадцать часов. Вот почему, герр Фишер, я очень устал и рано лег спать. На моем месте вы поступили бы так же.

Допрос отнял у Хоффмана последние силы, окончательно его доконав. Он весь скрючился в три погибели.

От услышанного у Гуго онемели ладони. Его пробирала дрожь, во рту пересохло. Слюна превратилась в песок Ваттового моря. «Подобные эксперименты незаконны!» – вертелось на языке.

Поодаль молча стоял Фогт и пристально глядел на него. В неверном свете поблескивал кортик. Из кобуры торчала рукоять пистолета. Но Гуго хватило одной ухмылки черепа на фуражке, чтобы воздержаться и от этой реплики, и от выяснения, какие еще эксперименты проводятся в лагерях. Пришлось скрепя сердце вернуться к допросу.

– А что вы скажете о подмене треугольников? – спросил он нетвердым голосом.

Хоффман долго не отвечал. Гудела лампочка, в горле у санитаря клочкотало и хрипело, его грудь тяжело вздымалась и опадала, словно кузнечные мехи.

– Я невиновен, – наконец проскрежетал Берт. – Треугольники были не мои.

– Тогда у меня все. – Гуго поставил точку в допросе, дорого обошедшемся Хоффману. – Сегодня сочельник. Полагаю, у вас есть право на отдых.

Санитар промолчал. Лампочка в последний раз мигнула и умерла, оставив их в вонючей темноте.

Снаружи снег серебрился под лучами солнца, пробившимися сквозь тучи. Гуго глубоко вдохнул свежий воздух. Ему казалось, он насквозь пропитался тюремными запахами: тухлой кровью,

прокисшей мочой в ведре. Мороз ущипнул его за нос, подействовав как укол новокаина.

– Вы получили ответы, которых искали? – поинтересовался Фогт.

– Нет. Если бы санитар не избили до полусмерти, я бы сумел вытянуть из него нужные показания.

– Вы чересчур мягкий человек.

– А вы излишне жесткий, – окрысился Гуго, затем понял, что перешел черту, но не мог остановиться. – Хоффман – немец, свободный ариец, он не заключенный и заслуживал иного обхождения!

– Поверьте, герр Фишер, – отчеканил Фогт ледяным тоном, – я лично проследил, чтобы с Хоффманом обращались как подобает. Вы понятия не имеете, что такое одиннадцатый блок. Вы понятия не имеете, что творится в его подвалах. Если бы не я, Хоффман валялся бы в каменном мешке, захлебываясь собственной мочой.

– Извините, герр Фогт. – Гуго прикусил губу.

– Я отчасти понимаю ваши эмоции, но придержите-ка язык, – процедил оберштурмфюрер.

Дальше они шли молча. Фогт широко шагал, прямой, как палка, заложив руки за спину и не поднимая глаз на Гуго; снег хрустел под его сапогами. После стычки Фишер не находил смелости попросить о том, к чему внутренне готовился все утро. Он знал, что ему прочтут очередную нотацию и одарят холодным взглядом. Однако попытаться было нужно.

– Герр Фогт, у меня к вам одна просьба...

– Говорите. Комендант приказал помогать вам.

Гуго набрал в грудь воздуха:

– Мальчик, пациент Менгеле... Он умолял найти его родителей в Биркенау.

Фогт вздрогнул, но с шага не сбился: он продолжил идти, не заботясь, поспекает за ним Гуго или нет.

– Герр Фишер, вы понимаете, о чем просите?

Гуго решил не отступать. Опираясь на трость, заковылял по снегу, догоняя Фогта.

– Я бы не стал вас обременять, если бы не расследование. Ребенок обещал рассказать мне все о той ночи, но взамен я должен найти его родителей. Может быть, я назову их имена и вы заглянете в архивы...

– То есть без этого еврейчика вы не в состоянии обнаружить преступника?

– Он единственный, кто видел место преступления до того, как уборщики уничтожили все улики, – резонно заметил Гуго.

– Зря вы ему доверяете. Я предлагал вам поговорить с Менгеле, а не с его кроликом.

– Это же просто ребенок. – Гуго выдавил смешок. – Зачем ему врать? Или вы думаете, что мальчишка убил доктора?

Фогт внезапно остановился и в упор уставился на Гуго. В его взгляде изумление мешалось с гневом.

– Мой вам совет, герр Фишер. Не предъявляйте коменданту слова еврея в качестве доказательств. Это будет концом вашей карьеры. Да и мне не улыбается по вашей милости выставить себя идиотом.

– Конечно, я ничего подобного не сделаю! Я не настолько наивен.

Оберштурмфюрер опасно прищурился. Гуго выдержал испытующий взгляд свинцовых глаз и вдруг разглядел проблеск зари в этом штормовом небе.

– Назовите их имена, – процедил Фогт. – Однако будьте осторожны. Больше никому так не говорите. Под угрозой не только ваша карьера, но и жизнь. Это дружеский совет товарища по партии.

Гуго кивнул. Он знал, чем рискует. Потому и молчал долгие годы. Потому и надел свастику. Так поступали многие. Он все понял еще в Хрустальную ночь, когда жгли синагоги, громили еврейские магазины и обносили дома, а полиция бездействовала. Пожарные ограничивались тем, что не давали огню перекинуться на дома немцев. Старинный друг их семьи, Вильгельм Крютцфельд, оказался единственным полицейским, вставшим на защиту Новой синагоги. За что сразу же поплатился, словно не исполнял долг, а совершил преступление.

– Аронне и Ноэми Эррера, – пробормотал Гуго.

– Хорошо. Посмотрим, что удастся сделать. Учтите, я ничего не обещаю.

У операционного стола ждал патологоанатом Равид Гутман. Низенький, тощий, лопухий, в круглых очках на горбатом носу. Волосы зачесаны налево. Он производил впечатление аккуратного человека, заботящегося о своей внешности, невзирая ни на что. Рядом на белом кафельном столе лежал обнаженный труп Сигизмунда Брауна.

– Герр Фишер, для меня большая честь ассистировать вам! – воскликнул Гутман, едва Гуго вошел в прозекторскую.

Он явно хотел произвести хорошее впечатление, не оплошать; руки у него слегка дрожали. На рукаве желтая повязка с надписью «Обслуживающий персонал», такая же, как у Бетании и других евреев-медиков или инженеров. Остальные заключенные называли таких «немецкими левыми руками», но не без легкой зависти. Ведь обслугу не гоняли на тяжелые работы.

Гуго улыбнулся как можно приветливее. Да, наверное, он не выглядел заправским нацистом, однако был немцем, и взгляд его тускло-серых глаз волей-неволей должен был казаться жестким и пронзительным.

– Комендант заверил меня, что вы лучший в лагере патологоанатом.

– Спасибо на добром слове, герр Фишер.

– Вы знали Брауна? – Гуго подошел к столу.

Трупная вонь уже сделалась вязкой; вскоре она превратится в какофонию невыносимых запахов.

– Вообще-то, я работаю с Менгеле, – уточнил еврей. – Но раз-другой случалось работать и на Брауна. Он был весьма культурным и образованным человеком.

Гуго прислонил трость к стене, снял пальто.

– У вас найдется для меня халат?

– Разумеется. – Гутман торопливо взял чистый халат, висевший за дверью, и протянул ему. – Вы врач, герр Фишер?

– Криминолог. Но мне приходилось присутствовать при стольких аутопсиях, что, кажется, я уже и сам поднаторел. – Гуго хохотнул и

посмотрел на Гутмана. – В этом году я поступил на медицинский факультет. Вижу, вам повезло, вы успели отучиться. – Он показал на желтую повязку.

– Да, – кивнул Гутман. – Мне разрешено носить обычную одежду.

Он даже притопнул ногой, демонстрируя коричневые брюки, видневшиеся из-под халата и длинного белого фартука. Вместо деревянных сабо на патологоанатоме были добротные туфли.

– Кроме того, я неплохо питаюсь. Жаловаться не приходится. С другой стороны, я вижу многое, чего предпочел бы никогда не видеть.

– Понимаю. – Гуго поежился, вспомнив об экспериментах с фосгеном.

Горло сдавило, и он закашлялся, надевая халат.

– Ладно, приступим. Уверен, мне есть чему у вас поучиться.

Гутман признательно улыбнулся. Он был сдержанным человеком. Гуго почти удалось убедить себя, что Аушвиц не такой уж *anus mundi*, как утверждал Фогт. Однако в глубине души он сознавал, что в улыбке Гутмана не было ничего веселого, одна терпеливая покорность, а за ней пережитый ужас депортации и заключение в концлагерь.

– Говорите, что я должен делать, – сказал Гуго, переключаясь на работу.

– Не беспокойтесь, герр Фишер, я справлюсь сам.

– Обращайтесь со мной, пожалуйста, как с обычным ассистентом. Хотя бы сегодня.

Гутман кивнул на разложенные у раковины инструменты и пинцетом вытащил из горла покойника полусгнивший кусочек яблока.

– В таком случае передайте скальпель. У вас есть версия, почему он умер?

– Еще как есть! – подтвердил Гуго. – Думаю, его отравили цианидом.

– Ваше предположение основано на расширенных зрачках и бледно-красном гипостазе?

– Не только.

Гуго внимательно наблюдал, как Гутман твердой рукой профессионала делает продольный разрез.

– Пациент Менгеле сообщил, что почувствовал запах горького миндаля, когда вошел в кабинет.

– Пациент? – Патологоанатом грустно улыбнулся и покачал головой, вскрывая труп от грудины до лобка и отгибая кожу. – Правильнее было бы сказать «морская свинка». Ну или подопытный кролик. Передайте пилу.

– Что?

– Пилу.

– Вы сказали «морская свинка», – негромко сказал Гуго, взял из поддона пилу, передал Гутману. – Почему?

Гутман сгорбился, побелевшие губы сжались в нитку. Он принялся пилить кость; поднялось облачко пыли. Потом убрал удаленные ребра, одним отточенным движением вырвал гортань, бронхи, легкие и сердце.

– Доктор Гутман. – Гуго дотронулся до его локтя, и патологоанатом от неожиданности чуть не выронил внутренние органы. – Прошу вас, объяснитесь.

Равид отшатнулся. Гуго догадывался, что сейчас его глаза ничем не отличаются от глаз эсэсовца: два стальных винтовочных дула. Переложив внутренности в раковину, патологоанатом тщательно вымыл руки и внимательно посмотрел на Гуго сквозь очки в золотой оправе.

– Доктор Менгеле собрал целую кунсткамеру уникальных экземпляров, – нерешительно начал Гутман. – Цыгане, карлики, уроды... Особенно его занимают близнецы. Когда война закончится, немецким женщинам нужно будет рожать по несколько детей сразу, чтобы возобновить и приумножить арийское население. Вот он и экспериментирует с близнецами.

– Как именно?

– Изучает их. Заражает вирусами, пробует смешивать кровь. Пытается изменить цвет глаз, хирургическим путем соединяет тела и смотрит, действительно ли они единый организм, как принято считать. Основная часть близнецов находится в Биркенау. Другие, как Йоиль, – в десятом блоке Аушвица.

Гутман умолк и начал промывать органы. Комнату заполнило журчание воды. Гуго потерянно за ним наблюдал. Хотелось что-то сказать, но он не мог выдать ни слова. Не мог поверить в услышанное. Желание узнать больше боролось с желанием немедленно забыть все. В конце концов, кто он такой? От него ничего

не зависит. Он – последняя спица в колесе государственной машины. Голос в голове спрашивал: ну узнаешь ты – и что изменится?

Гутман разрезал легкое, затем сердце. Вернулся к труп, извлек желудок и часть кишечника.

– Вы начали излагать мне свою версию. – Гутман поторопился сменить тему. – Продолжайте, пожалуйста.

– Да-да, – беспомощно закивал Гуго.

Во рту скопилась горечь, даже здоровая нога онемела. Он вытер вспотевшую шею и попытался выбросить Йоиля из головы.

– Я предполагаю, Брауна заставили принять цианид. Вы сами сказали: гипостаз алый, зрачки расширены. Вероятно, он находился с кем-то, кому доверял. А затем что-то случилось. Его толкнули или ударили тупым предметом, от которого на лбу остался небольшой синяк. После чего убийца воспользовался спутанностью сознания Брауна и влил ему в рот цианид. Не знаю пока, мужчина это был или женщина. Признаков борьбы я не заметил.

Гуго склонился над трупом и разжал его челюсти.

– Я заметил царапины на слизистой. Не исключено, что Брауна принудили раскусить ампулу. Затем сунули в горло кусок яблока, имитируя удушье.

– Звучит достоверно, – согласился Гутман. – Теперь я скажу, почему тоже склоняюсь к цианиду. Как вам известно, он провоцирует тканевую гипоксию и смерть клеток. Состояние органов Брауна соответствует версии с асфиксией: они налиты вишнево-красной от недостатка кислорода кровью.

Гуго кивнул, смазал подушечки пальцев Брауна тушью, приложил к листу бумаги.

– Продолжайте, – подбодрил он патологоанатома.

– Браун ел незадолго до смерти, его желудок еще полон. Думаю, смерть наступила около восьми вечера, но вряд ли яд попал в организм с едой, иначе он умер бы в столовой. Кстати, как насчет яблока?

– Менгеле скормил огрызок заключенному, чтобы проверить...

– Раз с яблоком все в порядке, похоже, ваша версия подтверждается, – пробормотал Гутман, склоняясь над трупом с пинцетом.

Повозившись, он извлек из слизистой осколок стекла, блеснувший в электрическом свете.

– Его действительно заставили раскусить ампулу. В таком случае, может быть, обойдемся без вскрытия черепа и анализа мозга? Мне кажется, хотя бы эту услугу бедной фрау Браун мы должны оказать.

– Согласен.

Достав лупу, Гуго сравнил отпечатки Брауна с отпечатками, снятыми им с пера. Одинаковые, сомнений не было. Папиллярный узор в форме павлиньего глаза: линии начинались с одной стороны и, образовав завиток в центре, возвращались обратно. Итак, записку в блокноте писал Браун. Гуго вернулся к трупу, указал на царапины на шее и спросил:

– Как по-вашему, от чего они?

– Царапины поверхностные, – ответил Гутман, отсекая образцы органов для помещения в раствор формалина. – Следов борьбы я не вижу. Его оглушили и раздавили во рту ампулу с цианидом. Драки не было.

– Чем его ударили?

– Кожа ободрана. Удар нанесен чем-то маленьким, твердым, неправильной формы. – Гутман начал зашивать разрез.

Гуго наблюдал за его работой. Спина адски болела, внутри беспокойно ворочалась пустота. Он гнал мысли о Йоиле, экспериментах с фосгеном... К черту Небе и его молчаливое пособничество!

– Я бы хотел закончить разговор о «кроликах» Менгеле, – решил он.

Игла дрогнула, пропуская стежок.

– Простите, герр Фишер, я напрасно об этом заговорил, – попробовал увильнуть Гутман.

– Но вы уже заговорили.

– Я...

– Расскажите о Йоиле, – сказал Гуго непререкаемым тоном.

Он должен знать, и точка. Его мучили эти непонятные темные призраки. В конце концов, его дело – раскрывать тайны, проливать свет и рассеивать тени.

– Йоиль не кажется мне лабораторным животным.

– Йоиль – особый случай, – прошептал Гутман. – Менгеле одержим этим ребенком. Он не понимает, почему два гомозиготных

близнеца оказались столь разными. Или, возьмем шире: почему один еврей так отличается от всех прочих.

– Поэтому Менгеле не ставит на нем опыты?

– На нем – нет.

Гутман вддел очередную нить и закончил игрекообразный шов на трупе. Потом ополоснул тело из шланга. По желобу побежал розовый ручеек.

– Он ставит их на его брате.

– Который подхватил тиф?

– Нет у Габриэля никакого тифа, – резко ответил Гутман, не поднимая глаз. – Он умирает от экспериментов Менгеле.

Гуго почувствовал, как руки начало покалывать. Пора сворачивать разговор. Сделать вид, что ничего не случилось. Он вел себя так с тех самых пор, как вступил в партию. Однако собственная трусость ему опостылела.

– Что делали с мальчиком?

– Сначала Менгеле попробовал изменить ему цвет глаз, чтобы они посветлели. Габриэль ослеп. Потом применяли электрошок, наблюдая, отреагирует ли его мозг так же, как мозг брата. Наконец, переливали кровь. Кровь Йоиля и других близнецов. Если вы изучаете медицину, то уже знаете, к каким катастрофическим последствиям приводит переливание крови не той группы. В общем, он при смерти.

Язык превратился в рашпиль, царапающий сухое небо. Сердце молотом билось о грудную клетку. До Гуго дошло, что такое Аушвиц для врачей: место, где дозволено все, где подопытными служат люди, которых не нужно беречь. Вот почему сюда так рвутся они все, от именитого Брауна до вчерашнего выпускника Осмунда Беккера. Концлагерь стал единственной в своем роде лабораторией.

– А Йоиль? Что будет с Йоилем?

Гуго хотел заглянуть в глаза Гутмана, найти там уверенность, что все будет хорошо, но пожилой патологоанатом смотрел только на свой идеальный шов. Гуго охватил гнев, словно вина за происходящее лежала не на нем и других немцах, а на этом еврее.

– Не молчите, черт вас побери! – заорал он.

Собственный голос, искаженный эхом пустой прозекторской, напомнил ему отрывистый лай собак на станции. В ушах вновь

раздался треск крохотного черепа под сапогом. Гутман поднял полные боли глаза.

– Цель исследования близнецов – не наблюдение за их жизнью, а анализ посредством сравнительной аутопсии, – проговорил он и перевел взгляд на свои запачканные кровью перчатки.

Казалось, патологоанатом вот-вот заплачет. Он вытер руки о фартук, оставив на нем ярко-красное пятно.

– Мне многое пришлось делать, герр Фишер. Даже с умирающими детьми...

– Еще живыми?

Произнося последнее слово, Гуго почувствовал, что под ногами разверзается бездна и хищно засасывает его.

– Живыми, – подтвердил со слезами Гутман.

– Вы что, издеваетесь надо мной? – Гуго потер щеки; кожа была сухой, щетина колола пальцы. – Вивисекция запрещена!

– На животных и людях, – поправил Гутман. – А здесь все законно. Евреи, цыгане и негры не считаются людьми.

Гуго затосило. Хенрик сразу все понял, уже в тот далекий теперь день, когда впервые задумался об отъезде. «Не делай из мухи слона...» – сказал ему тогда Гуго. В то время он и представить себе не мог, куда их заведет партия. Да, экономика разваливалась, Геббельсу потребовался козел отпущения для отвлечения народа от проблем. Но Гуго и в голову не приходило, что немцы шаг за шагом погрузятся в пучину безумия.

Он смотрел на Гутмана. Предчувствие неотвратимого вгрызалось в позвоночник зубами овчарки. Голова сильно кружилась, боль сделалась настолько сильной, что захотелось принять двойную дозу морфина.

– Что будет с Йоилем, когда его брат умрет? – Голос дрогнул: Гуго уже знал ответ.

– Ему сделают укол фенола в сердце, и мне придется провести сравнительную аутопсию мальчиков. Согласно теории Менгеле, подобная процедура имеет смысл, если проводится в одинаковых физических условиях, поэтому смерть детей должна быть одновременной. Менгеле возьмет прекрасные глаза Йоиля для своей коллекции глазных яблок, а останки отправит срочной посылкой в Берлин своему куратору в качестве экспоната.

Гуго замотал головой. Нет, этот человечек в круглых очочках смеется над ним. Гутман вновь поднял на него полные слез глаза, но на сей раз держался с достоинством кайзера.

– *A mol, mit yorn un doyres tsurik, iz ergets nifter gevorn a Yid*, – произнес он на идише. – *Meyle! A Yid iz nifter gevorn. Eybik lebn ken men nit.*

– И что это значит?

– Давным-давно, в незапамятные времена, где-то умер еврей. Ох, умер еврей. Что же, никто не живет вечно, – шепотом перевел Гутман. – Не беспокойтесь о нас, герр Фишер. Йоиль – всего лишь еврей. Евреем больше, евреем меньше, какая разница вам, нацистам?

Игла проколола кожу и вошла в вену. Йоиль вздрогнул.

– Потерпи, я быстренько, – успокаивающе пробормотала Бетания.

Йоиль всегда отворачивался, когда у него брали кровь. Однако после того, как иголка уже впивалась в руку, любопытство пересиливало: он поворачивался и смотрел, как красная жидкость стекает по трубочке в стеклянный флакон.

Во время забора крови он старался не двигаться, а потом бессильно оседал на стуле. Голова начинала кружиться, ноги дрожали. Йоиллю это не нравилось, да и иглы он боялся... Неправда! На самом деле он ничего не боится.

Сестры, те, что подбрее, старались успокоить, говорили, мол, больно не будет, но разве можно доверять взрослым? Что бы они ни говорили, происходило ровно наоборот. Когда кровь брала Бетси Энгель, она нарочно делала так, чтобы рука посинела и раздулась. Эта злобная ведьма по сто раз тыкала иголкой, якобы не попадая в вену. Приходилось терпеть, ведь кровь нужна для лечения Габриэля. Дома, в Болонье, они часто ссорились, случалось, и дрались из-за какой-нибудь игрушки, но брат все равно оставался его лучшим другом.

Йоиль вспоминал, как они ходили в Сады Маргариты, где росло множество цветов и пахло весной. Или на холмы, склоны которых по вечерам усеивали фонарики светлячков, и луна казалась огромным светящимся глазом. А однажды папа отвел их на самый верх башни Гаризенда. Они страшно устали, карабкаясь по ступенькам, но оно того стоило. Сверху был виден весь город: красные дома под черепичными крышами и другие башни, торчащие там и сям, словно одинокие деревья. Теперь воспоминания поблекли, и Йоиль боялся, что скоро забудет все напрочь.

Было еще кое-что неприятное. Он вдруг понял, что не может вспомнить лиц матери и отца. Забыл даже, как выглядит Габриэль, хотя они были одинаковыми. Он боялся, что еще чуть-чуть – и он не узнает семью при встрече. В такие минуты следовало хорошенько зажмуриться и изо всех сил думать о чем-нибудь хорошем. Например, о запахе щелока от свежевывстиранного белья. Или об аромате рагу из

кухни. Папином одеколоне, которым тот брызгал себя за ушами после бритья. Йоиль садился за стол и пробовал нарисовать их портреты. Глаза, рты, носы появлялись на бумаге черта за чертой, и он вспоминал лица. Худое, угловатое папино, нежное мамино и лицо брата. Рисовать Габриэля было все равно что смотреться в зеркало.

– Ну вот, почти закончили, – произнес голос Бетании, возвращая Йоиля в реальность.

– Ага, – сказал он.

Сестра ободряюще улыбнулась и закрыла глаза. Рука с иглой задрожала, лицо побледнело. Сегодня она с самого начала показалась Йоиллю какой-то странной.

Бетания тоже была еврейкой, только из Франции. Довольно молчаливая. Немецкий она знала, но говорить с Йоилем по-немецки не хотела, просила его говорить по-итальянски.

На самом деле она не была медицинской сестрой. В Париже она работала детским врачом и настоящим профессором в медицинском университете. Когда ее привезли в лагерь, поставили на службу в десятый блок, поэтому она жила в Штаммлаге, могла носить обычную одежду и питалась лучше остальных заключенных. Йоиль слышал, что в Биркенау люди получают на обед лишь жидкое варево, которое называется аво. Глядя на Бетанию, можно было подумать, что она в последние два дня ест только этот самый аво. Щеки ввалились, подбородок заострился, глаза запали.

Йоиль дотронулся пальцем до ее щеки.

– Ты чего? – отпрянула сестра.

– У тебя жар. Ты заболела?

– Нет, просто немного простудилась.

– Тебе надо отдохнуть.

Бетания улыбнулась, вынула иглу, протерла ранку и замотала сгиб локтя бинтом. Потом убрала инструменты и наклеила на бутылочку с кровью этикетку.

– Кровь для моего брата? – Йоиль вытянул шею, следя за ее действиями.

– Да, для него.

– Ты сейчас работаешь у Менгеле?

– Пока да, потом посмотрим.

– А Габриэля ты видела?

– У него все хорошо, не волнуйся. – Бетания прибралась на рабочем столе и повернулась к Йоиллю, скрестив руки на животе. – Говорят, утром с тобой беседовал следователь, – тихонько сказала она, метнув быстрый взгляд на дверь.

– Да.

– И что ты ему рассказал?

– Я показал рисунки с мертвым доктором.

– А еще?

– Больше ничего.

Бетания смотрела на него огромными темными глазами, продолжая сжимать руками живот, словно он у нее сильно болел, и переступала с ноги на ногу.

– Ай! – внезапно вскрикнула она и согнулась пополам.

– Что с тобой? – Йоиль подскочил к ней.

– Ничего, малыш, все в порядке, – выдавила сестра.

Однако дышала она хрипло и с трудом, и это пугало Йоиля.

– Наверное, я подхватила в лагере грипп, не бойся. Расскажи лучше о следователе. – Она умоляюще взглянула в лицо Йоиллю, беспомощно опираясь на стол. – Ты ведь обо мне не упоминал?

Йоиль отлично помнил ту ночь. После отбоя он, как всегда, отправился бродить по блоку. Бояться не боялся. Если бы кто-нибудь встретил его, то просто отвел бы обратно в спальню. Конечно, столкнись он с Бетси Энгель, та разделала бы его под орех, но убить все равно не посмела бы. Адель говорила, Йоиль нужен Менгеле.

В коридоре он опять услышал сопение. Затем кто-то громко заперхал, звук заметался меж белеными стенами. Послышалось сиплое большое дыхание и влажное чмокание. Йоиль присел на корточки, выглянул из-за угла и увидел растрепанную Бетанию, с кем-то целующуюся.

– Люблю тебя, – шептала кому-то она, – но если узнают, нам конец...

На слове «конец» Йоиль вскочил и удрал, однако Бетания все-таки его заметила. На следующий день она пришла к нему. Не ругалась, как ведьма Бетси, – наоборот, обняла. И попросила забыть о том, что он видел. Забыть ради нее, иначе ей придется плохо.

– Нет, я ничего ему не сказал, – заверил Бетанию Йоиль.

– Спасибо. – Она улыбнулась, пытаясь скрыть под улыбкой боль, от которой у нее на лбу выступили бисеринки пота. – А о Хоффмане? Ты что-нибудь слышал о нем?

– Слышал, что он сидит в тюрьме. – Йоиль пожал худенькими плечиками.

– Следовательно о нем упоминал?

– Нет.

– Берг – хороший человек. Он никому не сделал ничего дурного.

– А если это он убил доктора Брауна?

– Никого он не убивал.

Йоиль потупился и вдруг увидел, как по ногам медсестры стекает кровь. Тонкие струйки окрашивали лодыжки алым.

– Ты точно заболела! – закричал он. – Надо позвать врачей!

Бетания крепко зажала ему рот ладонью.

– Нет, детка, ничего не надо.

Она осторожно убрала ладонь, взглядом умоляя его больше не кричать.

– Давай я позову дядю Менгеле? – прошептал он.

– Не нужно, правда. Я посплю, и к утру все само пройдет. Поверь, эти врачи мне не требуются. Я же сама врач, не забыл?

Йоиль с сомнением поглядел на Бетанию, затем неуверенно кивнул.

– Вот и умничка, – сказала она, ласково ероша Йоиллю волосы.

Взяв пузырек и инструменты, она вышла, оставляя на полу след из крохотных капелек крови.

Строения Биркенау темнели на сером фоне неба. Гуго смотрел в ветровое окно. Они подъехали ближе, и над ними угрожающе нависла квадратная башня. Ее скатная крыша, присыпанная снегом, выглядела грязной простыней.

Миновав ворота, машина двинулась по Лагерштрассе, делившей Биркенау надвое. По обочинам тянулись заборы из колючей проволоки, а за ними бесконечные ряды деревянных и кирпичных бараков. Сосчитать невозможно, они терялись где-то вдаль, у самого горизонта, но их никак не меньше нескольких тысяч, прикинул Гуго. Вдаль, где белели припорошенные снегом березы, от земли поднимались клубы дыма. Одни серые, другие желтые. Наверное, те самые костры, о которых рассказывал Фогт.

Их обогнал фургон с красным крестом. Впереди Гуго заметил группу молодых женщин, бредущих по снегу. Охранник с борта фургона заорал в мегафон, подгоняя заключенных:

– Поторопитесь, дорогие дамы! Вы в Биркенау! Вперед, с песней!

Он орал так громко, что Гуго отчетливо слышал его вопли в закрытой машине. Фургон остановился, и офицер спрыгнул на землю. Подойдя к женщинам, он отобрал с десяток. Эсэсовка из вспомогательного подразделения построила их и велела бегать по кругу. Женщины озадаченно повиновались. Они были обриты налысо, но по их виду сразу становилось понятно: новенькие. Глаза еще не потухли, щеки не утратили румянец, ноги крепкие.

Офицер вытащил пистолет и направил на бегущих. Гуго велел шоферу остановиться. Женщины, почувствовав неладное, сбились с шага. Прогремел выстрел. Пуля поразила случайную жертву, оказавшуюся на линии огня. Убийство безо всякой причины, если не сказать ради развлечения. Девушка повалилась на землю, точно мешок картошки, из раны толчками била кровь, пачкая белый снег. Остальные испуганно уставились на тело. Офицер хохотнул, перемигнувшись с хельферин.

Гуго в ужасе застыл на заднем сиденье, грудь сдавило. Абсурдная жестокость не укладывалась в голове, и в висках гулко запульсировало.

Он смотрел на хрусткий наст, тающий от горячей крови, и на сабо заключенных, переминавшихся с ноги на ногу. Наконец они пришли в движение, возобновив свой бессмысленный путь.

– Так вам в «Канаду», герр? – напомнил о себе шофер.

– Куда? – только и смог выдать Гуго.

– Ну, в «Канаду», на склад личных вещей.

– Да-да.

– Его недавно перенесли, – продолжил шофер как ни в чем не бывало. – Сейчас он занимает тридцать барачков, а вкалывают там две тысячи заключенных. Настоящая фабрика.

Гуго промолчал, глядя в окошко на медленно проползающие мимо ряды зданий. Он пытался взять себя в руки, но не получалось. За колючей проволокой, разделявшей сектора, он разглядел других заключенных. Кто-то в полосатой робе, кто-то в обычной одежде, а кто-то вообще голый. Увидел женщину, чьи пустые обвисшие груди, казалось, вот-вот оторвутся. Она брела мелкими шажочками, не замечая мороза. Ее кожа была серой, как вездесущий здешний пепел. Гуго почудилось, что она сейчас растворится, ускользнет, словно ее и не было. Ни охранники, ни их собаки не обращали на нее внимания: очередной призрак на снегу, и ничего более.

Гуго отвел глаза и уставился на кожаную спинку переднего сиденья. После вскрытия тела Брауна позвоночник разболелся не на шутку, рука горела, в плоть вгрызались тысячи крохотных муравьиных жвал. Лишь прикосновение к пузырьку с морфином могло вернуть ему желание жить. Он сунул руку в карман, нашарил холодное стекло. Убежать бы отсюда без оглядки. Вернуться в Берлин, подальше от этого жуткого места со всеми его загадками.

– Приехали, герр. – Шофер повернулся к нему. – «Канада». Вас подождать?

Гуго поднял глаза. Машина стояла между рядами кирпичных барачков. На обочинах прямой как стрела дороги лежали груды чемоданов, узлов, свернутых одеял, велосипедов и детских колясок. Всего понемногу. Гуго насчитал за металлическим забором тридцать зданий, как и сказал ему водитель. Позади торчали высокие, густо коптящие трубы, а чуть поодаль в небо поднимался желтоватый дым.

– Да, подождите, пожалуйста, у главных ворот, – ответил Гуго. – Боюсь, я задержусь тут на некоторое время, после чего хочу размять

ноги.

Шофер красноречиво покосился на его трость, но промолчал.

Гуго выбрался из машины. Сердце продолжало барабанить, в висках гудело. От первого же глотка ледяного воздуха его затошнило. Он привалился к стволу березы и выbleвал на снег весь свой обед. Кислый желудочный сок наполнил рот и ноздри, мешаясь с вонью горелого мяса, насквозь пропитавшего все вокруг. По сути, это был даже не воздух. Сплошной сладковато-горький смрад.

– Хайль Гитлер! – гаркнул голос за спиной.

Утерев рот платком, Гуго повернулся. Перед ним стоял высокий крепкий парень. Глаза – стеклянные шарики, из-под фуражки с черепом выбиваются короткие черные волосы. Должно быть, это и есть Адам Шмидт, охранник, обнаруживший записку в сугробе.

– Хайль Гитлер! – ответил Гуго.

– Сперва всегда так, – усмехнулся парень и потер в воздухе пальцами. – Потом помаленьку привыкаешь. Комендант сказал, что вы хотите со мной поговорить.

– Да. – Гуго сплюнул и еще раз вытер губы. – Расскажите, как вы нашли записку?

– Значит, так. – Шмидт подошел к куче вещей, сложенных у наполовину спиленного дерева. – Она валялась здесь. Береза треснула под тяжестью снега, и нам пришлось ее спилить. Записка лежала под снегом.

– Вы кому-нибудь еще о ней говорили?

– Нет, как можно! – воскликнул Шмидт. – Мне приказали молчать.

– Хорошо. Вас кто-нибудь о чем-нибудь спрашивал в то время, пока вы руководили работами?

– Вроде бы нет.

– Где служит фрау Браун?

Охранник указал на барак слева.

– Благодарю за помощь.

На барачке белой краской был намалеван номер. Гуго вошел.

Дневной свет бледными потеками лился из окон на длинные, грубо сколоченные столы. Сюда вываливали содержимое чемоданов и баулов, регулярно привозимых на скрежещущих тележках. Чего тут только не было! Ворохи одежды, обувь, кастрюли, пеленки, лекарства, духи, деньги, сигареты, консервы, фотоаппараты. Словом, все, что

можно обнаружить в багаже. К вони горелого мяса здесь примешивались запахи кожи и картона.

Гуго тупо таращился на вещи, сам не понимая, что ищет. Барахла было столько, что на сортировку ушли бы месяцы. Чемодан еврейки-француженки, пристреленной на станции, тоже лежал где-то здесь. Он заметил погремушку и машинально потянулся за ней. Затем увидел еще одну, потом – крохотные ботиночки и платица, куклу и резной деревянный волчок. Гуго отдернул руку, словно обжегшись. Сколько детей в Аушвице?

– Волосы сюда! – послышался женский голос откуда-то из глубины барака. – А золотые коронки – туда!

– Вот же сучка, – прошипел другой голос едва ли не ему на ухо, и Гуго вздрогнул. – Ишь, командирша выискалась.

Обернувшись, он увидел Розу. Проститутка взглядом показала на вдову Брауна. Та, сжимая в руке хлыстик, уверенно рассекала море заключенных, точно драккар.

– Что вы здесь делаете? – удивленно спросил Гуго.

– Я могла бы задать вам тот же вопрос. – Роза подмигнула и потерлась бедром о его бедро. – Пришла за одеждой и духами.

Она подошла к столу поодаль и принялась копаться в тряпках. Приложила к себе юбку цвета сахарной бумаги, потом белую шелковую блузку. Аккуратно свернув вещи, сунула их в сумку и направилась к другому столу, где лежали парики, помада, украшения и флакончики с духами. Открыв один, Роза поднесла его к носу и восторженно закатила глаза, словно аромат мог заглушить вонь горелого мяса, проникавшую снаружи. После чего бросила вызывающий взгляд на Брунгильду, величественно вышагивающую между столами.

– Сигизмунд не любил, когда я душилась, – доверительно шепнула она, возвратившись к Гуго. – У него была идиосинкразия, от запаха духов болела голова и начиналась крапивница. Зато теперь я могу душиться сколько влезет. Так что вы здесь забыли?

– Пришел побеседовать с фрау Браун, – так же шепотом ответил Гуго.

– Наверняка она сама и прикончила муженька. – Роза схватила две пачки сигарет и сунула за пазуху. – Удивляюсь, как еще она не

перебила всех баб, к которым ее неблаговерный запускал своего воробышка.

Похоже, слух об убийстве уже пополз по лагерю.

– Зря вы так много курите, – попенял Розе Гуго, делая вид, что не придал значения ее словам.

– Это не для меня. Это чтобы подкупить капо и охранников. Запас карман не тянет.

Она заговорщицки кивнула на коренастого охранника в углу, не спускавшего с нее глаз, хихикнула, привстала на цыпочки и прижалась к Гуго. Он ощутил запах теплого женского тела. Роза была единственной по-настоящему живой и привлекательной женщиной, которую он повстречал в лагере.

– Если заест одиночество, милости прошу, – лукаво сказала она и покинула барак вместе с сопровождавшим ее охранником.

Гуго смотрел ей вслед. Какое-то время в воздухе еще висел аромат ее духов.

– Вы?! – Резкий голос фрау Браун вернул его в вонючую действительность.

Гуго заковылял к ней, на ходу собираясь с мыслями. Компрометирующую записку выкинули рядом с этим баракком. Убийца, кем бы он ни был, явно посещал местную «Канаду». Глаза Брунгильды Браун казались голубыми льдинками, а лицом она сейчас напоминала мастифа. Видимо, возненавидела Гуго за вскрытие. Состроив ухарскую физиономию, он направился к ней.

– Фрау Браун! – воскликнул он с самой участливой улыбкой, какую смог изобразить. – Еще раз примите мои глубочайшие соболезнования. Тело вашего мужа готово к отправке домой.

– Каков наглец! – фыркнула женщина. – Для чего вы сюда явились? Сообщить мне все это лично?

– Нет-нет, я кое-что разыскиваю. Ну и с вами поговорить хотелось бы.

– Не о чем мне с вами разговаривать. Я требовала не издеваться над телом Сигизмунда, но вы не вняли моим просьбам. Вся семья уже собралась в Вупперхофе, чтобы отдать ему последние почести у могилы. Они ждут тело в среду.

Гуго представился монументальный мраморный склеп. Что-нибудь эдакое, в национал-социалистическом духе, с бронзовыми

орлами, свастиками и почетным караулом.

Фрау Браун зашагала дальше. Она шла быстро и налетела на какую-то заключенную с корзинкой. Та выронила свою ношу. По полу со звоном покатались сотни обручальных колец.

– Кстати, а куда подевалось обручальное кольцо вашего мужа? – не отставал от нее Гуго.

Кольца рассыпались по всему бараку, будто осколки разбитой вдребезги любви. Гуго подумалось, что изымать обручальные кольца подло. Все равно что разорвать связь между людьми, растоптать цветок.

– Понятия не имею.

– В тот вечер кольцо было на нем?

– Не знаю. Не помню. А теперь, с вашего разрешения...

– И вам не хочется узнать результаты аутопсии? – Гуго изумленно посмотрел на вдову.

Та наконец остановилась. Ее плечи поднимались и опадали, она тяжело дышала, сипя, точно порванный аккордеон. Потом медленно кивнула и повернулась к нему лицом. Расширившиеся глаза – лужицы жидкого свинца, со дна которых поднимался страх. Она боялась узнать правду.

– Его отравили. Цианидом, – произнес Гуго.

Фрау Браун закрыла рот ладонью, заглушая стон. Глаза закрылись, она зарыдала и вдруг сделалась маленькой девочкой. Потом повернулась ему спиной и понуро двинулась дальше, громко всхлипывая. Заключенные удивленно оглядывались. Они не привыкли видеть фрау Браун плачущей.

– По-моему, это было жестоко. Не находите?

Гуго обернулся. На него в упор смотрела Анита Куниг, сжимавшая в руках хлыст. Из-под сдвинутой на лоб пилотки выбивалась прядь светлых волос: тщетная попытка скрыть родимое пятно.

– Я не на это рассчитывал, поверьте, – попытался оправдаться Гуго.

– Брунгильда только кажется негибавшей, но в действительности...

– Вы, вижу, хорошо ее знаете?

– Мы подруги, – отрезала Анита. – И я знаю ее достаточно, чтобы утверждать: сейчас вы ничего от нее не добьетесь. Она очень

рассержена и обижена. Дайте ей время прийти в себя.

– Я просто исполняю свой долг. Чем больше времени пройдет, тем меньше вероятность найти убийцу доктора Брауна. Фрау Браун следовало бы поблагодарить меня за работу.

– Поверьте, так и будет, но смерть есть смерть, она выбивает из колеи. Особенно насильственная. – Анита буравила Гуго глазами. – Могу я еще чем-нибудь вам помочь?

– Да, – кивнул Гуго. – Мне нужно побеседовать кое с кем о «Канаде».

– Бога ради, не называйте вы склад этой арестантской кличкой, – поморщилась Анита. – Это склад, понимаете? Жизненно важная структура. Все, что вы здесь видите, – наш вклад в победу Германии.

Гуго оперся о трость, давая отдых больной ноге.

– Хорошо, я должен поговорить с кем-нибудь о складе, – покорно согласился он. – Хоть с вдовой Брауна, хоть с вами.

– Спрашивайте.

– Кто из служащих десятого блока посещает склад?

– Да практически все. – Анита улыбнулась. – Медсестры и врачи приходят за лекарствами, конфискованными у заключенных. Иногда попадают крайне редкие препараты, а то и приборы.

– Кто именно? Можете перечислить?

Хельферин посмотрела на его ногу и сказала, словно желая выиграть время:

– У нас есть всякие обезболивающие, даже эукодал. Хотите?

– Что? – растерянно переспросил Гуго.

– Мне сказали, вы переболели полиомиелитом. Какое обезболивающее вы принимаете? Морфин? – Анита неодобрительно покачала головой. – Не советую. Импортная отравка. Эукодал в два раза эффективнее, если не в три, а кроме того, придаст вам сил и бодрости, чтобы закончить дело. Его принимает сам фюрер, а такой рекомендации можно довериться.

– Лучше ответьте на вопрос.

Анита подошла к одному из столов и, перевернув сложенные там предметы, принесла Гуго серую коробочку:

– Попробуйте, герр Фишер.

– Говорю же вам, не нужно. – Гуго сжал ладонями набалдашник трости; поведение женщины ему не нравилось. – А теперь ответьте на

мой вопрос. Кто приходил за лекарствами? Вы видели здесь Берта Хоффмана?

– Разумеется. – Анита сунула коробочку в карман. – Он часто сюда наведывается. Так же как Адель Краузе, Бетси Энгель и Осмунд Беккер.

– А Бетания Ассулин?

– Нет, конечно! Она же еврейка и не может шастать где вздумается.

– Что вам известно о связи Брауна и Ассулин?

– Ничего.

Поджав губы, она вздернула голову, давая понять, что не намерена ни пятнать память о друге, ни предавать доверие Брунгильды.

– Какие отношения были между супругами Браун?

– Обычные отношения людей, женатых много лет. Брунгильда переживала, что у них нет детей. – Анита погрустнела, явно подумав о чем-то личном. – Что еще вас интересует?

Гуго потер подбородок.

– Один свидетель почувствовал запах горького миндаля от сортируемых на складе волос. Чьи это волосы?

– Волосы заключенных.

– Их обрабатывали инсектицидом?

– Можно и так сказать.

Она с вызовом посмотрела ему в глаза. Точно так же делал Фогт, давая понять Гуго, что тайны Аушвица не для него.

– Крематорий недалеко отсюда? – спросил Гуго и только тут сообразил, что опять вместо расследования убийства доктора занимается собственным следствием, за которое неминуемо получит выволочку от Небе.

Однако Аниту его вопрос не удивил. Она махнула хлыстиком в сторону приоткрытой двери, из-за которой доносился непрерывный грохот тележек, подвозящих багаж. Каждый порыв ветра заносил в барак новую порцию мерзкой вони.

– Это там, позади. Два крематория, четвертый и пятый, – ответила она равнодушно. – Еще на опушке березняка есть рвы, где сжигают трупы. А зачем вы спрашиваете?

– Да просто из любопытства, – пробормотал Гуго, попрощался и покинул барак.

Его тут же окутал смрад, вызвавший новый приступ рвоты.

Из-за кирпичного здания с тонкими трубами к небу поднимались клубы желтоватого дыма. Гуго заковылял туда. Свернув за угол, он очутился на краю березовой рощи. Ветер трепал ветви покорных деревьев. Под ними на закопченном снегу стояли женщины, дети и старики. Ступор, доходящий до сюрреализма. Они чего-то ждали, растерянно озираясь. Изнуренные дети дремали на руках. Изредка кто-то что-то спрашивал у охранников или зондеркоманды, но ответов не получал.

Гуго ненадолго остановился, чтобы разглядеть их как следует. У всех на одежде нашита звезда Давида. Он хотел было подойти и спросить, зачем они здесь, но охранник столь выразительно посмотрел в его сторону, что криминолог решил не вмешиваться от греха подальше. Зловоние сделалось гуще, дым щипал глаза.

Наконец показалось здание из красного кирпича. С края черепичной крыши свисали, сверкая на солнце, длинные прозрачные сосульки. Черные тридцатиметровые трубы зло когтили небо. Судя по всему, это и был второй крематорий.

Охранники и зондеркоманда вели толпу людей ко входу. Сколько их было, Гуго сосчитать не мог. Тысяча? Две?.. Колонна двигалась в полном молчании. Головы еще не обриты. Время от времени кто-то оглядывался на высокую ограду, отделявшую их от основного лагеря.

Мимо пронесся фургон с красным крестом на борту, забрызгал Гуго снежной жижей и притормозил у здания. Следом протарахтел мотоцикл. Газанув, он дважды объехал площадку перед крематорием, выбрасывая из-под колес комья грязи, и остановился. Высокий атлет спрыгнул с седла, отдал какие-то короткие приказы, после чего с интересом уставился на Гуго.

Тот ответил не менее вызывающим взглядом. Из-под фуражки эсэсовца виднелись рыжие прямые волосы. Лицо покрыто веснушками. Судя по знакам различия, фельдфебель. Когда он приблизился, Гуго заметил стеклянный глаз, в котором отражался алый закат.

– Хайль Гитлер! – гаркнул унтер и пожал ему руку. – Я обершарфюрер Отто Молль. Чем могу помочь?

– Хайль Гитлер! – ответил Гуго. – Я Гуго Фишер из пятого управления.

– Я знаю, кто вы. – Унтер развел руками и неожиданно весело рассмеялся. – Либехеншель только о вас и талдычит.

Гуго бросил взгляд за спину Молля, туда, где исчезли евреи, проглоченные воротами крематория. Поднял глаза на коптящую трубу и машинально подставил ладонь под невесомые пылинки пепла.

– Да, топки сегодня раскочегарили на славу, – бодро заметил Молль.

Тем временем солдаты принялись выгружать из фургона жестяные банки и расставлять их у стены крематория. Судя по выверенным движениям, они дотошно следовали какому-то особому протоколу.

– Ну как? Нашли что-нибудь интересенькое в Биркенау? – спросил унтер, на лице которого блуждала кривая ухмылка, отчего взгляд казался нарочито свирепым.

– Пока ничего существенного, – ответил Гуго, с ужасом чувствуя на зубах пепел. – Оберштурмфюрер Фогт говорит, вы сжигаете трупы на кострах?

– А, вы о рвах. Они там. – Молль махнул рукой куда-то за крематорий. – Пойдемте, покажу.

И он зашагал вперед. Они оба свернули за угол, и унтер остановился. Охранник в противогазе осторожно вскрывал одну из жестянок. Казалось, Молль давал Гуго возможность как следует все рассмотреть.

Гуго пробежал взглядом по семи наглухо заделанным окнам. В закатных лучах солнца сверкнули сине-зеленые кристаллы в чуть наклоненной банке. Охранник поднялся с ней по приставной лесенке, высыпал содержимое в маленький лючок, сразу же его закрыл и спустился на землю. Гуго разглядел этикетку.

– «Циклон-Б»?

Он словно со стороны услышал, как дрогнул его собственный голос, зазвенев в ушах. Молль разразился довольным хрюкающим смехом. У Гуго зачесались кулаки. Вот бы прижать эту свинью к стене и отходить тростью, сбить с физиономии мерзкую ухмылку. Но тогда

прощай карьера. Не говоря уже о пистолете, который Молль не замедлит пустить в ход.

– Идемте-идемте, герр Фишер, я покажу вам наши рвы.

Обершарфюрер говорил с интонациями экскурсовода, рассказывающего туристу о городских достопримечательностях. Гуго же не мог отвести глаз от этикетки с надписью «Ядовитый газ». Череп на ней садистски скалился. Вот, значит, чем пахли волосы, увиденные Йоилем в «Канаде». Горьким миндалем цианистого водорода. Гуго прошибла дрожь, как бывало в детстве, когда начинался жар. Вспомнился смех в коридоре штаба РСХА, когда кто-то из гестапо рассказывал, как заключенных в Хелмно казнили с помощью выхлопных газов.

– Вы идете или нет? – окликнул его Молль, демонстрируя острые белые зубы.

Гуго побрел за ним, словно сомнамбула. Голова отяжелела, мысли путались. Евреи вошли в здание, после чего туда же высыпали «Циклон-Б». Как наяву, зазвучал голос офицера, болтающего о Хелмно, и возник образ Небе. Начальник уголовной полиции слушает доклад и глубокомысленно кивает, прихлебывая суррогатный кофе и стуча зубами. У Небе имелась странная привычка постукивать зубами, когда ему рассказывали то, что он уже знал, но не желал выдавать свою осведомленность.

Живот скрутило от тягостного предчувствия. Руки задрожали, страшно хотелось морфия. А лучше – прямо сейчас развернуться и уйти, забыть обо всем, позволить наркотическому дурману унести себя далеко-далеко... Вместо этого Гуго шагал вперед. Молль вел его в направлении желтого дыма. Чем ближе, тем гуще он становился. Гуго закашлялся, по щекам неудержимо потекли слезы. Дым ел глаза, и сердце разрывалось от боли.

– Поначалу со всеми так, – успокоил его Молль. – Потом привыкаешь.

«Потом привыкаешь». В лицо пахнуло жаром. По краю березовой роши протянулся огромный ров, в котором горели тела. Языки пламени тянулись к небу, превращаясь на высоте в ту самую желтоватую смрадную тучу, видную еще со станции. Тела потрескивали, будто поленья, и взрывались, точно печеные каштаны.

Зондеркоманда собирала вытопившийся жир, стекавший в специальные боковые отверстия, и выливала его обратно в ров.

Вдоль рва тоже лежали трупы, казавшиеся спящими. Одни члены зондеркоманды обривали им волосы. Другие щипцами выдирали золотые коронки и бросали на расстеленную простыню. Те сверкали в пламени, как запретный и постыдный клад. Чуть поодаль стоял грузовик с десятками новых трупов, ждущих своей очереди. У Гуго не получалось распознать человеческие существа в этой путанице рук, ног и голов.

– Господь всемогущий... – пробормотал он.

– Господь сюда не заглядывает, – наставительно сказал Молль. – Кстати, не стесняйтесь, прихватите горсть земли в качестве сувенира.

– Зачем?

Гуго в изумлении уставился на унтера. Нога вот-вот откажет, и тогда он повалится на землю. Он покрепче перехватил трость, ища опоры, но земля раскисла от растопленного снега. Гуго испугался, что увязнет в этом болоте и останется тут навсегда.

Вытирая слезящиеся глаза, он прикусил язык. Рот тут же наполнился мерзким дымом. Гуго сунул руку в карман за сигаретами. Пальцы наткнулись на холодное стекло пузырька и футляр шприца, потом нашарили пачку. Гуго раскурил сигарету, и во рту сделалось еще гаже. Пришлось ее выкинуть.

Смачный хохот Молля подействовал как удар в спину.

– Я вовсе не над вами смеюсь, герр Фишер, не обижайтесь, пожалуйста. Просто забавно наблюдать за реакцией тех, кто впервые видит это дерьмо, – проговорил Молль и опять зашелся в лающем гоготе. – Ну как? Пришли в себя? Что-нибудь еще желаете посмотреть?

Гуго выплюнул густую слюну со вкусом горелого мяса, сжал челюсти и сконцентрировался на том, ради чего приехал. К черту Аушвиц, к черту Небе, наверняка знавшего, с чем он здесь столкнется, к черту Гитлера! Гуго отогнал мысли о евреях, исчезающих в крематории, о черепах на этикетках «Циклона-Б», о горящих трупах и сосредоточился.

– Скажите-ка, обершарфюрер, вы встречали в «Канаде» кого-нибудь из десятого блока?

Молль задумчиво поднял единственный глаз.

– Встречал. Сестрички частенько приходят сюда. Думаю, ищут в карманах трупов лекарства, чтобы заграбастать их до того, как те попадут на сортировку. Иначе им придется грызться из-за пилюль с врачами из Биркенау, диспансера или каким-нибудь капо.

– Адель Краузе тоже приходила?

– Адель. – Обершарфюрер присвистнул. – Рыженькая такая немочка с зелеными глазами, да? Видел я эту красотку, и не раз.

– Бетси Энгель?

– Бетси разве забудешь...

– А кого-нибудь из санитаров?

– Хоффмана, кажется. Вроде бы так его зовут. Сейчас он кукует в блоке смертников, верно? Потом один доктор к нам ходит. Молодой, на актера похож. Ассистент Брауна, если не ошибаюсь.

– Осмунд Беккер?

– Точно, Беккер. Я запомнил его потому, что у них с Менгеле щель между зубами. – Молль постучал ногтем по передним резцам. – Говорят, бабы с ума по таким рожам сходят, не знали?

– Короче, приходили все, – подвел итог Гуго.

Унтер улыбнулся, но улыбка почти мгновенно превратилась в свирепую маску. Он подскочил к члену зондеркоманды, возившемуся с трупом, за шкурку поднял еврея на ноги и заорал:

– Что ты сейчас сунул в рот? Глаз, может, у меня и один, зато все видит! А таких говнюков, как ты, я нюхом чую!

Человек свесил набок голову, точно испуганный цыпленок, и вытаращился на Молля. Лицо у него было худое, кожа обветрилась от мороза и жара костров.

– Открывай пасть!

Еврей медленно раздвинул губы. Молль сунул ему пальцы в рот и надавил. Человека затошнило, и унтер вытащил ярко сверкнувший бриллиант.

– Так и норовят обжулить, паскуды. – Обершарфюрер с презрением повертел камень в пальцах. – Тащат все, что плохо лежит, никакого уважения к мертвецам.

– Умоляю вас, господин! – Дрожащий от ужаса заключенный осел у ног Молля. – Виноват, бес попутал!

– Бе-ес попутал, – передразнил Молль и вдруг расхохотался, кладя ладонь на рукоять пистолета. – Как-то раз, – он повернулся к Гуго, –

одна жидовка спрятала в своей грязной щели четыре изумительных бриллианта. Я и спрашиваю у нее: «Зачем они тебе на пороге смерти?»

Заключенный трясся как осиновый лист. У Гуго перехватило дыхание. Молль убрал руку с пистолета и щелкнул пальцами, подзывая других членов зондеркоманды.

– Бросить его в ров.

Те не шевелились, непонимающе глядя на унтера.

– Бросайте, – повысил голос Молль. – Иначе я выберу пятерых из вас, отрежу им члены, забью в глотки, а потом повешу, как собак! Все ясно?!

Зондеркоманда двинулась к своему товарищу. Заключенный заорал и начал отбиваться, молотя руками по воздуху, словно одержимый. В какой-то момент он ящерицей вывернулся из хватки, пнул кого-то, но был вновь пойман. Все разом накинулись на него и потащили к стене пламени.

Гуго увидел, как приговоренный полетел в огненный ад, будто птица с перебитым крылом, и упал на горящие трупы. Одежда тут же вспыхнула. Человек визжал, корчась в огне. Кто-то из зондеркоманды закрыл рот рукой, но Молль так поглядел, что тот поспешил вернуться к работе: рвать золотые коронки у трупов.

– Прошу прощения, герр Фишер. – Молль кротко улыбнулся Гуго. – Временами иного способа проучить воришек нет.

Гуго забрался в закуток из груды чемоданов и одеял позади «канадского» барака. Лихорадочно собрал шприц, едва не уронив его в грязный снег. Руки дрожали, на лбу выступил пот. Набрав морфина, он воткнул иглу в сгиб локтя, даже не потрудившись перетянуть руку и найти вену, нажал на поршень и стал ждать, когда сведенные мускулы расслабятся в мощном приливе Ваттового моря.

Он в изнеможении привалился к деревянной стене, склонил голову на плечо и устался в темное от дыма небо. Слышал, как трещал огонь. Как лопались тела. Как кричал сгорающий заживо человек, как сдавленно плакал его товарищ. Как хохотал Отто Молль.

Когда-то шум волн Ваттового моря наполнил маленького Гуго радостью. Ему казалось, он вновь слышит их размеренный, ленивый гул. И еще тихий шорох ссыпающегося в люк «Циклона-Б». *Шшиш...* Так песок утекает сквозь пальцы. Охранник высыпал его после того, как в крематорий вошли евреи. Гуго чудились крики запертых в тесноте людей. Их просто обрабатывают от вшей. Обрабатывают от вшей, и ничего более, твердил он себе.

По телу пробежала судорога. Гуго подумал о Йоиле. Об уколе фенола, который сделает мальчику Менгеле сразу после того, как умрет брат-близнец, и о звуке, с которым разорвется его сердце. *Ту-тум.* Глухой удар.

В голове Гуго *шшиш* и *ту-тум* сплелись в жуткую, удушливую мелодию.

Взгляд упал на потертый чемодан, торчавший из кучи вещей. На нем краской были выведены имя и адрес. Рядом на земле валялись разбитые очки, бритва. Внезапно до Гуго дошло, с чего все началось. Со ставших привычными мелочей. С мелких обыденностей. С непонимания опасности.

Это началось, когда газеты написали о беспорядках на Курфюрстендамм, где толпа штурмовиков нападала на любого, кто, по их мнению, походил на еврея, и била витрины магазинов. Никто не придавал этому значения, никто не возмущался во всеуслышание.

Единичное, почти незаметное, недооцененное происшествие, ставшее ростком будущего безумия.

Два года спустя обострился экономический кризис. Количество безработных и бездомных резко выросло. Один за другим банкротились и закрывались магазины друзей и родственников Гуго, но с каждого рекламного щита уверенно смотрело лицо Адольфа Гитлера, обещавшее возрождение Германии. На митингах в честь выборов 1933 года весь Берлин пестрел красными флагами со свастикой, а ночью огненная змея из тысяч людей с факелами проползла по Унтер-ден-Линден и под Бранденбургскими воротами. На следующий день «Берлинер фолькс цайтунг» сообщила о создании нового правительства. Гуго в халате и пижаме читал статью за утренним кофе и живописал отцу, как закончатся тяжелые времена и Германия выйдет из депрессии. Он до сих пор помнил собственное воодушевление, которое отец, ярый противник Гитлера, несколько охладил. К тому времени Гуго, подобно прочим, уже забыл о погроме на Курфюрстендамм.

Вот тогда все и началось. Теперь Гуго отчетливо это понимал. В тот сентябрьский день, когда «коричневые» сделали маленький шаг и никто не воспротивился.

Не прошло и месяца, как «Берлинер фолькс цайтунг» оповестила о приостановке действия некоторых прав ради защиты государства и нации. Началась охота на коммунистов, и опять никто не удивился. Некоторые брезгливо поморщились, когда жгли книги на Опернплац, а требование бойкотировать еврейские магазины нашли глупым, однако особенно беспокоиться было не о чем, правда? Одно за другим закрывались увеселительные заведения, нарушавшие правила общественного приличия. Первыми пострадали те, где собирались гомосексуалы. Затем настала очередь клубов, где танцевали свинг и где нередко бывал Гуго. Тем не менее даже этот эпизод, затронувший его лично, не навел его на мысль об опасности. Гитлер хотел вырастить сильную, бестрепетную, стойкую молодежь, способную перевернуть мир. Наверное, он был прав, и именно в таких людях нуждалась Германия, а не в хлюпиках, извивавшихся в «дегенеративных» танцах. Заболев, Гуго испытал жгучий стыд оттого, что сам не может стать частью нового поколения свирепых хищников.

Следующий шаг партии оказался еще решительнее. Настолько, что непреодолимое расстояние от нормальности до безумия было пройдено незаметно. Механизм хорошо смазывался идеями арийской расы, впрыскиваемыми пропагандой в малых дозах. Никого не удивляли наспех принимаемые Нюрнбергские законы или погромы, о которых объявляли плакаты на театральных тумбах. Не возмущало переселение цыган в концлагерь Марцан под предлогом очистки города перед олимпийскими играми, или желтые звезды на одежде евреев, или появление гетто. Шаг был уже сделан. Красные флаги оказались слишком привлекательными, чтобы люди могли остановиться, а страх слишком сильным, чтобы протестовать.

Теперь, глядя на «канадские» горы, сложенные из предметов быта, Гуго ясно понимал, как постепенно, исподволь строилась адская машина, шестеренка за шестеренкой, и вот уже ни одну из них нельзя извлечь. Все это пронеслось перед его внутренним взором так отчетливо, что он изумился, как можно было раньше не замечать.

– Что же мы натворили... – прошептал он, сумев наконец глубоко вдохнуть.

Мысли начали затуманиваться, морфин окутывал усыпляющим теплом, даже воздух не так удушал. Склонившееся над ним лицо Адель Краузе Гуго заметил слишком поздно.

– Герр Фишер...

Медсестра смотрела на него сквозь рыжие пряди. Из-под пальто виднелся подол форменной юбки. В руках корзинка с лекарствами, шприцами и стетоскопами. Словно во сне, Гуго видел прикрытый белым платком фотоаппарат «Лейка» и стоматологические щипцы. Зеленые глаза Адель смотрели ему в лицо. Березовая листва весной точно такого же цвета, подумал он.

– Фройляйн Краузе, – смущенно выдавил он.

Торопливо одернул рукав, попытался подняться. Безуспешно.

– Очень больно, да? – Адель подняла с земли шприц и отдала ему. – В Ирзее я видела много детей, переболевших полиомиелитом.

– А я еще собирался стать героем войны, – грустно пошутил Гуго.

– Пережить страшную болезнь – тоже героический поступок, – улыбнулась сестра. – Не волнуйтесь, я никому не скажу.

Ее щеки разругались от мороза, пухлые губы потрескались.

– Спасибо, – пробормотал Гуго, еще не совсем придя в себя.

– Встать сможете?

– Конечно, – бодро соврал он.

– Хорошо, а то мне надо бежать. После смерти доктора Брауна меня перевели к Менгеле. Не хотелось бы опоздать в первый рабочий день.

– Бегите-бегите, я справлюсь.

Адель удалялась, то и дело с улыбкой оглядываясь на Гуго. Казалось, ее свежесть разгоняет окружающую серость.

– До свидания, герр Фишер! – донесся ее голос издалека.

В какой-то момент она оступилась и рассыпала часть содержимого корзины. Гуго дернулся было броситься ей на помощь, но не сумел даже пошевелиться. Он почувствовал себя ни на что не годным. Давным-давно, в другой жизни, он вот так же хотел помочь девушке и не смог. Сегодня все повторилось. Бесполезный, трусливый слабак, потворствующий убийцам. Адель помахала ему рукой, – мол, все в порядке, – собрала рассыпанное и, застенчиво хихикнув, пошла дальше.

– Черт. – Гуго закусил губу и ударил кулаком по корке наста.

Наверное, он выглядел жалким. С силой потер лицо, чтобы быстрее прийти в норму. Отросшая щетина остро царапала пальцы, точно когти маленьких демонов. Интересно, когда война закончится и все это дерьмо останется в прошлом, получится ли у него посмотретья в зеркало?..

Гуго взял горсть снега, сунул в рот. Вроде полегчало. С трудом поднявшись, он отряхнул промокшее пальто и заковылял по следам Адель, привлекая ногу. Теперь он сожалел, что попросил шофера ждать у ворот. При одной мысли о том, что придется тащиться через весь лагерь мимо бараков, делалось дурно. Не хочет он больше тут ничего видеть. Горячий душ, сытный ужин – и в койку. А утром, проснувшись, с облегчением понять, что просто видел дурной сон.

Гуго прибавил ходу. Через несколько шагов он оказался на том месте, где споткнулась Адель. В сером от пепла снегу что-то блеснуло. Он поворошил снег тростью и увидел щипцы. Такие же, какими вырывали зубы заключенным. Какие лежали в корзинке у Адель. Он нагнулся, поднял их, повертел в руке. И тут заметил, что в щипцах зажата крохотная, не больше ногтя в длину, бумажная трубочка.

Аккуратно развернув ее на ладони, Гуго поймал бледный солнечный луч и прочитал едва различимую надпись: «Унион 18».

И что это означает? Щипцы, разумеется, не ответили. Положив записку во внутренний карман пальто, Гуго зашвырнул их в кусты, торчавшие из сугроба.

– К черту!

Как же ему надоели эти шифровки!

Йоиль перегнулся через бортик бассейна. Воду покрывал тонкий слой льда. Когда мальчик бросал в бассейн камешек или тыкал прутиком, лед трескался.

Месяц назад, только приехав в лагерь, он видел, как заключенные плавали в бассейне, хотя в Польше уже было ужасно холодно. Эсэсовцы развлекались, бросая что-нибудь на дно, а заключенные ныряли и доставали. В соревнованиях всегда побеждал Ян, польский спортсмен.

Теперь здесь было пусто. Иней на бортике поблескивал в лучах умирающего солнца. Впереди из сумрака выступал призрачный забор, загорались один за другим фонари и белоснежные березы гнулись от ветра. Позади мерно дышали теплом бараки, строгие и аккуратные, как лица немцев.

И тут Йоиль понял, что за спиной есть кто-то еще. Снег захрустел под чьими-то неровными шагами: шаг тяжелый, шаг легкий, тяжелый, легкий. Обернувшись, он увидел Гуго Фишера с его странной походкой и палкой, которой он стучал по мерзлой земле, словно ощупывая путь. Интересно, что с ним? Ранили на фронте или таким уродился? Однажды в болонском гетто на свет появился ребенок, у которого не выросли ни ручки, ни ножки.

– Мне сказали, ты где-то здесь, – еще издали произнес Фишер.

Лицо у него было очень бледным, под глазами тени, зрачки – две булабочные головки в свинцовых лужах, блеклых, точно лунный свет, проглядывающий из-за туч. Подойдя ближе, он уставился на бассейн, потирая подбородок, заодно ослабил узел галстука под воротником пальто. Йоиль поморщил нос.

– В чем дело? – нахмурился немец.

– Ни в чем, – ответил Йоиль. – Просто от вас плохо пахнет.

– Чем?

– Горелым.

Фишер подтянул к носу воротник пальто, с отвращением принюхался и пробормотал:

– М-да, придется наведаться в прачечную. Есть здесь прачечная?

- Еще бы!
- Покажешь дорогу?
- Покажу.

Йоиль пошел медленно, приноравливаясь к хромящему немцу и исподтишка его разглядывая. Высокая фигура резко выделялась на фоне заката. Фишер смотрел только вперед. Похоже, был чем-то огорчен. Йоиль взял его за руку, чтобы немного подбодрить. Получилось замечательно, как будто они с отцом гуляют по Пьяцца Маджоре. От неожиданности Фишер сбился с шага, но руки не отнял.

– Нашли моих родителей?

– Пока нет. Попросил одного из офицеров их поискать. Обещаю, я сделаю все, чтобы их найти.

На сердце у Йоиля потеплело. Хотелось чем-то отблагодарить Гуго, но в карманах, как назло, было шаром покати, даже кусочка рафинада не заваялось. Он подумал о Бетании и сразу почувствовал себя ябедой. Все равно этот немец ему нравился, с ним было хорошо. Йоиль просто обязан помочь ему выиграть сражение, от которого у него под глазами круги, а зрачки и вовсе исчезли.

– Вы кое-чего не знаете. – Йоиль не сводил глаз с заиндеветшего гравия под ногами, чтобы было не так стыдно. – Я вам тогда сказал, что видел в коридоре людей, занимающихся взрослыми штуками. И что я не видел их лиц. Это неправда. Кое-кого я видел. Бетанию...

Гуго застыл как вкопанный. Судя по всему, сведения оказались действительно важными.

– Она была с доктором Брауном?

– Не знаю, – пожал плечами Йоиль. – Его лица я не разглядел, в коридоре была темень. На ее лицо сквозь жалюзи падал свет из кабинета, а на его нет. Они разговаривали.

– И что они говорили?

Йоиль задумался, вспоминая.

– Бетания сказала: «Я тебя люблю, но если кто-то о нас узнает, нам конец». Он молчал, поэтому его голоса я не слышал. Зато он кашлял и дышал так странно, что я даже испугался.

Гуго наклонился к нему, и их лица оказались совсем близко. Он улыбался, показывая крепкие белые зубы, и у Йоиля исчезли последние крупницы вины за то, что предал Бетанию нацисту. Ведь

Гуго был не просто нацист. Он был другим, лучше: Йоиль мог в этом поклясться.

– Спасибо, что честно все рассказал. Бетания впуталась в скверную историю. Когда взрослые говорят подобные вещи, они обычно шутят. Дело в том, что ей нельзя было заводить отношения с этим человеком.

– Арийцы не могут любить евреев, правда?

– Правда.

– А почему?

Гуго вздохнул, выпрямился и посмотрел на алый луч, пробившийся сквозь тучи. Снег на крышах стал огненным.

– Долго объяснять.

– Это из-за расы, да? – Йоиль поддел носком ботинка камешек, и тот улетел в их удвоенную синюшную тень, растянувшуюся на дороге. – Бетси Энгель говорит, что истинные арийцы не должны смешиваться с евреями, потому что евреи – раса ублюдков. Герр Фишер, а какой он, истинный ариец?

– Светловолосый, как Гитлер, стройный, как Геринг, высокий, как Геббельс.

Йоиль поднял недоуменный взгляд на Гуго. Он знал только Гитлера и точно помнил, что волосы у того темные.

– Извини, старая шутка, – пробормотал Гуго.

Йоиль задумался о докторе Брауне. Папа читал ему про одного английского детектива в шляпе и с трубкой. Йоиль сунул в рот палочку, которой недавно пробовал пробить лед, и принялся посасывать, представляя, что это трубка.

– Итак, Бетания по ночам встречалась с истинным арийцем, – изрек он, изображая настоящего сыщика.

– Именно так, – подыграл ему Гуго. – Между прочим, вчера кто-то упоминал о приятном запахе, исходящем от тела. Нельзя ли уточнить?

– Запах одеколона. Хорошего.

– Браун не пользовался одеколонами, от них у него начиналась крапивница. Позже я поинтересуюсь у фрау Браун, но пока предположим, что это так. Тогда какие мы можем сделать выводы, коллега?

Йоиль вытащил палочку изо рта и выдохнул воображаемый дым. Облачка пара от его дыхания тоже участвовали в игре.

– Это значит, либо его надушили насильно, либо доктор обнимался с кем-то, кто сам сильно надушился.

– Прекрасно! – Гуго взъерошил ему волосы.

Рука у него была такой же большой и шершавой, как у отца. У Йоиля защипало глаза и нос. Он едва не разревелся. У немца, кстати, глаза тоже были на мокром месте. Он грустно смотрел на Йоиля, а за улыбкой пряталась какая-то горечь.

– И потом, герр Фишер, – добавил Йоиль, стараясь отвлечь немца от дурных мыслей, – Бетания заболела. Не знаю чем, но у нее течет кровь. Помните капли крови на полу в кабинете доктора Брауна? Их могла оставить Бетания.

Гуго долго смотрел на него, затем произнес:

– На кону человеческие жизни. Я крови в кабинете не видел. Почему я должен тебе верить?

– Я не вру! – От возмущения Йоиль топнул ногой и сжал кулаки. – Там была кровь! Просто ее смыли.

– Попробуй меня понять...

– Это потому, что я еврей, да?

Гуго уставился на него с открытым ртом. Вылупился, будто Йоиль ни с того ни с сего отвесил ему пощечину. И замотал головой:

– Это потому, что ты ребенок.

Йоиль фыркнул. Он был уверен в том, что видел. Гуго пошел вперед, крепко опираясь на трость.

– Я учту, что на полу могли быть капли крови, – заверил он Йоиля после долгого молчания. – А теперь расскажи мне о других медсестрах Брауна. Дружат они между собой или ссорятся? Как ладили с доктором?

– Бетси Энгель настоящая ведьма, – буркнул Йоиль. – Ненавидит евреев. Убила бы меня, если бы могла. Адель хорошая. Бетси обзывает ее жидовской заступницей, грозит, что теперь, после смерти Брауна, той не поздоровится, если продолжит с нами миндальничать.

– То есть они не ладят?

– Ненавидят друг друга. Бетси завидует. Адель давно работала с Брауном, и он никогда на нее не кричал. Адель терпеть не может Бетси, потому что Бетси по ночам встречалась с Брауном.

– Доктор занимался взрослыми штукаами и с Бетси?

– Так болтают.

– Полагаю, фрау Браун была крайне недовольна...

– Взрослые не любят делиться?

– Не всегда. Расскажи что-нибудь еще. Как я погляжу, ты прямо кладезь знаний.

– Адель тоже спрашивала, не заметил ли я чего-нибудь необычного в кабинете Брауна, но я ничего не видел, кроме трупа доктора. – Йоиль потупился, пряча ложь.

Он, конечно, очень хотел помочь этому немцу, однако не мог позволить себе расстаться с сокровищем. Золотая штукавина наверняка стоит кучу денег, которые пригодятся им после окончания войны.

– А ты не понял, что именно интересовало Адель?

– Не-а. – Йоиль пожал плечами. – Может, любопытство заело...

Некоторое время они шли в молчании. Быстро темнело. Йоиль продолжал понарошку курить трубку, выдыхая клубочки пара. Здорово, наверное, быть настоящим детективом.

– Герр Фишер, – вдруг спросил он, – а почему вы решили стать следователем?

– Хороший вопрос. – Немец потер нос, покрасневший от мороза. – Однажды я был в клубе, где играли свинг. Знаешь, что такое свинг?

Йоиль покачал головой.

– Это такая музыка. От нее ноги сами пускаются в пляс. Я любил танцевать свинг, пока не заболел. Клуб был отличный, напитков море разлитое и та-акие девчонки...

– Фу-у! Девчонки все противные.

– Через несколько лет ты изменишь мнение. – Гуго хохотнул, но тут же помрачнел и умолк, глядя на Йоиля едва ли не с ужасом. – Как-то вечером в клуб ввалился гитлерюгенд. Свинг – это же американская музыка, слушать ее не рекомендовалось. – Голос у Гуго сделался хриплым. – Мои друзья успели убежать, я нет. Ни разу в жизни меня не били так, как тогда. Били всем, что под руку подвернулось. Рядом со мной на полу оказалась девушка. Страшно перепуганная оттого, что один из парней наставил на нее пистолет. Она умоляла меня ей помочь, но я не мог даже пошевелиться.

Гуго остановился и «выстрелил» из воображаемого пистолета в землю. Йоиль пригнулся, словно рядом на самом деле прогремел выстрел, вспугнувший ворон с берез.

– В общем, он ее застрелил, – пробормотал Гуго. – От грохота у меня зазвенело в ушах, и я потерял сознание. Очнулся в больнице. А через несколько дней прочитал в газете, что девушку затоптала разбушевавшаяся толпа свингюгенда. Вот, мол, чем занимаются дегенераты, собирающиеся по вечерам в своих клубах. Я подумал, что хороший следователь должен осмотреть место происшествия, допросить меня как единственного свидетеля, изучить траектории брызг крови и найти гильзу. Однако истина никого не интересовала.

– И вы рассказали полицейским, что случилось на самом деле?

– Нет. Мне пришлось соврать. И подтвердить версию о толпе.

Йоиль во все глаза смотрел на Гуго. Земля ушла у него из-под ног. Нацист, казавшийся лучше других, был таким же, как все. От злости перехватило дыхание, живот скрутило. Выходит, он напрасно предал Бетанию.

– Но почему?! – закричал Йоиль. – Почему?

– Вырастешь – поймешь.

– Но вы же соврали!

– Поэтому я и решил стать следователем-криминологом. Чтобы отдать долг той девушке.

Йоиль сжал кулаки, в упор глядя на Гуго. Какой же он дурак, что доверился этому человеку. Ведь знал же, знал, что такое эти немцы, видел их каждый божий день в этом жутком месте, куда его привезли. Все как один – жестокие лгуны, ненавидящие евреев.

– Подожди меня здесь, – велел Фишер.

Йоиль не заметил, как они добрались до офицерских казарм. Фишер вошел внутрь, а Йоиль остался болтаться на морозе, от которого его голые коленки делались синими. Прыгнул в сугроб и упал. Снег забился под рубашку, щекоча бока, но смеяться не получалось. Из головы не выходило то, что натворил этот Фишер. Перетрусил, скрыл правду о смерти девушки и сам стал сообщником, лишь бы спастись. Ну и как такому верить?

Когда Фишер вернулся, Йоиль вытаращился на его одежду. Теперь на немце был черный кожаный плащ, точь-в-точь как у здешних у эсэсовцев. На руке красная повязка со свастикой, на голове фуражка. Прежнюю одежду он нес под мышкой.

– Ну, где тут у вас прачечная?

Йоиль махнул рукой в сторону десятого блока.

Шли молча. Сейчас Фишер ничем не отличался от прочих нацистов, пусть под черным плащом была не серая форма с орлом, а пиджак и галстук. Он вызывал тот же страх и такую же злость. Теперь у Йоиля и мысли не возникло подать ему руку.

– Евреи не празднуют Рождество, да? – спросил Фишер на полдороге.

Он прикурил сигарету от стальной зажигалки с орлом, сидящим на свастике.

– Нет, – покачал головой Йойль.

Вспомнились зимние вечера, когда мама растапливала камин, а папа зажигал девять свечей на ханукии, по одной в день.

– У нас есть похожий. Ханука, праздник света.

На последнюю Хануку родители подарили ему четырехгранный волчок-дрейдл и денежки за то, что он учил Тору. Теперь эти воспоминания казались далекими и неуловимыми. Так, немного света в холоде Аушвица.

– На следующий год ты будешь праздновать Хануку со своими родителями, – подбодрил его Фишер.

Йойль понял, что немец сам в это не верит. Глаза у того были блестящими и грустными. Еще одна ложь.

В скорбном молчании они вошли в прачечную и сразу же погрузились в горячий пар дезинфекционных машин. Пахло мылом и щелоком, совсем как дома, когда мама стирала простыни и полотенца. Фишер положил одежду на деревянный стол и спросил у заключенной-полячки, когда можно будет забрать. Йойль принялся разглядывать корыта, натянутые веревки, на которых сушилась выстиранная форма, гладильные катки, похожие на железных чудовищ, и вешалки с уже выстиранными и высушенными кителями. На каждом воротнике – бирка, приколотая булавкой. Он пробежал глазами по знакомым именам.

– Чем ты там занимаешься? – спросил сзади голос Фишера.

– Это форма доктора Брауна.

Йойль показал на серый китель, расшитый всякими жутковатыми эмблемами. Рядом висела форма дяди Менгеле. Эту-то он знал как свои пять пальцев, вплоть до мельчайших деталей вышивки на петлицах.

– Эта – доктора Клауберга, а эта – Фогта.

Гуго осмотрел бирки с именами и датами приема в чистку. Клауберг и Фогт принесли свои два дня назад.

– Ты именно этот запах тогда почуял?

Йоиль понюхал рукав и покачал головой.

– Это же запах щелока. А от Брауна пахло одеколоном, который на кожу капают. Я точно знаю.

Гуго задумчиво уставился на погоны Клауберга.

Они покинули прачечную уже в темноте. В воздухе еще вибрировал звон колокола, между бараками текла оркестровая музыка, сопровождавшая возвращение заключенных с работы. Мелодия словно скользила по снегу, омытому светом фонарей, ласкала деревья, затем, неуловимая и свободная, исчезала вдали.

– Они уже вернулись! – ахнул Йоиль. – Переключка, я должен бежать!

Он со всех ног кинулся по заснеженной аллее к апельплац, заполнявшейся заключенными. Сколько могла продлиться переключка, заранее никто не знал. Если дежурный захочет, то продержит всех на морозе хоть несколько часов. Дядя Менгеле каждый вечер забирал с плаца Йоиля и других близнецов, прежде чем колокол зазвонит во второй раз.

Эта переключка оказалась короткой. Наверное, эсэсовцам самим не терпелось избавиться от докуки и идти праздновать сочельник. Пока их считали, Йоиль глядел на звезды и – он мог поклясться! – увидел одну падучую. Она сверкнула ярко, как огонек свечи на ханукии.

И Йоиль загадал желание.

Вернуться домой.

Гуго ввалился в свою комнатку, таща на плечах накопившуюся за день усталость. Боль отдавалась в пояснице, онемевшая рука вынуждала то и дело ругаться сквозь зубы. Ничего, кроме морфина, не могло дать облегчение. Коньяк Гуго сам отдал унтерам в борделе. Сигарет оставалось всего три штуки. Завтра придется просить кого-нибудь из местных раздобыть пачку.

Сбросив плащ на кровать, Гуго подковылял к столу. Холодный свет прожектора, падавший из окна, словно рубанком срезал шероховатости дерева. На столе лежала прямоугольная коробочка. Раньше ее тут не было. Гуго провел пальцем здоровой руки по серому картону и красным буквам названия. Лекарство упало на него, как дар небес. Эукодал. Открыл. Внутри лежала записка. «Считайте это подарком на Рождество», – прочитал он вслух.

Снаружи вновь запуржило. Снег бился об оконное стекло. Гуго представил нарядный, довоенный Берлин. Украшенные елки, рождественские базары на Шпрее, вездесущий аромат горячего вина с пряностями. Представил себя самого у камина в столовой. Вращается цилиндр музыкальной шкатулки, а на стене висит рождественский венок.

Холод в комнате живо вернул его к реальности. Гуго повертел записку, ощупывая бумагу, понюхал. Достал из ящика найденную в «Канаде», сравнил. Бумага вроде бы одинаковая. Только та отпечатана на машинке, эта написана от руки четким, изящным почерком. Писала, разумеется, Анита.

Он бесконечно долго смотрел на бумажные колбаски с таблетками. Ясно как день, он уже не может без этой гадости. Началось с первитина. Вся Германия тогда сидела на нем. Первитин позволил ему не спать сутками и чувствовать себя вулканом энергии. В результате вышла его монография по криминологии. Таким бодрым он с тех пор никогда не был и не удивился, узнав, что первитин выдают солдатам. Гуго считал, что лишь благодаря этим таблеткам Германия захватила Польшу и Францию: немецкая армия неутомимо и спешно маршировала днями и ночами, чего противник позволить себе не мог.

Потом пришла болезнь, а с ней боль; первитин уже не справлялся. Врачи посоветовали добавить морфин. Разок Гуго попытался бросить. Он очнулся в университетской уборной, стуча зубами от холода, хотя на дворе стоял жаркий август, и понял, что лучше продолжать.

Теперь он тарасился на серую, точно пепел Аушвица, коробочку. Что же, добрая фройляйн Куниг предлагала ему возможность провести сочельник без треволнений и боли. Значит, завтра он будет в силах и с достаточно ясной головой, чтобы отправиться в Солахютте, куда его пригласили на рождественский обед. Солахютте ему расписали как райский уголок на берегу озера в окружении гор. Кстати, там он сможет без проблем допросить всех, кого нужно.

Развернув бумажку, он вынул одну таблетку. Их принимает сам Гитлер, сказала Анита. Как бы эта женщина ни действовала ему на нервы, теперь Гуго испытывал благодарность и чувствовал себя в долгу перед ней. Положил таблетку на язык, проглотил. Царапнув горло, эукодал провалился в желудок.

И словно в лагере один за другим погасли все фонари.

Потом виски ожгло огнем и тело наполнилось неистовством. Сейчас Гуго мог бы отправиться в бордель к Розе и часами заниматься с ней любовью. Нет, Гуго хотел вовсе не Розу. Перед глазами нахально возник образ Адель: мягкие, как пух, медно-рыжие волосы, пронзительные зеленые глаза, задорный смех и лукавый взгляд, так противоречивший окружающему безумию.

Охватившее его возбуждение тут же заглушила тоска, обострившаяся под действием таблетки. Гуго рухнул на койку и уставился в потолок. С облупившейся штукатурки на него посмотрело лицо Йоиля. Сердце дало сбой.

Ту-тум.

На следующий год ты будешь праздновать Хануку со своими родителями. Ложь.

Ту-тум.

Аушвиц, 25 декабря 1943 года

Его разбудил утренний свет, лениво проникавший из окна в комнату. Гуго сел в постели. Он не помнил, как уснул. Давно не проваливался в сон одним махом, не повертевшись какое-то время с боку на бок. Потер спину. Боли не было. Надо же, эукодал помог. Гуго

поднялся, ощущая непривычный прилив сил. Словно и не болел никогда. Умывшись и тщательно побрившись, он покинул комнату.

Снаружи царила праздничная атмосфера, но в душе Гуго простиралась бесплодная пустыня. Гремела музыка, на аппельплац никого не было: даже заключенным позволили отдохнуть. Там, где прежде торчала передвижная виселица, зеленела наряженная елка и пел детский хор. Нежные голоса смягчали даже мороз. Гуго узнал Йоия.

Когда он проходил мимо, сердце защемило. Никак не удавалось забыть слова Гутмана, огненные рвы Биркенау и жестянки из-под «Циклона-Б». Он изо всех сил стиснул набалдашник трости. Наконец показались ворота, черневшие на фоне ясного неба. Фогт назначил ему встречу в гараже, за пределами лагеря. Оберштурмфюрер уже ждал рядом с фургоном.

– Счастливого Рождества, герр Фишер.

– И вам того же. Чудесный денек сегодня. – Гуго указал кончиком трости на бескрайнее, ослепительно-голубое небо, под которым сверкал снег.

– Не торопитесь привыкать. – Фогт постучал рукой по зеленому борту, приглашая Гуго садиться. – Погода в Польше непредсказуема и меняется быстро.

Прямо как моя треклятая болезнь, подумал Гуго.

Он влез внутрь, шофер завел мотор, «лоханка» взревела и тронулась с места. Они ехали по обледенелой дороге, оставив позади мрачные бараки и ворота с назидательной надписью. Злая насмешка – вот что такое эта надпись в действительности. Фогт смотрел только вперед, сжатые челюсти выдавали нервозность. Интересно, есть ли у него семья? Скучает ли он по родным в эти праздничные дни? Сам Гуго постоянно думал об отце, сидящем дома в одиночестве под вой сирен.

– Говорят, вы участвовали в поимке Отто Хампеля и Элизы Лемме? – спросил вдруг Фогт, когда Гуго уже смирился с его молчанием и приготовился всю дорогу пялиться на заснеженные польские поля.

– Участвовал.

Честно говоря, об этом деле он предпочел бы забыть. Ничего, кроме стыда, оно теперь не вызывало.

– Я составил психологический портрет разыскиваемого. Мужчина среднего достатка, страдающий от потери родственника на французском фронте, и так далее...

– Человек разбросал по Берлину двести шестьдесят семь открыток, призывающих к борьбе с фюрером. Это не шутки.

– Двести восемьдесят пять, – машинально поправил Гуго. – Восемнадцать открыток так и не были переданы в полицию^[7].

– Итого восемнадцать бунтовщиков. – Фогт застегнул расстегнувшуюся на плаще пуговицу. – Уже знаете новости с русского фронта?

– Я не слушал сегодня радио. Да и вообще в последние дни.

– Красная армия внезапно перешла в наступление. – Фогт зло скривился. – Рождественский подарок от Сталина. Тринадцатый и четырнадцатый корпуса разгромлены. Подумать только, а ведь все начиналось здесь...

Оберштурмфюрер постучал пальцем по заиндевевшему стеклу, прижал к нему ладонь. Получился своеобразный иллюминатор, за которым мелькал выбеленный снегом лес.

– Молниеносная война, яростная и победоносная. М-да. Вместо этого мы оказались втянуты в войну на истощение.

– Жаль солдат на фронте, – вздохнул Гуго.

Фогт повернулся к нему и произнес с горькой улыбкой, отнюдь не разрядившей атмосферу:

– Ладно, не будем о войне. Расскажите лучше, как продвигается расследование.

– Положа руку на сердце, медленно. – Гуго глянул сквозь ветровое стекло; на горизонте собирались тучи. – Сегодня я рассчитываю побеседовать со всеми близкими коллегами доктора. Люди не любят, когда их допрашивают, знаете ли.

– Знаю.

– Так что праздник мне в помощь. Напряжение спадет, народу захочется поболтать. Глядишь, и забудут, что перед ними следователь. Не хватает только Хоффмана, но я надеюсь поговорить с ним на днях. Если, конечно, его не забьют до полусмерти.

– Мне обещали, что заключенного больше пальцем не тронут. Я послал к нему медсестру. Этот его бронхит, чего доброго, может перерасти во что-нибудь посерьезнее.

- У него бронхит?
- Уже две недели. Но наш Берт трудяга и запустил болезнь.
- Думаю, сейчас бронхит – наименьшая из его проблем.
- Это точно.

Гуго задумался о записке Брауна. Доктор никак не мог написать ее после того, как проглотил цианид, – яд действует слишком быстро. Значит, он каким-то образом догадался, что его хотят убить, и написал записку, проявив чудеса хитроумия на пороге смерти. Убийца вырвал верхний листок из блокнота, но не подумал о нижнем. Вероятно, слишком нервничал. Впрочем, записка выглядела вполне невинно и не могла вызвать особых опасений.

Стекло от их дыхания запотело. Гуго захотелось написать на нем: «Куколка АБО». В голове всплывали имена: Адель, Анита, Бетси, Бетания, Брунгильда, Осмунд. Они крутились на языке целыми днями; любой из инициалов мог что-нибудь значить, но озарение не приходило.

– Вы сегодня что-то задумчивы. – Резкий голос Фогта прервал течение его мыслей.

– Пытаюсь собрать головоломку. Сосредоточиться вообще трудно, а в таких условиях и подавно.

– Портрет убийцы уже составили?

– Более или менее. Сначала я думал, что это мужчина. Браун был крепким. Чтобы удержать такого и заставить выпить цианид, требуется немалая физическая сила. Но сейчас я не исключаю и женщину. Браун мог принять яд под дулом пистолета, что объяснило бы отсутствие следов борьбы. Однако мне не дает покоя эта шишка на лбу. Сумела бы женщина ударить Брауна прежде, чем тот сам ее ударил?

– Убийц могло быть двое, – заметил Фогт.

– Могло, – согласился Гуго. – В любом случае убийца и жертва хорошо знали друг друга. Брауна не застигли врасплох, какое-то время они с убийцей провели наедине. Убийца прекрасно ориентировался в кабинете, знал о корзинке с яблоками, которые можно использовать для имитации пищевого удушья. Это человек ловкий и предусмотрительный, но совершенные им ошибки указывают на эмоциональное вовлечение. Не исключено, что дело в сентиментальной связи с жертвой. Как видите, портрет пока не полон. Во многом приходится полагаться на свидетельство ребенка. Такого со

мною еще не случилось, и выходит неловко, потому что я вынужден воспринимать его слова с недоверием...

– Опять этот еврейчик? – рявкнул Фогт, багровея от гнева. – Не забываете, на карту поставлена жизнь человека, сидящего в камере смертников!

– Я не забываю, – жестко ответил Гуго. – Однако ребенок много знает.

Автомобиль подпрыгнул на ухабе, и их лица оказались совсем близко друг к другу. Гуго услышал пугающе ровное дыхание Фогта. Наверное, так дышит вышедший из логова волк, собираясь выследить и растерзать добычу.

– От жида вы не получите того, что ищете. Здесь у евреев единственная роль: быть стертыми с лица земли, – прошипел Фогт. – На станции их сортируют. Тех, кто в состоянии работать, – налево. Остальных – направо, затем по грузовикам и в «санаторий». В газовые камеры, герр Фишер. Или вы еще не поняли этого после прогулки по Биркенау?

Гуго закрыл глаза. Колесо вновь наскочило на кочку, разъединив их с Фогтом.

– Их запирают в душевых, – яростно продолжал Фогт. – Им говорят, что они должны вымыться после долгой дороги, чтобы не нервничали. Старики, дети, женщины, калеки. Потом охранник берет жестянку с «Циклоном-Б» и высыпает в люк. Я сам не раз это делал. «Циклон-Б» очень быстро превращается в газ. За один раз удаётся уничтожить тысячу особей. Если кто-то чудом выживает, его приканчивают выстрелом в голову. Оттуда трупы отправляются в печи...

Фогт все говорил и говорил, а Гуго ощущал только тряску «лоханки». Он не мог пошевелиться. Лишь боль в ноге заставила его осознать, что он еще жив, и он впервые обрадовался ей.

В Берлине Аушвиц пользовался дурной славой. Что же, концлагерь есть концлагерь, и в лагерях людям случается умирать. Зазевается начальство, например, и вспыхивает эпидемия тифа. Однако то, о чем рассказывал сейчас Фогт, не имело ничего общего с концлагерем. Это было просто истребление.

Шорох сине-зеленых гранул звучал в ушах Гуго. Он все понял, еще когда Отто Молль повел его смотреть на рвы. Понял, едва завидев

банку с фумигантом в руках унтера. Однако услышать это из уст Фогта было все равно что попасть под ушат холодной воды. Пока есть только подозрения, остается надежда. Есть подозрение, что когда-нибудь его легкие откажут. Подозрение, что болезнь обострится. Подозрение, что в один прекрасный день он не сможет больше ходить. То есть может случиться, а может и не случиться. Точное знание – вот что по-настоящему пугает.

Теперь Гуго точно знал, что такое Аушвиц на самом деле.

– Я рассказал вам это, чтобы вы имели в виду, насколько тут ценят евреев, – добавил Фогт; его слова медленно, словно тупой нож, входили в мозг. – Поберегите свою карьеру и мою заодно. Ни слова никому о том, что ваши выводы основаны на словах еврейского ребенка. Иначе никто вам не поверит, и даже если вы найдете настоящего убийцу, расстреляют Хоффмана. Возьмите другого заключенного, не еврея, – пусть он повторит слова мальчишки. Вот это и будут веские доказательства.

– У вас есть дети? – безотчетно спросил Гуго.

Его вдруг поразила мысль, что человек, видевший ад, может смотреть в глаза своему ребенку. По щеке поползла слеза, он смахнул ее рукой.

– Был. – Фогт понурился. – Самый красивый мальчик на свете, совершенно необыкновенный. Никто даже не представлял, насколько...

– Он умер?

– Воспаление легких, – тихо сказал Фогт, и тень набежала на его лицо.

Теперь автомобиль ехал по узкой горной дороге, петлявшей между березовыми рощами. Деревья стояли стеной. Перед лицом этой белизны не оставалось ничего иного, кроме как замолчать. Двигатель урчал, «лоханка» грохотала, подпрыгивая на выбоинах.

– Вот документы, о которых вы просили, – произнес наконец Фогт, прерывая липкое молчание, и протянул Гуго папку.

– Что-что?

Еще не вполне придя в себя, Гуго перелистал бумаги. После всего услышанного голова отяжелела, а язык не слушался.

– Я ходил в комендатуру, где хранятся документы интернированных. Аронне Эррера еще жив. Сейчас на карантине. В

десятом блоке Биркенау, если быть точным. Но не дай вам бог рассказать об этом ребенку, я даже вообразить не могу всех последствий.

– А мать? – торопливо спросил Гуго с колотящимся сердцем.

Фогт покачал головой, нашел имя женщины и ткнул пальцем в буквы «ОО».

– «Особое обращение», – пояснил он. – Фрау Эррера отправлена в газовую камеру сразу по прибытии в лагерь.

Гуго уставился на буквы, чувствуя, что летит в пропасть. Видимо, Фогт поведал ему все без утайки и для того, чтобы подготовить к этой аббревиатуре. «Особое обращение», значит.

Человек, несколько минут назад представлявшийся ему разъяренным зверем, теперь, казалось, был искренно огорчен, что мать Йоиля забили, точно животное на бойне. Отправлена в газовую камеру после долгого пути без воды и пищи в загаженном вагоне. Гуго представил, как она подбадривает детей, как поет им колыбельные холодными ночами, обещая, что все будет хорошо.

«Возомнили себя богами, ходят на сортировку пьяные...» Так говорил молодой унтер в борделе. Теперь Гуго понимал.

– Не говорите ребенку, – напомнил Фогт.

– Разумеется.

Гуго отвернулся. Впереди показалось шале Солахютте. Деревянное здание на горе над озером, окруженное сказочно заснеженными деревьями. Солнечный свет золотил мостки и террасу, выходящую на сияющее ледяное озеро. Гуго разглядел укутанных в одеяла женщин и детей в шезлонгах. В руках они держали дымящиеся чашки. И улыбались. Гуго пришел в бешенство.

Даже в аду празднуют Рождество.

Мехи аккордеона сжимались и растягивались, наигрывая рождественскую песенку. Слова Гуго давно позабыл. Их ему напомнили дети. Они вскочили с шезлонгов и, рука в руке, окружили игравшего офицера.

– Ах, елочка! Ах, елочка! Ты так себе верна! Зимой и летом зелена, красива и стройна!

Гуго не сумел улыбнуться.

В дальнем конце террасы возвышалась величественная, неправдоподобно зеленая ель. Запах хвои мешался с ароматом имбирно-коричного печенья. Свечи еще не зажигали. Все было очень мило. И никакого пепла.

– А-а, вот и наш знаменитый детектив!

Голос Либехеншеля, показавшегося на террасе, застал Гуго на лестнице. В зубах у пучеглазого коменданта дымилась сигара, напомаженные волосы были зачесаны набок. Рядом стояли Менгеле, Клауберг и незнакомый Гуго мужчина, элегантно одетый, среднего роста, с едва наметившимися залысинами и приятным, моложавым лицом.

Гуго взобрался на террасу и направился к ним, поглядывая, как бы его не сбили с ног дети, бегавшие туда-сюда. На мостках, вдававшихся в озеро, группа эсэсовцев с женщинами из вспомогательных отрядов пели хором; щеки у них разрумянились от мороза и смеха. Гуго на секунду показалось, что и вонь горелого мяса, и рассказ Фогта ему просто приснились.

– Хайль Гитлер! – вяло поприветствовал он коменданта и остальных.

– Хайль! – весело ответил Либехеншель и подал ему бокал. – «Дом Периньон» двадцать первого года, хотя в продажу он поступил только в тридцать шестом. Огромная редкость по нынешним временам.

– Спасибо.

Гуго пригубил шампанское и едва не прослезился, когда пузырьки защипали нёбо. Хотелось выплакаться вволю, как в детстве. Слезы

точно упорно искали любой предлог, чтобы излить боль, скопившуюся в душе.

– Позвольте представить вам Эдуарда Виртса. – Комендант показал на молодого человека. – Он тоже врач из Аушвица.

– Рад знакомству, – сказал Гуго.

– И я, – ответил Виртс. – Герр Либехеншель поет вам такие дифирамбы...

Широколобий, ясноглазый. Прямой нос придавал ему вид человека, заслуживающего доверия. Впрочем, Гуго давно научился не доверять внешности.

– Герр Либехеншель мне льстит, – смущенно отшутился он.

– Есть подвижки в расследовании? – дерзко встрял в разговор Клауберг. – Дифирамбы дифирамбами, но дело-то, похоже, с места не двигается. А ведь считается, что преступления должны раскрываться максимум за три дня, нет?

Гинеколог говорил, не вынимая сигары изо рта, отчего его слова звучали особенно бестактно.

– Расследование идет своим чередом. – Гуго отпил глоток, скрывая раздражение.

Шампанское было идеально охлаждено. Вкус сильный, но неопределенный. Так пытаешься и не можешь различить нотки дорогого одеколona. Например, того, которым пахло от тела Брауна. Гуго вздохнул и оценивающе посмотрел на Клауберга. Если они с покойным приятельствовали, этот наглый типус должен многое знать.

– Каким человеком был Браун? – спросил он.

– Мы с Сигизмундом земляки. – Клауберг выдохнул клуб ароматного дыма, поправил сползшие на кончик носа очки. – Вместе учились. Когда нам было по десять лет, он начал ухлестывать за самой красивой девочкой в нашем городке, а ведь знал, засранец, что она мне нравится. Я его простил, только когда он на ней женился.

Клауберг разразился хриплым хохотом. Либехеншель присоединился к нему.

– Да, но каким он был человеком? – не отставал Гуго. – Про отбитую у лучшего друга девочку я уже уяснил.

Клауберг был коротышкой, и Гуго приходилось опускать голову, разговаривая с ним. Доктор снова хохотнул. Похоже, уже успел как следует набраться. За натянутой улыбкой Менгеле явно скрывалось

неудовольствие от поведения коллеги. Гуго припомнил слова Фогта: Клауберг ладил только с Брауном, остальные врачи его не переваривают, считают спесивцем.

– Сигизмунд был настоящим профессионалом, – раздумчиво произнес Клауберг и отхлебнул из своего бокала. – Иначе он не работал бы здесь. Рейх отправил в концлагеря лучших специалистов для проведения исследований. Здесь есть то, чего не хватает в университетах и обыкновенных лабораториях. Зуб даю, американские лицемеры многое бы отдали, лишь бы попасть сюда. В обычной лаборатории приходится довольствоваться свинками и кроликами, а в Аушвице для опытов вам дают двуногих жидовских крыс, если вы понимаете, о чем я. – Он гнусаво хрюкнул.

Гуго с отвращением огляделся. В пансионате не воняло горелым мясом, не трещал огонь. Не ходили изможденные, кожа да кости, узники, не стояли тачки с трупами. Официанты были крепкими, здоровыми поляками-заключенными. Эсэсовцы пели, один играл на аккордеоне, кое-кто танцевал.

«Двуногие крысы», – повторил Гуго про себя, а вслух сказал, стараясь ненароком не выказать гнева:

– Да, я понял, что Браун, несомненно, был профессионалом, а здесь у него имелись отличные возможности для совершенствования навыков. И вы правы, когда говорите, что больше нигде в мире нет таких мест для исследований. С другой стороны, думаю, я не ошибусь, если предположу, что в некотором смысле Аушвиц – не исключение из правил. По опыту знаю, что среди коллег по цеху часто возникают мелкие разногласия, даже пошлая зависть. Как насчет его ассистентов? Например, молодой такой брюнет...

– Беккер, – подсказал Виртс.

– Осмунд Беккер, – эхом откликнулся Клауберг.

Либехеншель внимательно прислушивался: он следил за разговором. Казалось, он в каждом слове ищет намек и надеется разгадать загадку раньше всех.

– Беккер еще совсем зеленый, – продолжил Клауберг, подавляя отрыжку. – Ему предстоит немалый путь, прежде чем он сможет сравняться с Сигизмундом. Но, надо отдать ему должное, у мальчишки сильный характер и огромное желание учиться.

– На чем он специализируется?

– Тоже генетик. Изучает наследственные болезни. Так сказать, загвоздки в процессе, который должен проходить без сучка без задоринки. Не знаю, понимаете ли вы меня... Только представьте, какое это было бы великое достижение, если бы удалось исключить вероятность передачи дефектного гена. Да взять хоть рассеянный склероз. Многие считают его тоже следствием генетической дегенерации, нет?

– Что, простите?

Сердце Гуго дало сбой, в пояснице кольнуло, словно по спине пробежал электрический разряд.

Рассеянный склероз.

Он же никому не говорил. Гуго вцепился пальцами в набалдашник трости, моля только об одном: чтобы его не выдал нистагм, чтобы мозг не решил именно сейчас сыграть с ним злую шутку, заставив дергаться, как припадочного.

– Вы уверены, что перенесли полиомиелит? – Клауберг с ухмылкой прищурился, и Гуго захотелось врезать ему тростью и заставить замолчать навсегда. – У вас не подпрыгивающая походка, ваша хромота иной природы. Спорим, вы пользуетесь палкой не по необходимости, а лишь потому, что боитесь упасть, если вдруг закружится голова или нога перестанет слушаться? Еще у вас иногда дергается глаз, как я заметил.

Гуго рассмеялся. Перехватил взгляд смеющегося Либехеншеля. Даже Менгеле усмехнулся, кисло покосившись на Клауберга. Судя по всему, гинеколога он глубоко презирал.

– Вы первый врач, поставивший мне этот диагноз, – бессовестно соврал Гуго, чувствуя, как потеют пальцы, сжимающие трость. – Уверяю вас, я переболел полиомиелитом. Может быть, позовем молодого Беккера, пусть он меня осмотрит?

– Да ладно, бросьте, я просто пошутил. – Клауберг премерзко гоготнул, будто ножом по стеклу провел. – Полиомиелит так полиомиелит. Хотя лично я надеюсь, что у больных рассеянным склерозом хватит здравого смысла попросить врача об эвтаназии или по меньшей мере о стерилизации. Помните Ханну из фильма Либенайнера?

– Хатейер великолепна в этой роли!^[8] – воскликнул Виртс. – Талантливая актриса.

– По моему мнению, сцена, в которой героиня умоляет врача убить ее инъекцией морфина, – одна из лучших в немецком кинематографе, – продолжил Клауберг. – Я частенько показывал этот отрывок своим студентам, объясняя необходимость массовой стерилизации носителей генетических отклонений. Никто не должен жить с бременем дегенеративной болезни, и мы, врачи, обязаны предложить им выбор: достойная смерть взамен недостойной жизни. Фильм Либенайнера как раз приковывает внимание к данной проблеме.

– Тем не менее давайте вернемся к Осмунду Беккеру, – проговорил Гуго, еле ворочая пересохшим языком, и слегка ослабил узел галстука, чтобы вдохнуть как можно глубже. Виски горели.

– Давайте вернемся. – Клауберг растянул губы в ухмылке и высокомерно приподнял брови.

Гуго напомнил себе, что перед ним человек, хладнокровно убивший девушку, отказавшуюся лечь с ним в постель. Безжалостный циник, холерик и спесивец, от которого следует держаться подальше.

– Что конкретно вас интересует, герр Фишер?

– Отношения Брауна и Беккера. Не было ли между ними профессионального соперничества?

– У Осмунда две проблемы. – Клауберг разогнул два пальца. – Первая: он больше думает о юбках, чем о работе. Не поймите превратно, Беккер хороший врач и сам стремился попасть в Аушвиц, однако он, похоже, не ожидал, что окажется в таком цветнике.

Клауберг кивнул на группку хихикающих хельферин. Сегодня они буквально сияли. Даже мышастая форма не напоминала об их гнусной работе в концлагере. В самых страшеньких и то проявилось нечто необыкновенно привлекательное.

– Говорите, они с Брауном ссорились из-за женщин?

– Случалось. Например, если оба положили глаз на одну и ту же бабенку. – Клауберг визгливо засмеялся. – Вторая проблема Осмунда – это высокомерие.

– Воистину отвратительная черта, – прокомментировал Менгеле, ядовито глядя на Клауберга.

Последний или не принял замечание на свой счет, или сделал вид, что не понимает.

– Осмунд амбициозен и уверен в себе, – продолжил он. – Прячется под маской простачка, но в глазах горит хорошо знакомый мне огонек.

– Браун был того же мнения?

– Абсолютно. Ему не раз приходилось осаживать этого сверчка, указывая ему на его шесток. Думаю, между ними не одна кошка пробежала. Тут герр Фишер прав. Аушвиц подвержен тем же болячкам, что и обычные лаборатории, где ученые соревнуются, кто первым достигнет результата во славу рейха и фюрера.

– Любой ученик мечтает превзойти учителя, это нормально, – мягко сказал Виртс. – Такова человеческая природа.

– Верно, – кивнул Менгеле.

– А каковы были ваши отношения с Брауном? – спросил Гуго у Клауберга.

– Желаете узнать, простил ли я ему женитьбу на Брунгильде? – Тот почесал лысину. Из-за круглых стекол на Гуго смотрели смеющиеся глаза. – Бога ради, герр Фишер! Ну разумеется, простил! Он был моим лучшим другом. Я мало с кем нахожу общий язык – без обид, Йозеф. С Сигизмундом нас связывали крепкая дружба, искреннее уважение и профессиональное взаимопонимание. Короче, то, чего недостает многим из нас.

– Вы с ним виделись в тот вечер?

– Да, в столовой, после шести. Мы работали до заката. – Клауберг бросил взгляд на карманные часы. – Закончили без двадцати четыре, если быть точным. После чего разошлись и не виделись до самого ужина.

– Браун жил в лагере?

– Нет, – ответил вместо Клауберга Виртс. – В усадьбе, секвестрированной у поляков. Примерно в километре от Аушвица.

– Отличная, кстати, вилла со свежим ремонтом, – сказал Клауберг. – Ухоженный сад, бассейн. Мы там такие вечеринки закатывали... Приятно вспомнить.

Гуго поморщился. Он смотрел на врачей в чистенькой форме, на то, как небрежно они держат бокалы. Неужели эти люди могли беззаботно веселиться, видя дым крематориев, затмевавший небо?

– Полагаете, время до ужина Браун провел дома?

– Чего не знаю, того не знаю.

– Он не был чем-нибудь встревожен?

– Да нет, ничего такого. Блистал остроумием, как всегда, если не более.

Клауберг говорил о Брауне с той меланхолической веселостью, с которой обычно говорят о недавно почивших друзьях. Что же, его привязанность к Брауну выглядела искренней.

– Что значит «если не более»?

– Вроде бы после ужина у него была назначена встреча со старой подружкой. А впрочем, не уверен.

– С кем именно?

Клауберг знаками изобразил, как запирает рот на замок, давая понять, что никогда не запятнает честь друга.

Краем глаза Гуго заметил направляющуюся к ним Адель Краузе. Позади шла Бетси Энгель: ее уже осаждали несколько мужчин с бокалами шампанского и подносами печенья, отобранными у официантов. Такая нигде не останется незамеченной, это точно. Скорее всего, и Браун пользовался ее расположением.

Гуго перехватил взгляд Адель. Бетси могла сто раз быть куколкой, однако Адель казалась пламенем среди снегов. Она помахала ему рукой, он улыбнулся в ответ и вспомнил о стоматологических щипцах со спрятанной в них запиской. С этим нужно разобраться.

– Кто-нибудь может пояснить, что такое Унион? – недолго думая, спросил Гуго и вылил в рот последние капли шампанского, задержав их на языке.

– Унион? – Либехеншель наморщил лоб.

– Я вчера беседовал с охранником, и он упомянул о каком-то Унионе.

– А-а, наверное, имелся в виду «Унион-верке», завод боеприпасов.

– Точно, речь шла о боеприпасах. – Гуго фыркнул. – Я покивал с умным видом, притворяясь, что понимаю, о чем мы толкуем. Не люблю чувствовать себя дураком.

– А кто любит? – Клауберг расхохотался.

– Теперь, с вашего разрешения, пойду перекинусь словечком-другим с медсестрами Брауна.

– Идите-идите, повеселитесь, герр Фишер. – Клауберг хитро подмигнул.

Гуго решительно направился к Адель. Зачем в щипцы сунули записку? И при чем тут завод боеприпасов? Для кого вообще она предназначалась? Гуго вновь встретился глазами с Адель, но какой-то офицерик подхватил ее под локоть и со смехом увлек за собой. Гуго очутился нос к носу с Бетси.

– Вижу, вы разочарованы нашей встречей, – съязвила та, провожая взглядом Адель и ее спутника, спускавшихся по тропинке к ледяному озеру. – Предпочли бы общество другой?

– Вовсе нет. Ваше мне тоже вполне подходит, – с вежливой улыбкой ответил Гуго.

Дети сотрудников Аушвица собрались у елки, чтобы спеть рождественский гимн. Бледными личиками и аккуратной одеждой они напоминали ангелов. Они посещали школу при гарнизоне СС, жили в домах, стоящих в нескольких шагах от крематориев, летом бегали купаться на Солу, а по утрам родители время от времени приводили их на лагерную псарню поиграть с овчарками. Ветер не мог не доносить до них вонь горелого мяса, но, судя по глазам, ни один не понимал, куда именно мама с папой привезли их жить.

Гуго попробовал подпетть. Бетси взяла его под руку, чем привлекла всеобщие взгляды и шепотки. Как назло, слова этого гимна он тоже помнил плохо. Наконец, пение закончилось, и Либехеншель принялся зажигать свечи на елке, подав сигнал к началу праздника. Один за другим вспыхивали огоньки, озаряя восхищенные детские лица. Запахло воском.

– Выпить не хотите? – прощепетала Бетси и потащила Гуго на веранду, где были сервированы закуски.

Гуго споткнулся и схватился за поручень, чтобы не отстать. Бетси взяла два бокала вина и один протянула ему.

– Догадываюсь, что вам не терпится меня допросить, – в лоб сказала она. – Что же, мне тоже хочется с вами побеседовать.

– Вы из тех, кто сразу переходит к делу, – усмехнулся Гуго.

– Долгие прелюдии я предпочитаю оставлять для других случаев.

Взгляд у нее оказался хитрым. Образ наивной куколки был всего лишь ширмой. Йоиль называл ее ведьмой. Чтобы заработать такое прозвище, она должна была отличаться цинизмом, истеричностью и жестокостью.

– Каким был доктор Браун? – спросил Гуго, тоже беря с места в карьер.

– Прекрасным врачом, хорошо образованным.

– Это тут все в один голос говорят.

Гуго отпил вина и отошел в угол, подальше от беготни. В обеденном зале какая-то заключенная играла на рояле. Ее тонкие пальцы порхали над клавишами. Слишком тонкие. Однако это не

мешало ей наполнять комнату музыкой, проникновенной и страстной, словно медленный, но неукротимый прилив.

– Может, потанцуем? – предложила Бетси.

Гуго ошеломленно посмотрел на нее. Когда-то он был занятым танцором. Сейчас при одной мысли о танцах у него портилось настроение.

– Извините, я очень устал. Нога болит.

– Понимаю, – вздохнула медсестра.

Действие эукодала закончилось. Еще не наступил полдень, а Гуго уже чувствовал себя разбитым. Усталость, точно ненасытный червь, рыла в теле норы, и изгнать ее было уже невозможно. Гуго жил в предвкушении того дня, когда болезнь на время ретируется, забрав с собой боль, и уступит место ремиссии. Останется только онемевшая нога, постоянно напоминавшая о том, что недуг никуда не делся, сколько бы ремиссий он ни пережил. Прилив Ваттового моря, места детской радости, однажды вошел в его жизнь и остался навсегда.

– Так мы собираемся поговорить о Брауне? – Бетси потрясла его за плечо.

– Конечно. – Гуго облизал губы. – До какого часа он работал в день смерти?

– До заката. – Бетси устроилась на мягком диванчике, закинула ногу на ногу. – Часов до четырех. Потом пошел в офицерскую столовую, а я ужинала в блоке.

– С Бетанией Ассулин?

– О боже, герр Фишер! – Бетси картинно поднесла руку к губам, покрашенным красной помадой. – За кого вы меня принимаете? Она же еврейка!

– Ох, простите, я пока не запомнил всех по именам, – извинился Гуго – Значит, с Адель Краузе?

– С Адель? Еще чего! Одна я ужинала.

– Осмунда Беккера не было?

– Нет, он редко снисходит до нас.

– А Берта Хоффмана?

– Берт в это время работал на опытной станции в Биркенау.

– Расскажите мне о нем и об Адель.

– Я не в ладу с обоими, если вы это хотите знать, – без обиняков сказала Бетси. – Оба работали на Брауна еще в Ирзее. Когда доктор

перебрался в Аушвиц, он притащил с собой и собственную рабочую группу. Мне нелегко было к ним привыкнуть. В такой тесный кружок вписаться сложно, вечно чувствуешь себя последней спицей в колеснице, и все тебя обходят на поворотах.

Гуго внимательно смотрел на Бетси. Интересно, не по этой ли причине она затеяла интрижку с Брауном? Чтобы войти в круг избранных и занять теплое местечко?

– Осмунд, кстати, тоже такого мнения. Он точно знал, что я чувствовала. Все равно что пытаться влиться в семью, где все друг друга знают как облупленных.

– Вам известно, где в тот вечер ужинал Беккер?

– Нет.

– Кстати, что он собой представляет?

– Толковый парень. Далеко пойдет.

– А Краузе?

– Адель... – Бетси сморщила носик. – Браун чересчур ей потакал.

– Что вы имеете в виду?

– Адель чужая в лагере, как я была чужой в их группе. Она не готова к Аушвицу. Сигизмунд, похоже, наплел ей с три короба. Нячнется с нашими «кроликами». А Сигизмунд закрывал на это глаза и ни разу не подал на нее рапорт. Может, какую вину за собой чувствовал? Я называю ее «жидовской заступницей», она злится. – Бетси хихикнула.

Гуго перевел взгляд на блестящую кромку бокала. В корзинке у Адель лежали стоматологические щипцы с запиской. Такими же щипцами выдирали золотые коронки у трупов, он видел это своими глазами. Кому предназначалась записка? Кому-то из зондеркоманды?

– Она действительно за них заступается?

– Не люблю я на людей наговаривать, – пробормотала Бетси, оглядываясь вокруг. – Но еще вопрос, кто подменял красные треугольники – она или Берт. Не удивлюсь, если Адель сама их подсунула ему под матрас. Вполне в ее духе.

– Серьезное обвинение. У вас есть доказательства?

– Нет, – буркнула Бетси, поджала губы и ринулась в очередную атаку. – Однажды они крупно поругались. Ну, Адель и Браун. Адель вышла из себя, узнав об особом обращении с евреями.

– Полагаю, человека неподготовленного «особое обращение» действительно может шокировать, – хрипло произнес Гуго. – Наверное, Адель смутило происходящее в лагере, и она решила поговорить со своим наставником.

– Истребление евреев – наш исторический долг, – провозгласила Бетси.

В ее глазах вспыхнуло пламя. Гуго множество раз видел такое выражение, и оно его пугало. Речь уже не о слепой поддержке Гитлера. Эти люди видели в нем мессию, спасителя Германии.

– Вам известно, что наш вождь во время Великой войны спасся благодаря гласу с небес?

– Да-да, читал что-то.

– Ангельский голос велел ему покинуть блиндаж, – продолжила Бетси. – Он послушался, а едва вышел – в блиндаж влетела граната. И все погибли, кроме него. После «Пивного путча» он собирался покончить жизнь самоубийством, но жена Зеппа Дитриха помешала ему, применив боевой прием^[9]. Она говорит, ею руководили высшие силы. Фюрер – сверхчеловек, лишь безумец может усомниться в его миссии по освобождению мира от евреев.

– К чему вы клоните?

– Если Адель не понимает важности Аушвица, она сумасшедшая. Сумасшедшие способны на любые поступки, лишь бы оправдать свое безумие.

– Сумасшедшие или влюбленные, – криво усмехнулся Гуго. – Вы с Брауном состояли в интимной близости?

Губы Бетси вытянулись в алую нитку, она закатила глаза, но вспыхнувшие щеки ее выдали.

– Разумеется, нет, – выдавила она голосом, звенящим от ярости. – Как вам такое в голову пришло?

– Я знаю, что доктор питал слабость к женскому полу...

– Ой, только не воображайте, что его женушка святая!

Бетси фыркнула и тут же прикусила язык, заметив, что на веранду вышла фрау Браун. Форма хельферин делала ее угловатой и неприступной. Тяжело ступая, вдова направилась прямо к ним, и Гуго понял, что допрос Бетси придется сворачивать. На порозовевшем от мороза лице Брунгильды вдруг проступила слабая улыбка, изумившая Гуго.

– Хайль Гитлер! – воскликнула она на удивление благодушно. – Счастливого Рождества, герр Фишер.

Гуго смотрел на вдову. Наверное, так изучают врага волки, принюхиваясь и присматриваясь.

– И вам того же, фрау Браун, – с запинкой ответил он.

– Фройляйн Энгель, позвольте один разок похитить у вас мужчину? – В словах Брунгильды отчетливо прозвучали сарказм и отголоски старой обиды. – Я бы хотела переговорить со следователем наедине.

– Давайте пройдемся, – предложила фрау Браун.

Тон ее был безапелляционным: не приглашение, а приказ. Похоже, иначе она разговаривать уже отвыкла, и эта манера приросла к ней, будто новая кожа. Они покинули санаторий и пошли по присыпанной снегом тропинке.

На берегу озера поблескивал иней, под ногами хрупали ломкие пучки бурой травы. Их окружал туман, пахший костром. Запах напоминал скорее мертвечину. Ни следа горной свежести. Они долго шли в молчании. Снег жалобно поскрипывал под сапогами, но туман поглощал все звуки. Березы проступали в этом молочном море, словно часовые.

– Прощу простить мое поведение, – вдруг сказала Брунгильда. – Вчера зачем-то вызверилась на вас без причины. До меня никак не доходило, что вы приехали защитить Сигизмунда, а вовсе не оскорбить память о нем. Наверное, я была не в себе.

Гуго улыбнулся, поудобнее перехватил трость, стараясь не поскользнуться и не съехать на лед озера.

– Ваша реакция совершенно естественна. Я привык.

– Мне просто не хотелось, чтобы его тело уродовали...

– Знаю. Анита Куниг уже сказала, что я был с вами чрезмерно жесток. Она права. Следовало с большим тактом отнестись к вашему горю. Но аутопсия была совершенно необходима, поверьте.

– Анита очень заботливая, – растрогалась фрау Браун.

– Она молодец. Несгибаемая, да?

– Однажды жизнь ее все-таки согнула. После чего Анита и сделалась стальной.

Гуго ободряюще поглядел на нее. Прежде чем встретиться лицом к лицу со своими страхами, фрау Браун нужно было успокоиться, примириться со смертью мужа, влиться в окружающую печальную белизну.

– Анита потеряла сына, герр Фишер.

Женщина вздохнула. Пар сорвался с ее бледных до синевы губ и растворился в тумане, как молитва, обращенная к небу, которое

постепенно затягивало тучами. В Польше погода переменчива, сказал Фогт. Как сама жизнь, подумалось Гуго.

– Как он умер?

– Проблемы со здоровьем. Красивый был мальчик. Глаза – огромные, светлые. Звали Бастианом.

– Вы его знали?

– Нет, Анита показывала мне фотографии. Она постоянно о нем говорит.

Гуго остановился, обвел взглядом озеро. Это место, казалось, повисло в небытии. Ни времени, ни пространства. Ни пепла.

– Это случилось в декабре, четыре года назад. И она до сих пор хранит его образ в сердце. Говорят, боль от потери ребенка никогда не утихает. Меняется, но не проходит. Когда Менгеле показал ей своего очередного близнеца, Аните сделалось дурно. Этот ребенок сильно похож на Бастиана.

– Вы о Йоиле Эррере?

– Я не знаю, как его зовут. Мальчик с двухцветными глазами. Поверьте, их схожесть рвет душу. С того дня Анита сама не своя, точно с призраком повстречалась.

Опять эти призраки.

Впереди, докуда хватало глаз, тянулась ледяная гладь озера. Все эти скелеты в шкафах всегда будоражили Гуго. Вот и Анита теперь представлялась иной. Всюду вода подо льдом.

– Многие люди, столкнувшись с горем, натягивают железный панцирь, – произнес он. – Однако сними его – и откроется то, о чем даже не подозреваешь. Накопившиеся страдания, сокровенные тайны – словом, все, что сделало человека таким, каким он стал, к добру или к худу.

– Верно. И каковы ваши тайны?

Врать не хотелось. Не здесь и не сейчас. Врать вообще было неправильно.

– Болезнь. Я не люблю о ней говорить, – ответил он неожиданно для самого себя. – И один случай, до сих пор не дающий мне покоя. Я мог спасти девушку, но не спас, потому что в глубине души я трус, и это определило мою судьбу. А ваши?

– Отсутствие ребенка, о котором я мечтаю, и муж-бабник.

Голос Брунгильды задрожал. Ее панцирь с грохотом свалился.

Они медленно двинулись дальше. Сообщники, бредущие в туманной дымке, которая грозит в любой миг превратиться в снег.

– У Сигизмунда всегда было много женщин, – сказала фрау Браун. – Он говорил, что Гитлер – сторонник полигамии и что Германии нужны дети.

– В лагере он вам тоже изменял?

– Да. Впрочем, я не держала на него зла. По-своему любила, да и фюрер, конечно, прав. У Сигизмунда была тяжелая, изнуряющая работа, ему требовалось отвлечься. Просто... я не думала, что это пойдет настолько далеко.

– А что произошло?

Она резко повернулась к нему; глаза вновь превратились в ледышки.

– Я не сомневаюсь, что так или иначе вы обо всем узнаете. Наша с Сигизмундом репутация уже достаточно запятнана. Я расскажу вам всю правду, но пообещайте, что воспользуетесь информацией только для поиска убийцы и не станете публично нас позорить.

– Даю слово.

– Сигизмунд переспал с медсестрой-еврейкой, – едва слышно произнесла фрау Браун, и ее щеки зарделись от стыда.

Итак, слухи подтвердились. Браун заводил множество романов на стороне, и жена была в курсе его походов. Однако то, о чем она рассказала сейчас, не просто выходило за рамки приличий, но было преступлением, которое по законам Германии каралось тюрьмой.

– И вы ему все высказали?

– Нет. Я проглотила и эту горькую пилюлю. Очередной нож в спину, который пришлось вытерпеть, чтобы сохранить честь семьи.

– Кто-нибудь еще знал об этой связи?

– Клауберг. Но он верный друг.

– Ваш муж потому и снял обручальное кольцо?

– Он его не снимал, – недоуменно ответила Брунгильда. – По крайней мере, утром оно было на нем.

– В день убийства он возвращался домой перед ужином?

Она пожала плечами и качнула головой. Ей нелегко было признаваться, что муж, давая волю инстинктам, если и возвращался домой, то глубокой ночью. Развернувшись, они двинулись назад к

санаторию. Солнечный круг едва угадывался за темными тучами. Гуго молился, чтобы не началась очередная метель.

– Когда вы узнали о его смерти?

– Утром. Анита пришла и рассказала. Это было ужасно.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– Нет. – Фрау Браун одернула шинель, ее лицо посуровело. – По-моему, никто из его сотрудников на подобное не способен.

Гуго вдохнул ледяной воздух. Очевидно, фрау Браун не отдавала себе отчета в том, что все служащие Аушвица – так или иначе убийцы. В том числе и он, Гуго, с его трусливым молчанием.

– Понимаю, – коротко сказал он. – Последний вопрос, и я оставлю вас в покое. Ваш муж пользовался одеколоном?

– Ну что вы! – Брунгильда грустно рассмеялась. – От него у моего мужа начинались мигрень и высыпания на коже. Сигизмунд не переносил одеколоны.

Гуго с улыбкой кивнул и, опершись всем весом на трость, в очередной раз ностальгически залюбовался горным пейзажем.

Обеденный зал сиял белизной. Свечи рисовали бледные круги на дорогих льняных скатертях, мерцали на прозрачно-тонком фарфоре и серебряных столовых приборах. Звучала веселая фортепианная музыка, ни единой фальшивой ноты. Рождественские украшения, запах хвои и специй.

Каждую перемену блюд вносили официанты в белоснежной форме – они с нагруженными подносами скользили между столами, точно в танце, отрепетированном до автоматизма. В Солахютте все было безупречно.

Гуго сел рядом с Осмундом Беккером. Адель беззаботно смеялась и болтала на другом конце длинного стола. Гуго не мог отвести от нее глаз. Ее свежесть не вязалась с окружающей серостью и постыдными тайнами убийц из Аушвица. Однако вересковая зелень глаз волновалась на незримом ветру, и Гуго неизбежно вспомнил о записке, спрятанной в щипцах.

– Знаете, встреча с Брауном стала для меня огромной удачей.

Голос Беккера вывел его из задумчивости. Молодой человек улыбался, показывая белые зубы с заметной щелью между передними резцами. Он отправил в рот вилку картошки и принялся шумно жевать.

– Видеть его за работой – истинное вдохновение.

– Почему вы решили стать врачом?

Гуго отрезал кусочек утиной грудки, мягкой, точно масло, прожевал, запил глотком красного вина, вытер губы салфеткой. Взгляд помимо его воли вернулся к Адель. Осмунд покрутил в пальцах вилку, облизнул губы.

– У меня была сестра, Шарлотта. Красивая, добрая, умная девушка. Очень любила писать. Словом, пример для подражания...

Он умолк, и Гуго пришлось его подстегнуть:

– Продолжайте, пожалуйста.

– Она вышла замуж за медика из Мюнхена. – Осмунд тоже попробовал утку и зажмурился от удовольствия. – Смазливый брюнетик, всегда гладко выбрит, аккуратно пострижен, – словом, мечта медсестер. Он терпеть не мог берлинцев. Вы же из Берлина, герр

Фишер? Мы, берлинцы, – напор и огонь, жизнь и страсть. Так вот, этот тип старался всячески ограничить мою сестру. Она как раз забеременела и охотно отказалась от светской суеты. Он был счастлив, она вроде бы тоже. Одна беда – на свет появился выродок...

Гуго вопросительно уставился на Беккера.

– Ребенок с синдромом фокомелии^[10], – пояснил Осмунд.

– И что ваша сестра?

– Выбросилась из окна. – Осмунд посмотрел на Гуго в упор; в голубых глазах бушевал снежный буран. – А я поступил на медицинский факультет. Хочу добиться, чтобы ни одна женщина больше не повторила судьбу Шарлотты.

– Примите мои соболезнования.

Осмунд улыбнулся и отправил в рот очередной кусок.

– В общем, у меня имеются свои причины вести исследования в Аушвице. Браун между тем работал лишь над охраной арийской расы. Ради бога, я не утверждаю, что это менее благородная цель. Кстати, в Ирзее у него была какая-то особенная программа.

– Какая же?

– Точно не в курсе, спросите у Адель или Берта.

– Полагаю, все трое прекрасно ладили между собой?

Осмунд положил вилку с ножом на тарелку крест-накрест, утер губы. Взяв из вазы в центре стола яблоко, до блеска протер его салфеткой. В красной кожице отразился свет люстр.

– Не уверен, – задумчиво произнес Беккер и посмотрел на Адель, щебетавшую с другими сестрами. – Вначале приходишь к аналогичному выводу, но я нутром чуял, что это не так. По-моему, эти двое с трудом выносили своего патрона. Вероятно, их не проинструктировали, с чем придется столкнуться в Аушвице. Думаю, вы понимаете, это место не для всех. – Осмунд с хрустом впился зубами в яблоко.

Выходит, эта троица, Браун, Берт и Адель, отнюдь не замкнутый круг единомышленников, как воображала Бетси. Беккер заметил какие-то трения, – может быть, подчиненные досадовали на Брауна за то, что он притащил их сюда, в *anus mundi*. И молодых людей можно понять.

– Где вы были в вечер убийства?

Осмунд откусил еще кусочек яблока и с прищуром взглянул на Гуго:

– В своей комнате.

– Ужинали в столовой?

– Вообще не ужинал. Один день в неделю я пошусь. Держу в кабинете яблоки и питаюсь только ими. – Беккер не отводил глаз, держа в руке надкушенное яблоко. – Как там говорится? По яблоку в день – и доктор не понадобится, да?

Гуго внутренне поморщился от неуместной шутки. Он собирался ответить, но на плечо легла чья-то легкая рука.

– Надеюсь, я не помешала?

За спиной стояла Адель и прихлебывала глювайн^[11], глядя на криминолога сквозь поднимавшийся над чашкой парок.

Из окна веранды виднелось покрытое льдом озеро. Синеватая тень быстро ползла вверх по склону горы.

– Вы что-то говорили и я вас перебила?

– Нет-нет, я уже закончил допрос.

– Так вот чем вы здесь занимаетесь! – засмеялась Адель. – Допрашиваете нас!

– Это моя работа.

Интересно, она заметила, что потеряла щипцы? Если да, то потом могла вернуться, поискать и сообразить, что их поднял Гуго.

– Спасибо большое, – сказал он, внимательно следя за ее реакцией.

– За что именно? – Адель дежурно улыбнулась, и Гуго понял, что она натянута как струна.

– За то, что не разболтали, что Гуго Фишер – морфинист.

Она рассмеялась, даже не потрудившись прикрыть рот ладонью. Ей и не нужно, подумал Гуго, – грех это, прятать такую улыбку.

– Не стоит благодарности, – пробормотала она. – Вы делаете это не из прихоти, а по необходимости.

Пианистка закончила играть, и ее сменил оркестр. Гуго узнал звон металлических тарелок, сначала едва слышный, потом все громче и громче. Темп нарастал, каждый инструмент вступал с азартом и мастерством. Наконец все партии слились в зажигательную мелодию. Не такую волнующую и тягучую, как джаз или свинг, конечно. Джаз и свинг отдавали сигаретным дымом, потом и виски, лениво потягиваемым в липком сумраке. Сейчас звучала арийская музыка.

– Как вам Аушвиц, герр Фишер? – Адель принялась отстукивать ритм ногой.

Гуго облизнул губы, вытащил из пачки две последние сигареты, предложил одну Адель.

– Если скажу, что в восторге, сильно покривлю душой, – прямо ответил он, щелкая зажигалкой.

В голубоватом свете блеснул когтистый орел со свастикой – символ неразрешимого противоречия, раздиравшего на части его

жизнь.

– А вам самой тут нравится?

Адель торопливо оглянулась; пальцы сжимали сигарету, но фильтр едва касался губ.

– Нет, – прошептала она, убедившись, что никто их не слышит. – Ненавижу это место, я и Ирзее ненавидела, хотя всегда работаю на совесть.

– Чем вы занимались в Ирзее?

Адель усмехнулась. Ее глаза напомнили Гуго зеленые листья на ветру. Она глубоко затянулась и не ответила, только рассматривала свое отражение в оконном стекле.

Гуго посмотрел на собственное, и оно ему не понравилось. Сероглазый трус и честолюбец, пожертвовавший душой ради карьеры. Он вечно балансировал на тонкой грани между тем, что можно говорить, и тем, о чем лучше промолчать, между тем, что можно делать, и тем, о чем лучше забыть. Нацепил нацистскую повязку, спрятавшись за ней, точно за щитом. Будь жива мать, назвала бы его слизняком.

– Берт на волосок от смерти из-за какой-то дурацкой шутки, – процедила Адель, выдергивая Гуго из задумчивости.

Гуго тоже затянулся. Свинцовые снеговые тучи не предвещали ничего хорошего. Люди в зале танцевали, смеялись, звучала музыка. Гуго вдруг почувствовал, как дрожит Адель. Этой девушке было что ему рассказать, но сначала надо завоевать ее доверие, убедить, что он ей друг, а не враг.

– Я бы предпочел свинг, – пробормотал Гуго.

– Шутите? – Она изумленно покосилась на него и тут же опять оглянулась, не слышал ли кто.

Теперь упомянуть о любви к свингу или, того хуже, к джазу было все равно что объявить войну всей арийской культуре.

– Ни капельки. – Гуго выдохнул дым, растекшийся по стеклу серебристым облачком. – В юности я пропадал в берлинских клубах. Только никому не говорите, пожалуйста.

– Свинг-хайль! – хихикнула Адель, припомнив лозунг свингующей молодежи, пародию на нацистское приветствие.

И тут же в страхе завертела головой.

– Итак, – Гуго глубоко затаился, дым зашипел горло, – чем занимался в Ирзее доктор Браун?

Адель мгновенно посерьезнела, затушила недокуренную сигарету и скрестила руки на груди, словно защищаясь от того, что вот-вот случится.

– Он работал в программе «Т-четыре». Это программа эвтаназии. – Она едва слышно вздохнула. – Сперва я ничего не поняла. Браун получил официальное письмо из Берлина и впал в эйфорию. Распался – мол, сейчас творится История, и для него огромная честь участвовать в этой государственной программе. Мы должны были создать специальное отделение и составить реестр детей, страдающих от генетических заболеваний, физических или психических отклонений. Сначала меня ничего не насторожило. – Адель перевела дух. – Затем мы получили приказ привезти в больницу всех детей, отобранных врачебной комиссией. Их забирали из семей под предлогом диспансеризации, якобы на неделю-другую. – Ее голос дрогнул. – А потом эвтанировали.

– Теперь понятно. – Гуго раздавил окурок в пепельнице. – Берт Хоффман считал, что смерть Брауна была Божьим воздаянием за страдания тех детей, так? Что их призраки из прошлого до него дотянулись?

– Ну да. Он и предположить не мог, что эта фраза так дорого ему обойдется.

– Полагаете, Берт может быть замешан в убийстве Брауна?

– Нет.

– А в истории с подменой треугольников?

– Не знаю.

Гуго обеими руками оперся на трость и принялся смотреть на горы и озеро. В этих местах лед должен быть толстым. Огромная твердая плита, сияющая белизной в лучах солнца, теперь казалась тускло-свинцовой, чуть ли не металлической. Неизвестно еще, что там покоится на дне. Гуго вспомнил изуродованное лицо Берта, его набрякшие веки. Сыщик даже не смог посмотреть ему в глаза. Какого они цвета? Одно было ясно. Санитару пришлось работать в программе, которую он находил отвратительной и в Ирзее, и здесь. Угрызения совести заставили его пойти на маленький мятеж: подмену треугольников. А что тогда со щипцами Адель? Или она тоже ведет

собственный бой с чудовищной машиной Аушвица? Боль пронзила позвоночник от копчика до шеи.

– Не хотите потанцевать? – спросила Адель.

– Что вы... – Гуго со стыдом опустил глаза на свою трость.

– Пойдемте. – Адель осторожно взяла его под руку. – Я устала говорить о смерти и убийствах. Попробуем немного развеяться. Сегодня же Рождество!

Гуго молча последовал за ней, не в силах сопротивляться. Он растерялся; эта женщина имела над ним странную власть. Они направились к центру зала, где танцевали пары и носились взбудораженные дети. Гуго взмолился, чтобы на него никто не налетел.

– Ощущаете музыку? – задорно воскликнула Адель.

Еще бы не ощущать! Каждой клеточкой своего тела. Прежде Гуго любил танцевать, но трость стала досадной помехой, напоминанием о том, что он в любой момент может упасть на глазах у всех. Выкинуть бы ее ко всем чертям, однако смелости не хватало. Ему вечно не хватало смелости.

Если бы я не был таким трусом, подумал он, я бы крикнул этим людям, что, пока они танцуют и смеются, в нескольких километрах отсюда других людей убивают, как скот на бойне. Что ребенок, ничем не хуже их детей, умрет, едва его брат испустит дух. И что доктора Брауна сграбастали наконец призраки, и ублюдок заслужил такой конец! А он, Гуго, возвращается в Берлин, и плевать ему на все!

Ничего такого он, конечно, не сделал. Промолчать куда проще.

Адель положила руки ему на плечи. Гуго почувствовал бешеный ритм свинга и звон хрустальных бокалов в набитом до отказа клубе. Он вздрогнул, когда в ушах зазвучал нарастающий топот банды гитлерюгенда, вламывающейся внутрь.

Один из них схватил Гуго за шиворот, когда он пытался пробиться сквозь толпу к выходу. «А ты куда?» – заорал парень и повалил его на пол. Прибежали другие. Трое, четверо, пятеро... Сосчитать было невозможно. Гуго старательно избивали. Рядом упала девушка. Он видел расширенные от ужаса глаза, молящие о помощи, о защите. О том, чтобы он сделал хоть что-нибудь.

Гуго почувствовал, что сейчас вновь окажется на полу. Пришлось вцепиться одной рукой в Адель, другой в трость. Ударная установка

грохотала. В голове грянул тот самый, смертельный пистолетный выстрел, глаза Адель залились кровью, как глаза той девушки.

– Извините, – пробормотал он, резко высвободил руку и захромал к гардеробу.

Торопливо разыскав свой плащ, накинул его, сунул руку в карман, нащупывая спасительный пузырек, и вышел наружу.

– Герр Фишер!

Гуго не остановился. Поднялся по склону вдоль оград, вдохнул полной грудью холодный предвечерний воздух, медленно выдохнул, освобождаясь от болезненных воспоминаний, и устыдился. Он возненавидел Аушвиц. Это место едва не погубило его навсегда. Если он не сбежит как можно скорее, оно его засосет, раздавит. И что он доложит Небе? Что его зря сюда послали? Что он оказался не годен для столь деликатного дела? Пятое управление мгновенно решит, что он не такой уж ценный сотрудник и никакой не лучший криминолог, а просто калека, неспособный хорошо исполнять свою работу. От него избавятся, и глазом моргнуть не успеешь. Молниеносно, как с иронией заметил его отец, рассуждая о том, как быстро нацистская Германия избавляется от слабых звеньев.

Гуго остановился на небольшом выступе, нависавшем над своеобразной естественной террасой. Рухнул на землю и привалился спиной к стволу понурой ели. Он предал девушку, убитую на его глазах. Под давлением профессора сказал то, чего от него требовали. «Ты хочешь закончить университет или нет?» Трус, трус до мозга костей.

– Фишер!

Казалось, женский голос доносился откуда-то со дна озера и эхом отдавался в ушах. Гуго вздрогнул, увидев вместо залитых кровью глаз мертвой девушки зеленые глаза Адель. Сейчас они потемнели, как болотная трясина.

– Что с вами? – встревоженно спросила она, вглядываясь ему в лицо. – Нога?

Эта женщина решила выведать все его слабости. Уже второй раз она застаёт его в донельзя неловком положении. Гуго почувствовал тупой гнев. Сжал зубы. Он не хотел рассказывать о болезни. Не хотел, чтобы его жалели, как уроды, как несчастных детишек из программы Брауна по эвтаназии. Адель принялась обшаривать его карманы.

– Что вы делаете? – пробормотал Гуго, и его прошиб пот.

– Не дергайтесь, – ровным голосом сказала она, одним движением открыла пузырек, вытащила из футляра шприц и наполнила. – Иглу каждый раз следует стерилизовать в кипятке. Вы это делаете? – говорила она, проверяя, не остался ли в игле воздух.

– Разумеется, – процедил Гуго сквозь зубы.

– Хорошо.

Адель стащила с него плащ, закатала рукав, профессионально перетянула руку жгутом. Нашла голубой ручеек набухшей вены, уколола. По телу тут же поползла горячая волна, смывшая гнев и дрожь.

Ваттовое море. Прилив. Отец.

Гуго вновь привалился к стволу, глядя на темное, едва различимое среди ветвей небо. Опустив глаза, он увидел на снегу красную повязку со свастикой, сползшую с рукава.

– Вам нечего стыдиться, – спокойно сказала Адель. – Не понимаю, почему мужчины так боятся болеть. Если Бог посылает нам недуги, стыдиться не надо. Напротив, я всегда восхищалась людьми, встречающими превратности судьбы с гордо поднятой головой. Я видела больше жизненной силы в глазах ребяташек, убитых в Ирзее, нежели в детях, веселящихся сегодня в Солахютте.

Гуго вздохнул.

– Не болел я полиомиелитом, – буркнул он.

– А чем?

– У меня дегенеративная болезнь. Рассеянный склероз. Периодически становится лучше, и тогда я полностью в норме, но во время обострений наступает ад.

– И сейчас как раз рецидив? – осторожно уточнила Адель.

– Заметно, да? – Он горько рассмеялся, чувствуя себя тряпкой. – По мнению Клауберга, мне следует предпочесть достойную смерть недостойной жизни.

– Глупости! – фыркнула Адель, глядя его по руке. – Да уж, доктор Браун выбрал неудачный момент для смерти.

– Сам твержу себе это который день. – Гуго расхохотался, на сей раз вполне искренне. – Нашел время, черт бы его побрал!

Адель села рядом, и они вместе рассмеялись. Потом Гуго обнаружил, что его брюки насквозь промокли от снега, а Адель – что

перепачкала юбку, и их вновь разобрал хохот.

Они сидели совсем близко. Гуго ощутил тепло ее тела, слабый запах волос и духов. Она не пользовалась помадой и тушью, но была прекрасна: щеки порозовели от мороза, веселые глаза блестят. Гуго наклонился, чтобы ее поцеловать.

И тут снизу послышался какой-то шум. Смущенная Адель отстранилась, Гуго принялся приводить в порядок одежду.

– Посмотрите туда, – тихонько сказала Адель.

Гуго увидел фрау Браун: та была не одна, с кем-то разговаривала. Он осторожно раздвинул ветви и узнал долговязую фигуру Осмунда Беккера. Слов слышно не было, но их и не требовалось. Хватало и того, что было видно. Брунгильда плакала, а Осмунд нежно поглаживал ее по щеке. Затем притянул к себе и поцеловал.

– Поверить не могу, – прошептала Адель ему на ухо. – Как же я раньше не догадалась...

– А можно было?

– Осмунд зачастую не ужинал в блоке.

– Думаете, отправлялся в особняк Браунов?

– Ну да, – кивнула она, и ее короткие пышные волосы взметнулись, словно пламя костра. – Неделю назад мы с Бетси вошли в кабинет Брауна. Эти двое были там. Одни. Мне показалось, что им неловко. Но из этого же не следует, что Осмунд убийца?

– Нет.

Выдохнув облачко пара, Гуго проследил, как оно поднимается к небу, откуда начали падать первые снежинки. Двое влюбленных внизу застыли в объятиях, полные желаний и страданий.

– Не следует. Но это мотив, причем для обоих. А при расследовании преступления имеют значение две вещи: неоспоримые улики и веский мотив.

Аушвиц, 26 декабря 1943 года

В прозекторской сегодня кипела работа, подумал Гуго. Расчлененные тела уже увезли в крематорий, на кафеле столов лишь розовели лужицы от воды, исчезнувшей в стоке. На хромированных тележках в банках с формалином плавали отобранные органы.

– Гетерохромия, – провозгласил Йозеф Менгеле, кладя руку ему на плечо и показывая на самую маленькую банку.

Из нее на Гуго смотрели глазные яблоки, освещенные яркой хирургической лампой.

– Сегодня мы проанализировали четыре пары мальчиков, – продолжил доктор. – Все с разноцветными радужками.

Гуго стиснул челюсти, перехватив взгляд Гутмана, мывшего инструменты. Подумал о прекрасных глазах Йоиля.

– Я ищу одну медсестру, – сказал он Менгеле. – После смерти Брауна она вроде бы работает у вас.

Менгеле быстро подошел к столу, взял стопку бумаг, нашел какую-то папку, что-то записал и склонился над предметными стеклами.

– Мне прислал их доктор Эпштейн из Биркенау, – проговорил он, игнорируя слова Гуго. – Образцы тканей цыганят, больных номой – это сухая гангрена лица. Они почти все ею больны. Знаете, что это означает? Что расовое вырождение цыган находится на пике. Следствие врожденного сифилиса...

– Герр доктор, – напомнил о себе Гуго.

– Да?

– Я ищу медсестру.

– Кого именно?

– Бетанию Ассулин. Где я могу ее найти?

– В лагерном лазарете, двадцатый блок. Она почувствовала себя нехорошо.

– Я могу с ней встретиться?

– Думаю, да. Она не заразна. – Менгеле сложил стекла в коробку с берлинским адресом. – Наверное, ее надо было положить в КБ, это

лагерный госпиталь, но кое-кто настоял, чтобы она осталась здесь.

– Кто же?

– Оберштурмфюрер Тристан Фогт.

Судя по всему, на лице Гуго отразилось такое изумление, что Менгеле даже головой покачал:

– Честно говоря, я и сам не понимаю, зачем ему это понадобилось. – Доктор развел руками, с глухим шлепком опустил их, затем сунул в карманы халата. – Наверное, еврейка чем-то особенно отличилась на работе. Обычно посредником между нами и еврейским персоналом выступает Виртс, но на сей раз Фогт.

Гуго долго вглядывался в набалдашник трости. Фогт не переставал удивлять. Его кидает от безумной свирепости до поступков, которые могут стоить ему репутации: поиск родителей Йоиля, ходатайство за Бетанию.

– Что же, теперь мне пора заняться вот этим... – Менгеле постучал пальцем по коробке, которую требовалось отправить в Берлин, и вышел.

В прозекторской остались врачи-евреи, заканчивавшие работу, и санитары-поляки. Последние до блеска натерли операционный стол. К запаху формалина добавился запах хлорки.

– Герр Фишер!

К нему подошел Гутман и воровато огляделся. Гуго ограничился коротким кивком.

– Герр Фишер, мне нужно с вами поговорить.

Они вышли во двор. Валил густой снег, заключенные ровняли дорогу катком. Гуго закурил. Сигареты ему раздобыл Либехеншель. Узнав, что сыщик остался без курева, он передал с посыльным пачку и стальной портсигар с инициалами, конфискованный, видимо, у какого-то еврея. Гуго забросил портсигар в ящик стола и больше к нему не прикасался.

– Курите? – спросил он у патологоанатома.

Тот помотал головой, затем передумал, взял сигарету и сунул в рот. Гуго достал зажигалку, дал ему прикурить. Сигарета занялась с легким треском.

– Герр Фишер. – Глаза у Гутмана были красными. – Менгеле собирается убить Йоиля.

Гуго поперхнулся дымом, глядя на собеседника, и не смог выдать ни слова.

– Его брат в агонии. – Голос Гутмана глух в густом, как вата, снегу. – Менгеле не хочет дожидаться естественной смерти. Хочет, чтобы близнецы умерли по одной и той же причине в одно и то же время. Одинаковые условия для идеальной аутопсии, помните?

– Что он намерен сделать?

– Вколоть обоим фенол.

– Когда?

– Не знаю. Сегодня, завтра... Он не сказал. Скоро.

Гуго так глубоко затянулся, что легкие едва не перехватило спазмом. Зачем Гутман все это ему рассказывает? Зачем мучает сейчас, когда Гуго требуется предельная концентрация? Его карьера зависит от дела Брауна. А дело Брауна зависит от его душевного спокойствия. Нельзя вести расследование, если ты в эмоциональном раздразе, – это золотое правило. В его работе нет места сантиментам, иначе собьешься и все развалишь, наделав непоправимых ошибок.

– Мне очень жаль, – ледяным тоном произнес Гуго. – Я ничем не могу помочь Йоиллю.

– Но герр Фишер...

Гуго не дал ему закончить. Швырнув окурок в снег, он со злостью его затоптал и прошипел:

– Я тут никто, пустое место. У меня руки связаны так же, как и у вас. Чего вы от меня ждете? Я не могу прекратить опыты Менгеле. Но если и правда хотите помочь...

Гутман тоскливо сник и кивнул.

– Проводите меня в лагерный госпиталь.

Тело Бетании Ассулин, утонувшее в продавленной койке, казалось уже завернутым в саван. Ее грудь поднималась и опускалась в такт слабому, сбивчивому дыханию, на лице выступили капельки пота. Судя по всему, она была при смерти. Гуго вспомнилась агония матери, покалечившейся на лыжах. Гутман потрогал лоб Бетании и поморщился, словно от ожога.

– У нее жар.

Его очки запотели, волосы были растрепаны, скулы заострились, на щеках нездоровая краснота. Гуго почувствовал жалость к этому невысокому, изящному человеку, пытавшемуся спасти других, даже не думая, что будет с ним самим через месяц-другой.

– Разбудите ее, – попросил он.

Гутман поднес к носу больной ватку с нашатырем. Бетания дернулась, очнулась и мелко застучала зубами. Гуго самого едва не бросило в дрожь. Наверное, она мерзла. Раскаленная печь находилась в другом конце палаты, тепла на всех не хватало.

– Воды, – прошептала Бетания.

Гутман взял с тумбочки стакан с холодным чаем и принялся поить больную под строгим, но сострадательным взглядом медсестры: она наблюдала за происходящим, стоя у окна.

– Вы меня слышите? – спросил Гуго.

Бетания проглотила чай, облизнула сухие губы и кивнула.

– Что с вами? Почему вы в больнице?

– С ней все в порядке, – ответила медсестра. – Небольшая проблема с яичниками.

Женщина была толстой, с арбузными грудями, широкими бедрами и шапкой темных кудрей. Мощные челюсти делали ее похожей на мастифа, готового вцепиться в глотку.

– Какая проблема?

– Инфекция.

Гуго понял, что женщине не давали указания говорить с ним начистоту. Настаивать смысла не было. Бетания устало смотрела на

него. В темных глазах отражался безжалостный свет голой лампочки, свисавшей с потолка.

– Я должен задать вам несколько вопросов о докторе Сигизмунде Брауне.

За окном медленно опускался снег, выстилая лагерь нескончаемым покрывалом, от вида которого было больно глазам. Гуго предпочел бы оставить женщину в покое и в белом безмолвии. Не место и не время для допроса, однако в аду покоя нет никому.

– Я знаю, что вы с доктором находились в интимной связи, – безжалостно продолжил Гуго.

У Бетании нашлись силы, чтобы покраснеть от стыда. Смертельно бледные щеки слегка порозовели.

– Умоляю вас, – прошептала она, – я не хочу об этом.

– Понимаю, но вы должны рассказать мне все, что вам известно, – непреклонно настаивал он.

На стене громко тикали часы, напоминая, что чем больше будет потрачено времени, тем меньше шансов раскрыть дело, а Гуго не мог позволить себе вернуться в Берлин ни с чем.

– Итак, у вас были интимные отношения с Брауном?

– Он меня заставлял. – Стон Бетании перешел в сдавленный плач.

Рот Гутмана превратился в пустой морщинистый кошелек. Патологоанатом ласково взял Бетанию за руку.

– Каким образом?

– Герр Фишер! – Медсестра горой двинулась вперед, накрыв больную зловещей тенью.

– Я должен услышать ответ, – отрезал Гуго. – Потом оставлю ее в покое, обещаю. Так каким образом Браун вас принуждал?

– *Les fantômes*, – прошептала Бетания, уставясь невидящим взором в снежную пелену. – Ночные призраки – это рыдания женщин в отделении Клауберга...

– Продолжайте, – попросил Гуго, хотя от кошмарного предчувствия все волоски на теле встали дыбом, как после удара током.

– Мужчины приходят к ним по ночам. – Бетания говорила нараспев, словно пела колыбельную.

Она разговаривала уже не с Гуго, она разговаривала со снегом. Гутман по-отечески гладил ее руку.

– Приходят по ночам и берут в молчании...

Дальнейших объяснений не требовалось. Среди сотен «кроликов» десятого блока попадались и красивые девушки. Гуго сам видел их мельком в полутьме коридоров или в приоткрытых дверях палат.

– Клауберг – широкая душа, – процедил Гутман с такой яростью, что даже сестра-мастиф отшатнулась. – Так он проверяет действенность своих опытов по стерилизации. Официальная процедура предполагает забор спермы и введение ее в «крольчиху», но он по доброте душевной позволяет капо развлечься старым добрым способом. Потом эти женщины стонут и плачут по ночам: это они, а не мифические призраки.

Кулаки у Гуго сжались. На сердце лег новый, огромный, тяжеленный камень.

– И все же каким образом Браун вас заставлял?

– Говорил, что иначе отправит меня в Биркенау.

Взгляд Бетании уперся в потолок; она попросила еще попить. Ее голова за считанные дни превратилась в череп, едва обтянутый тонкой, пятнистой кожей. Дальнейшее Бетания рассказывала с закрытыми глазами из страха опять увидеть образы прошлого или встретиться с чьим-то осуждающим взглядом.

Как-то вечером Браун попросил Бетанию задержаться в прозекторской. Они остались вдвоем, и она испугалась. Заметив ее страх, Браун рассмеялся и преградил ей дорогу, будто она могла куда-то убежать. Бетания давно замечала его взгляды – смесь желания и отвращения. Как же! Еврейка, низшее существо, ошибка природы, однако он ее хотел. Он так ей и сказал, прижимая лицом к холодному кафелю анатомического стола и задирая юбку.

Бетания всхлипнула, она заметно устала.

– Мне очень жаль, – смущенно пробормотал Гуго. – И вы возненавидели Брауна?

– Я ненавижу всех врачей Аушвица до единого, – прошипела Бетания. – Всех немцев вроде вас.

Гутман вздрогнул, метнул взгляд на Гуго. Даже медсестра развернулась к ним, медленно, как паролод. Оба они испугались его гнева. Зря, конечно. Не мог он разозлиться после всего увиденного и услышанного. Германия погрязла в смертных грехах, в которых когда-

нибудь ей предстоит покаяться, а ему, Гуго, следовало бы прямо сейчас попросить прощения у этой замученной и униженной женщины.

– До депортации вы работали медсестрой?

– Врачом, – уточнила Бетания со слабой улыбкой и впервые за весь разговор посмотрела Гуго в глаза. – Врачом-педиатром. Книги писала. Учила немецкий и итальянский. Скажи мне кто раньше, до какого варварства вы опуститесь, не поверила бы.

Гуго промолчал. Лицо Бетании исказила гримаса страдания. Она приподнялась, держась за живот. Гуго вспомнил капельку крови, стекавшую у нее по ноге в тот вечер, когда он впервые ее увидел.

– Знаете, в чем клянутся выпускники, становясь врачами? – прошелестела она. – «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всякого намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами... Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому...»^[12] – Собрав все оставшиеся силы, Бетания приподнялась на локтях. – Как вы считаете, эти врачи сдержали свою клятву? Они вообще врачи? Они люди?

Гуго облизал губы. Ответить было нечего. Ему хотелось взять ее на руки и унести из лагеря в заснеженные польские просторы, подальше от всего этого ужаса. Положить на мягкое пушистое покрывало, показать, как прекрасен мир, и гладить, гладить по голове до самой смерти, под медленным невесомым снегом.

Но ничего этого он не мог.

Не время поддаваться состраданию и терзаться от боли. Время думать. Если Бетания говорит правду, Браун шантажировал ее, чтобы принудить к интимной близости. Значит, она не ему признавалась в запретной любви, расплата за которую – смерть. Тогда кому?

В лазарете было чисто. Запах хлорки побеждал зловоние мочи от уток и больных тел. Все как положено, насколько это возможно. Если бы Бетанию отвезли в Биркенау, она умерла бы от голода или заживо отправилась в крематорий. Тристан Фогт продлил ей жизнь, сомнений нет. Не его ли она любит?

– У вас были отношения с кем-либо из СС, кроме Брауна? – прямо спросил он.

Бетания зажмурилась, точно побитая собака. Сейчас она ненавидела его так же, как и врачей. Разговор требовал от нее невероятных усилий, но Гуго не отставал, задавая очередной вопрос.

– Нет. Я не из таких.

– Может быть, вы испытывали привязанность к кому-то другому в лагере?

– В Аушвице нет места сантиментам.

– Где вы были в вечер убийства?

– Думаете, это я его убила? – прохрипела женщина.

– Я просто задал вопрос, который задаю всем.

– Я была в постели, мне нездоровилось.

Она машинально положила руку на живот, и до Гуго наконец дошло, что с ней не так. Если Бетания забеременела, вряд ли Браун был этому рад. Он должен был отправить ее на аборт.

– Вы знаете гинеколога Клауберга?

– Еще бы, – выдохнула Бетания.

Она была на грани потери сознания; веки то и дело закрывались, точно под невыносимой тяжестью.

– Он вас когда-нибудь... мм... лечил?

Бетания дернулась, рот раскрылся. Похоже, температура росла, губы и щеки сделались белыми. За считанные дни от красоты, восхитившей Гуго при первой встрече, не осталось и следа.

– По-моему, с нее хватит, – прогудела медсестра, срываясь с места, будто валун с утеса.

Ухватив стойку с капельницей, она с дребезгом подкатила ее к койке и указала рукой на дверь. Гутман поднялся, поправил на носу очки и побрел к выходу. Шинель и халат висели на нем как на вешалке. Гуго поплелся следом. Бросил последний взгляд на Бетанию, представляя ее в Нормандии, на вершине прибрежной скалы. Вот она смотрит на зеленые волны, внизу тянется белый песчаный пляж, соленый бриз треплет ее волосы, она свободна и полна жизни.

Едва они вышли наружу, Гуго вытащил сигарету и защелкал зажигалкой, прикрыв огонек ладонью. Предложив сигарету Гутману, он спросил:

– Что вы об этом думаете?

– Ничего.

– У Бетании был веский мотив желать Брауну смерти.

– Все так.

– Это могло быть ее воздаянием за нарушение клятвы Гиппократата. Между прочим, когда Брауна обнаружили, на нем был врачебный халат, хотя рабочее время закончилось...

– Бетания уже тогда еле держалась на ногах, – запротестовал Гутман.

– Вы правы. В одиночку ей такое было не под силу, однако я с самого начала не исключал наличие сообщника.

К лазарету подкатил фургон с красным крестом. Глушитель выплюнул струю черного дыма. Из лазарета выволокли группу полумертвых заключенных, грубо затолкали внутрь.

– Куда их? – спросил Гуго, сплевывая горькую от табака слюну.

– В Биркенау. К чему их здесь держать? С ними все кончено.

Гутман разочарованно смотрел на Гуго. Наверное, тогда, во время аутопсии, он решил, что нашел союзника или хотя бы немца, способного не сквозь пальцы посмотреть на ужасы, происходившие в лагере. Гуго ненавидел себя. Он не мог спасти даже маленького Йоиля и тем более не мог остановить эту жуткую машину уничтожения.

– Спасибо за помощь.

– Это мой долг, – ответил Гутман.

Гуго выбросил окурок. Тот ярко сверкнул, словно метеорит, и потух в сугробе.

Гуго шел по утопанному снегу, а с неба валил все новый и новый. Скоро заключенным придется опять впрягаться в каток. Удивительно, насколько мирным выглядело это место, хотя для того, чтобы разрушить иллюзию, хватило бы одного взгляда на колючую проволоку.

– Грязный змееныш, где ты это украл?

Бетси Энгель таскала его за волосы. Высвободиться из ее хватки оказалось совершенно невозможно, ведьма содрала бы ему скальп. Другой рукой она пыталась разжать его кулак. В конце концов ладонь Йоиля раскрылась, и он отдал подвеску. Бетси толкнула его на пол, а сама принялась разглядывать добычу, подставив ее под свет лампочки. Вспыхнула белая искорка.

– Мелкий воришка, – прошипела Бетси, спрятала подвеску в карман фартука и стянула с подушки наволочку. – А теперь снимай штаны.

– Нет!

– Делай что говорят, жидовский поросенок!

У Йоиля затряслись поджилки. Он повторял про себя слова Адель о том, что Бетси не может причинить вред «кролику» Менгеле. Побить – да, убить – нет. Набравшись смелости, он стянул штанишки, затем трусики, наклонился над койкой, крепко зажмурился и сжал губы.

Свернутая жгутом наволочка громко затрещала. Первый шлепок пришелся по правой ягодице. Второй – по обеим сразу. Йоиль заскулил. От третьего шлепка из глаз брызнули слезы и потекли в рот.

– Фройляйн Энгель! – загремел голос сзади.

В четвертый раз наволочка просвистела по воздуху. Кто-то вошел в спальню. Йоиль скосил глаза и увидел мокрые ботинки, серые штанины и полы черного кожаного плаща.

– Что вы делаете?! – заорал Гуго Фишер.

Йоиль почувствовал, что может вдохнуть и вот-вот разрешится от облегчения. Сегодня он испугался не на шутку.

– Немедленно уберите это, – рявкнул немец и темной массой навис над ведьмой.

Кажется, Йоиль поторопился осудить его за случай с убитой девушкой. Сейчас рядом оказался защитник, друг, совсем не такой, как прочие нацисты. На сердце потеплело.

– Герр Фишер, этот жиденок – вор. – Сестра опомнилась, но наволочку все-таки зашвырнула в угол.

– И что же он украл?

Бетси замялась, потом нехотя вытащила из кармана подвеску. Мягкие линии буквы «Б», выплавленные ювелиром из золота, засияли на ее ладони. Настоящая драгоценность... С одной стороны бриллиант, с другой надпись: «4 декабря 1931». Гуго взял подвеску.

– Где ты это нашел? – холодно спросил он Йоилья.

– В кабинете доктора Брауна. – Йоиль, потупившись от стыда, натянул трусы и штаны.

– Грязный воришка! – встряла Бетси, опять схватила его за волосы и толкнула на стул. – Ты – полено для печки!

– Фройляйн! – гаркнул Гуго, словно бичом ударил. – Эта ваша подвеска?

– Что? – Бетси отпустила волосы Йоилья и выпучила зенки. – Нет, не моя... Разумеется, не моя.

– В таком случае вы свободны. Уверен, врачам требуется ваша помощь – на первом этаже, я видел, что-то случилось.

– Но...

– Ребенком я займусь сам.

Ведьма раззявила рот, однако не выдавила ни слова. Роба у нее побагровела, и Йоиль едва не рассмеялся. Трясаясь от злобы, она выскочила из спальни и захлопнула за собой дверь. Йоиль с немцем остались вдвоем.

– А теперь рассказывай. – Немец вздохнул, взял стул и сел напротив.

Йоиль по серым, стальным глазам видел: тот очень сердит. Рот сжался в тугую линию, лоб перерезала морщина.

– Когда ты это нашел?

– Когда умер доктор Браун, – сознался Йоиль. – Она под елкой лежала. Я уронил карандаш, он туда укатился, и я нашел.

– Почему сразу не сказал?

– Подумал, что могу оставить себе. Что, когда нас с мамой и папой выпустят из лагеря, это пригодится. Немцы все отобрали... – Йоиль понуро опустил голову.

Ему самому было стыдно за воровство и ложь. Прежде он никогда ничего не крал. Врать случалось, но не воровать. Йоиль не осмеливался поднять глаза на Фишера. Конечно, теперь тот будет смотреть на него как на преступника и негодяя. Немец положил ладонь

ему на плечо, и Йоиль затаил дыхание. Получить взбучку от сестры – одно. Но если тумакон надает такой здоровенный дядька, мало точно не покажется. Вместо того чтобы ударить, Гуго его обнял. В Аушвице Йоиля еще ни разу никто не обнимал. И Йоиль разревелся, как маленький. Он все-таки не ошибся в Фишере!

– Вы на меня не сердитесь? – тихонько спросил он.

Гуго отстранился. Они глядели друг другу в глаза. Глаза немца блестели, словно он тоже собирался плакать.

– Немножко, – вздохнул он. – Ведь ты ни за что не рассказал бы мне о своей находке, если бы не медсестра. Впрочем, спасибо, что сохранил ее. Эта штукавина может оказаться очень полезной.

– Почему?

– Давайте воспользуемся дедуктивным методом, коллега.

Йоиль просиял. Они снова играли в сыщиков!

– Если подвеска не принадлежала Брауну, значит ее потерял убийца... – Мальчик вопросительно посмотрел на Гуго.

– В точку! Кабинет убирают каждый вечер в пять часов. Следовательно, подвеска могла принадлежать либо Брауну, либо убийце.

– И что вы сделаете теперь?

– Покажу вещицу фрау Браун. К сожалению, я не могу снять отпечатки пальцев, подвеску трогал и ты, и эта Бетси. Но если выяснится, что подвеска не доктора, тогда она точно пригодится.

Йоиль довольно кивнул, потом спросил:

– А вы еще не нашли моих родителей?

Он был уверен, что этот немец не из тех, кто забывает свои обещания. И раз Йоиль предоставляет ему такие ценные сведения, Фишер просто обязан чем-нибудь отблагодарить.

– Пока нет. – Гуго помрачнел. – Сегодня иду лично искать твоего папу.

– Спасибо! – Йоиль вскочил и бросился ему на шею.

Сердце часто-часто застучало. Кому нужна какая-то подвеска, если взамен он вновь обретет свою семью!

Гуго смотрел сквозь ветровое стекло фургона. Впереди в снегах чернел силуэт Биркенау. На вышке видны были охранники, готовые в любой момент открыть огонь.

Шофер направил машину по главной дороге. Здесь царило непонятное оживление: туда-сюда мотались эсэсовцы на мотоциклах, кое-кто даже на лошадях. «Лоханка» догнала чадающий грузовик. Гуго заметил нечто белое, свисавшее из кузова наружу. Он с ужасом опознал человеческую руку. Грузовик остановился, Гуго различил чью-то голову и понял, что в кузове полно трупов. Ему невыносимо было видеть их в таком количестве. Обнаженные, скелетообразные, с вытаращенными глазами и распяленными ртами, словно поломанные куклы. Шофер дал по газам и объехал грузовик.

Они остановились у склада личных вещей. Выйдя, Гуго сразу погрузился в знакомый сладковато-вяжущий дым. На сей раз рвоту он сдержал. Подставил ладонь под снег. Снежинки таяли, превращаясь в пепельную кашу.

– Кто-то жарит мясо. Да, папочка? – прозвенел детский голосок.

Гуго оглянулся и увидел белобрысую девочку с тугими косичками, в красном шерстяном пальтишке и черных лаковых ботиночках. Она держала на поводке крупную овчарку, обнюхивавшую чемодан. Другая ладошка пряталась в ладони отца, одетого в форму СС. На шее у нее висела табличка с немецкими именем и фамилией. Во избежание случайного попадания в газовую камеру, сообразил Гуго. Девочка бесхитростно улыбнулась и потеряла ладошкой живот.

– Кушать хочу, папа. Сосисочку...

Мужчина засмеялся, потрепал дочь по голове. Девочка дернула поводок, овчарка побежала дальше, вдоль бесконечного ряда «канадских» барачков. Гуго долго смотрел ей вслед. Стоял, словно впад в странную клейкую летаргию, пока отец, дочь и собака не превратились в темные пятнышки, растворяясь в снегопаде. В груди опять образовалась пустота.

– Герр Фишер!

Голос фрау Браун выдернул его из ступора. Она шла, почти печатая шаг, однако на губах играла улыбка.

– Есть новости?

– А, это вы, фрау Браун.

Вместе вошли в барак, где она работала, и двинулись вперед, рассекая море заключенных. Женщины вокруг напоминали неумолимых муравьев в серых платках на низко опущенных головах. Они никогда не разговаривали.

– Итак, что нового?

Гуго вытащил из кармана подвеску, показал:

– Узнаете?

– А должна? – нахмурилась фрау Браун.

– Это лежало на полу в кабинете вашего мужа в вечер убийства.

Ручаетесь, что подвеска не его?

– Не его и не моя, за это ручаюсь.

Гуго внимательно смотрел ей в лицо. Черты были спокойными, глаза ясными. Похоже, не врала. Выходит, подвеску потерял убийца. Оставалось найти владельца.

– И больше ничего? – Фрау Браун вздохнула.

– Доверьтесь мне, я обязательно доберусь до сути. Сегодня во второй половине дня еще раз допрошу Осмунда Беккера.

Фрау Браун выпрямилась, точно кол проглотила. Руки судорожно стиснули плетку. Гуго физически почувствовал ее напряжение: она испугалась, что их с Беккером выведут на чистую воду.

– Кстати, вы хорошо знаете Беккера?

– Не особенно, – оцетинилась она.

Гуго сжал подвеску в кулаке. Вспомнил объятия двух любовников, их нежное воркование под медленно падающим снегом.

– Все в порядке? – спросил кто-то сзади.

К ним приближалась Анита Куниг, подозрительно глядя на Гуго. От тусклого света, пробивавшегося в окна, родимое пятно выделялось резче, а морщины казались глубже. Она выглядела как волчица, спешащая на защиту детеныша.

– Да-да, все хорошо, – успокоила ее фрау Браун.

– Я приехал, чтобы показать вот это. – Гуго раскрыл ладонь с подвеской. – Ее нашли в кабинете Брауна. Узнаете?

Анита так и впиалась взглядом в золотую букву. Казалось, родимое пятно зажило собственной жизнью и пульсирует на белой натянувшейся коже.

– Никогда не видела.

– Может быть, замечали что-то похожее у кого-то на шее? Вспомните, пожалуйста.

– Нет, – решительно ответила она. – К тому же халаты у медсестер застегнуты до самой шеи.

– Спасибо. До свидания.

Прикоснувшись к шляпе, Гуго заковылял к выходу, а обе женщины так и остались стоять одна подле другой. На пороге он раскурил сигарету, посмотрел на влажное небо. Крематории работали безостановочно, и он с ужасом понял, что Молль был прав: к вони быстро привыкаешь.

Гуго был уверен лишь в одном: фрау Браун не солгала насчет подвески.

Он докурил. От еще тлеющего окурка в снегу появилась проталинка. Бросив последний взгляд на подвеску, сунул ее в карман, взамен вытащил записную книжку, раскрыл. «Десятый блок», – гласила строчка, написанная его собственной рукой.

Карантинный лагерь, как его называл Фогт, был отделен от остального Биркенау ровом с обледеневшими откосами, темной замерзшей водой и мрачной оградой из колючей проволоки под напряжением. У входа ждал лагерфюрер: высокий, крепкий, с рыжеватыми волосами и обветренным лицом. Из-под кепи смотрели крохотные глазки, темные, что твои изюмины.

– Оберштурмфюрер Тристан Фогт приказал помочь вам. Следуйте за мной, герр. Десятый барак, верно?

Гуго кивнул; его трость увязла в глубоком снегу.

– Вы занимаетесь расследованием убийства доктора, да? – полюбопытствовал лагерфюрер.

– Да.

– Неприятная история, – покачал головой мужчина.

Они шли вдоль деревянных бараков; из дверей на них таращились заключенные.

– Осторожно, не приближайтесь к ним, – предупредил лагерфюрер; изо рта у него вырывались густые облачка пара. – Все завшивлены.

Он грозно обвел взглядом бараки.

– Зачем нужен этот лагерь? – спросил Гуго.

Судя по праздным толпам, люди не предназначались ни для работы, ни для карантина. Эсэсовец хрипло рассмеялся, вполголоса считая бараки.

– Надо сразу дать понять этой мрази, как тут все устроено. Пусть учатся соблюдать лагерные правила и безоговорочно подчиняться вышестоящим. Здесь у нас школа для «больших цифр».

– Больших цифр?

– Ну, тех, у кого большое число. – Лагерфюрер постучал себя по предплечью, где заключенным делали татуировку. – Новоприбывшие. Пережил карантин – годен для работы. Заболел – сиди здесь.

Когда они поравнялись с девятым баракom, оттуда донесся шум, и наружу стремглав выбежал мальчишка. Он поскользнулся и упал, набрав полный рот грязного снега. Из барака появился коренастый

мужчина с изуродованными шрамом губами. В руке – резиновый хлыст, со свистом рассекавший воздух.

– Я тебя все равно поймаю! – заорал он. – Куда бежать собрался? На колючку? Хочешь подохнуть от тока? Иди сюда, чертов еврей! Иди и отсоси мне!

– Помогите! – заверещал мальчишка.

Его затравленный взгляд походил на взгляд девушки из клуба, и Гуго вздрогнул.

– Что там у тебя, Гереон? – крикнул лагерфюрер.

Коренастый притормозил, с собачьей угодливостью сдернул с головы шапку и вытянулся по стойке смирно. На нем была военного покроя куртка с поясом, на груди зеленел треугольник. Припомнив объяснения Фогта, Гуго догадался, что это немец-капо, какой-нибудь уголовник. Из барака, словно вороньё, высыпали другие заключенные, все худющие, кожа да кости, – это было заметно по тем частям тела, что виднелись из-под мешковатой одежды.

– Мелкий дармоед прятал в нужнике хлеб, герр лагерфюрер, – объяснил капо. – Целую буханку!

– Где же он ее раздобыл? Может, передал кто-то снаружи?

– Запирается, подлец. Я должен его наказать. – Капо схватил мальчика за шею и сдавил. – Ну, отвечай герру лагерфюреру, где ты взял хлеб! Тебе его из-за колючки передали? Кто?

Мальчик только головой мотал.

– Может, он немецкого не знает? – вмешался Гуго.

Эсэсовец припечатал его к месту взглядом так, что внутри все закипело. Гуго здесь был никем. Не мог приказать лагерфюреру оставить ребенка в покое, не мог даже капо одернуть. Мелкая щепка в бескрайнем океане дерьма.

– Убить, – приказал лагерфюрер.

Подняв с земли мокрый камень, он взвесил его на ладони, подбросил, поймал. Перевел глаза на заключенных, в ужасе смотревших на происходящее.

– Ведь вы так поступаете, жида? Это написано в ваших священных книгах. Берите каждый по камню и преподайте вору урок.

Эсэсовец бросил свой камень капо и кивнул Гуго. Они пошли к десятому бараку. Гуго неуверенным шагом, на подгибающихся ногах поплелся дальше. Острая фаза болезни заканчивалась, но теперь

казалось, что болит все тело. Крики мальчика и стук падающих камней отдавались в ушах. С таким же глухим звуком шлепались камни, которые маленький Гуго швырял в Шпрее. Мальчик замолчал. Прекратился и камнепад. Гуго запретил себе оборачиваться.

– Это обязанность капо, – извиняющимся тоном сказал лагерфюрер. – Нам бунты не нужны. Когда паразиты крепко уяснят, что за каждым проступком следует наказание, становятся как шелковые. Вот для чего нужен карантин.

От подступивших слез у Гуго защипало глаза.

– Раз они взбунтовались, – продолжал лагерфюрер. – Нам крупно повезло, что у них не было ни оружия, ни взрывчатки.

В подсознании что-то зашевелилось. Гуго никак не мог ухватить ускользающую мысль, но знал: сейчас он услышал нечто важное, ответ, который упорно искал.

– Пришли, – сказал лагерфюрер.

Барак оказался забит деревянными нарами, между которыми едва можно было протиснуться. Вонь висела такая, что Гуго пришлось прикрыть нос рукавом, чтобы не стошнило. Десятки истощенных людей лежали и сидели на соломенных тюфяках, привалившись друг к другу. Они напоминали зверей, глядящих из темных нор.

Эсэсовец громко выкрикнул номер. Никто не отозвался. Он повторил. К ним подошел испуганный человек и смущенно стянул шапку. Беззубый, лицо в рябинах, сквозь щеточку волос просвечивает пятнистый череп. Этот мужчина ничем не напоминал Йоиля. Он залопотал что-то по-гречески, показывая на человека, лежащего на нарах.

Гуго шагнул вперед. Лежащий не отрываясь смотрел на перекладыны верхних нар. Он был обрит, серая пергаментная кожа обтягивала тело. Гуго мог пересчитать все его ребра. На заголившемся животе набухла какая-то шишка. Рот раскрыт, руки с пальцами-спичками широко раскинуты. На внутренней стороне запястья вытатуирован номер. Тот самый, что выкликал лагерфюрер.

Склонившись, Гуго в ужасе спросил:

– Герр Эррера?

Человек не ответил, продолжая бессмысленно глядеть вверх. Вдруг он дернулся. Омерзительно завоняло. Под ним растеклась лужа черного поноса, сразу протекшего сквозь тюфяк.

– «Мусульманин», – с отвращением произнес лагерфюрер. – Так заключенные зовут тех, кто вот-вот коньки отбросит.

– Почему он не в больнице? – гневно спросил Гуго.

– А что ему там делать? – хохотнул ээсовец. – Топливо для крематория. Скоро болезнь его доглодает. Приедет труповозка, заберет – и в ров.

Чувствуя себя беспомощным, Гуго вновь наклонился над мужчиной. Тонкий, как у Йоиля, нос, те же губы, светлые глаза. Как сказать ребенку, что у него больше нет отца? Высокого, сильного, катавшего его на плечах.

Гуго курил, привалившись к стене блока. Из головы не выходило морщинистое лицо Эрреры и слова лагерфюрера: «Нам крупно повезло, что у них не было ни оружия, ни взрывчатки». Слова засели в мозгу, точно червь. Наконец он понял почему. В «Унион-верке» хватало и оружия, и пороха. Заключенных водили туда на работу каждый день. Сколько взрывчатки нужно зондеркоманде, чтобы поднять восстание? «Унион 18». Восемнадцать чего? Граммов?

Он курил и наблюдал, как солнце садилось за блоками Аушвица. Сверху на землю лился тусклый печальный свет, даже снег потерял свою красоту. Рядом глухо стукнула распахнувшаяся дверь.

– Герр Фишер, – сказал голос Адель, – Фогт передал мне, что вы хотите со мной поговорить.

Гуго осмотрел ее с ног до головы. Поверх белого халата наброшено пальто. Лицо свежее, совсем девичье. Он не мог представить ее вовлеченной в Сопротивление. Адель ассоциировалась у него лишь с чистым восторгом, испытанным в Солахютте, когда он собирался ее поцеловать. Она, кажется, тоже вспомнила об этом и покраснела.

– Мне нужен помощник, хорошо знающий лагерь, – пояснил Гуго. – Где здесь можно раздобыть ампулу с цианидом?

– Ясно. – Она застегнула пальто; тон у нее сделался чуть ли не разочарованным. – На аптечном складе, где же еще. Наверняка у них есть. Сигаретой не угостите?

– Конечно.

Гуго щелкнул зажигалкой. На мгновение, защищая ладонями огонек, они вновь оказались очень близко друг к другу и оба этому улыбнулись. Не будь они в аду, Гуго сейчас повел бы ее по каким-нибудь еще уцелевшим ресторанам Берлина, целовал бы под музыку ее пахнущие «Ягермайстером» губы. Но вокруг был ад. И не просто ад, а последний его круг.

– Как вы себя сегодня чувствуете? – спросила она.

– Лучше. – Гуго пошевелил двумя ожившими пальцами.

– Рада за вас.

Улыбка Адель согрела его даже в мороз. Они пошли по улице. Курила она медленно, придерживая воротник пальто, чтобы защититься от холода, но Гуго все равно видел ее шею сквозь пряди медно-рыжих волос. Адель что-то рассказывала о каникулах в Баварии, куда ездила в детстве. Как глупо, что они познакомились в лагере смерти...

– Вот мы и на месте. – Адель показала на трехэтажное здание из красного кирпича.

Оба прошли в узкую прокуренную комнату на первом этаже. Адель постучала ладонью по стальному столу. Теснившиеся на нем каталожные ящики мелко задрожали. Человек, стоявший в глубине комнаты, оглянулся, захлопнул шкаф и подошел к ним.

– Это Сикорский, – представила его Адель. – Заведующий аптекой.

Гуго осмотрелся. У заиндеветшего окна сидел невысокий мужчина. Он записывал названия сваленных перед ним на столе лекарств, аккуратно клеил этикетки и складывал в железную коробку. В другом конце комнаты две женщины стучали по клавишам пишущих машинок, не отрывая глаз от бумаг.

– Чем могу? – Сикорский поправил на носу очки и улыбнулся.

– Мне нужно узнать, не получал ли кто-нибудь цианид в ампулах за последние, скажем, две недели.

Женщины разом прекратили печатать и обернулись.

– Цианид? – Сикорский сдвинул седые брови.

Взяв амбарную книгу, он послунил палец и принялся листать страницы, щурясь сквозь толстые стекла очков. Пробежав по всем столбцам, причмокнул.

– Ничего, – пожал плечами он. – Были заказы на большие партии эвипана и гарденала, а цианид никто не просил.

– Вы все записываете? – уточнил Гуго.

– Конечно, это моя работа. Я должен записать любое лекарство, покидающее аптеку, что уж говорить о яде. Если бы кто-то попросил цианид, его имя было бы в книге.

– А нельзя как-нибудь добыть яд, минуя аптеку?

– Клепси-клепси! – вдруг воскликнула одна из женщин.

– Что-что? – изумился Гуго.

Сикорский сердито глянул на женщину и рявкнул:

– Пирожка, сколько раз тебе говорить, чтобы ты не болтала тут на лагерном?

– На чем? – еще больше растерялся Гуго.

– Лагерный язык, – пояснила Адель. – Люди в лагере разговаривают на множестве языков. Слова быстро перемешиваются, превращаясь в новый.

– И что же она сказала?

– Клепси-клепси, – повторил Сикорский. – Кража. Цианид могли украсть с еврейской платформы, из багажа или в «Канаде». Именно с вещевого склада к нам и прибывают остатки лекарств. Вот почему врачи из десятого гоняют вас в Биркенау, да, Адель?

Та покраснела. Гуго понял, что подобные вещи должны вызывать серьезные трения среди докторов: каждый стремился первым наложить руку на нужный препарат.

– Давайте проверим, есть ли у вас цианид, – предложил Гуго.

– Пойдемте. – Поманив его за собой, заведующий направился к лестнице.

На втором этаже они миновали палату, где лежали больные. Сикорский осторожно прикрыл дверь, чтобы хождение по коридору не мешало людям.

– Стационар для арийского персонала, – шепнул он.

Они втроем поднялись выше. Складом служил пыльный чердак. Над головой темнела покатая крыша. Пахло плесенью, бумагой и вообще старьем. Вдоль стен высились стеллажи, где на пронумерованных полках были разложены всевозможные лекарства. Сикорский выдвинул ящик каталожного шкафа, выбрал папку, долистал до нужной буквы.

– Вот. Цианид.

Он подошел к одному из стеллажей, определил полку, порылся в коробке и достал три ампулы. Стекло блеснуло в тусклом свете, проникавшем сквозь слуховые окна. Заведующий положил ампулы на ладонь Гуго и раздраженно произнес:

– Три! В реестре отмечено четыре, однако, судя по журналу учета, никто цианид не брал.

– Украли?

– Вообще-то, аптека хорошо охраняется, – развел руками заведующий. – Мы следим, чтобы ничего зря не пропадало и не

растаскивалось именно потому, что нам не так много достается. Уверен, это просто опечатка. Время от времени Эва и Пирошка ошибаются, всяко бывает...

Гуго вернул ампулы и задумался, обеими руками опираясь на трость. Любой врач или медсестра из десятого блока, кроме Бетании, спокойно ходили в «Канаду» за лекарствами. Выходит, Бетания не могла попасть в Биркенау, но каким-то чудом пробралась в аптеку?

– Скажите, у вас есть список больных?

– Разумеется, – кивнул заведующий.

Они покинули чердак. Сикорский негромко насвистывал, спускаясь по ступенькам. На втором этаже он остановился у шкафчика и вытащил тетрадь, потом присел за металлический столик.

– Итак, кого ищем? Последних госпитализированных?

– Бетанию Ассулин.

Заведующий пролистал страницы, покачал головой:

– Нет такой. Еврейка, если мне не изменяет память? Тут госпиталь только для арийцев, не для заключенных.

– Понимаю. Прочитайте, пожалуйста, вслух список больных за последние три недели.

– Всех?

– Всех.

Сикорский принялся зачитывать фамилии, водя по строчкам указательным пальцем. Длинный перечень госпитализированных, жаловавшихся на грипп, гастроэнтерит, изредка на геморрой, временами на больной зуб. Вдруг что-то промелькнуло.

– Вернитесь назад, пожалуйста.

– Франц Химмер.

– Нет-нет, перед ним.

– Берт Хоффман.

Адель и Гуго удивленно переглянулись.

– Когда его положили?

– Две недели назад, с бронхитом.

Гуго задумался над рассказом Йоиля. Бетания по ночам тайно встречалась с любимым. Мальчик не разобрал голоса, но его напугал кашель. Фогт тоже упоминал, что здоровье санитара ухудшилось. Да и сам Гуго слышал, как тот сопит и кашляет. Выходит, любовником Бетании был Берт. Вот какого немца она любила.

– Благодарю вас, на этом, пожалуй, все.

Покидая теплую аптеку, Гуго думал об опухшем лице Берта. Безжалостный Фогт, изредка способный на человеческие поступки, все знал. Поэтому и отправил Бетанию в больницу, а не в Биркенау. Наверное, чувствовал, что в долгу перед немцем, которого не смог защитить от избиений и практически верной смерти.

– Полагаете, убийца – Берт? – спросила Адель.

Утонув в водовороте мыслей, Гуго почти забыл о девушке.

– Мне надо еще подумать.

Они молча шли по улице. Небо на западе зловеще пламенело. Гуго понимал, как нервничает Адель. Та шла в ногу с ним, робко поглядывая снизу вверх. Боялась за жизнь друга.

Они как раз поравнялись с кухней, когда на плац вышел оркестр. Музыканты расположились поодаль, чтобы заключенные, вернувшись с работы, могли промаршировать под звуки музыки. Тут же показались темные колонны сгорбленных фигур, еле переставлявших ноги. Кто-то упал. К нему подскочил капо, пнул в бок, поднял за шкуру, втолкнул обратно в строй. Бедолага потерял сабо и теперь стоял босой ногой в снегу, стуча зубами от холода. Гуго вспомнил умирающего отца Йоиля и в очередной раз почувствовал полное бессилие.

– Я знаю Берта много лет, – пролепетала Адель. – Он не убийца.

Гуго вытащил из кармана подвеску, показал ей.

– Узнаете?

Именно Адель выпытывала у Йоиля, не находил ли он чего-нибудь странного в кабинете Брауна. Золотая финтифлюшка обжигала ладонь, словно очередная улика против Берта.

– Нет, – помотала головой Адель. – Где вы это взяли?

– Йоиль нашел в кабинете Брауна. Она принадлежит Берту?

– Нет.

– Значит, Бетании...

– Невозможно, – возразила Адель. – У нее отняли бы сразу по прибытии в лагерь.

– Могла спрятать.

– Ну, предположим. Однако вы забываете, что она еврейка.

– И что с того?

– Для нее логичнее было бы носить подвеску с ивритской буквой «б», не находите?

Гуго сжал подвеску в кулаке. А девушка не глупа. Такая, пожалуй, доставила бы берлинскому преступному миру немало неприятностей.

– А если ей это подарил кто-нибудь из христиан? Тогда буква была бы латинская. Могли Берт и Бетания познакомиться еще до лагеря?

– Не знаю. Она прибыла в Аушвиц летом. Почему вы спрашиваете?

– На обратной стороне выгравирована дата – четвертое декабря тридцать первого года. Видимо, памятная дата, некий особенный день. Встреча? Свадьба?

– Хотите сказать, Берт и Бетания были любовниками с тридцать первого года?

– Просто выдвигаю версии.

– А если подвеску потерял не убийца, а уборщик?

– Думал и об этом, разумеется.

– Вдову спрашивали?

– Говорит, не их.

Гуго вздохнул и свернул к столовой. Шмыгнув носом, Адель побрела дальше. Потом ее шаги стихли, и она спросила:

– Хотите поужинать вместе?

Гуго не смог удержать довольной улыбки. От ее неожиданного предложения стало радостно – он не надеялся испытать подобное чувство в Аушвице.

– Бетания в лазарете, Берт в тюрьме, – попыталась оправдаться Адель. – Осмунда, ясное дело, не будет. Бетси шарахается от меня, как от прокаженной. От наших с вами разговоров мне сделалось грустно и...

– Конечно, – прервал ее Гуго. – Я с удовольствием с вами поужинаю.

Адель вошла, толкая перед собой столик на колесиках с двумя подносами. Колесики отчетливо скрипели.

– Еда не совсем такая, как в офицерской столовой, – извиняющимся тоном сказала она, – но есть можно.

Переставила подносы на стол.

– Пахнет вкусно. – Гуго подождал, пока медсестра не сядет, и попробовал суп. – А где сейчас Осмунд, по-вашему?

– Наверняка с Брунгильдой, – ответила Адель, в свою очередь отправляя в рот ложку супа. – Или празднует.

– Что празднует?

– Повышение.

Гуго ослабил узел галстука, удобно откинулся на спинку стула, вытянул здоровую ногу и вопросительно посмотрел на Адель.

– Какой мотив сильнее: карьера или любовь? – спросила она, отломив кусочек хлеба, обмакнула в бульон, прожевала и принялась машинально сгребать пальцем крошки. – Сегодня он объявил, что мы вернемся к работе над старыми программами. Та же группа, те же методы, только руководитель теперь он. Осмунд получил письмо за подписью рейхсфюрера Гимmlера с разрешением продолжать работу Брауна по генетическим болезням.

Гуго отложил ложку, скрестил руки на груди и перевел взгляд с девушки на окно, прикрытое ставнями. Гудела печь, в комнате было довольно жарко, по запотевшему стеклу медленно стекали капли.

– Преступник действовал на эмоциях. Будь это по холодному расчету, он не совершил бы некоторых ошибок.

– У Осмунда имелся и чувственный мотив, – возразила Адель. – Связь с фрау Браун.

– Верно. Таким образом, у него два мотива. – Гуго потер руками лицо.

Он не успел утром побриться, и теперь щетина зверски колола пальцы.

– И что тогда не сходится?

– Ваша попытка отвести подозрения от Берта похвальна, – искренне ответил Гуго. – Однако Бетания очень страдала по вине Брауна. Если бы моя любимая перенесла то, что перенесла она, я бы тоже пошел на любое преступление.

– Тем не менее что-то не дает вам покоя?

– Теперь вы допрашиваете меня?

– Вовсе нет. Подставляю дружеское плечо.

– Сегодня я видел отца Йоиля. Он мучительно умирает.

Гуго тяжело вздохнул. На лоб набежали морщины, он заскрипел зубами. Аппетит сразу же пропал, и Гуго отодвинул тарелку.

– Это ужасно, – сокрушенно сказала Адель.

– Они мне сказали, что ждут, когда тот помрет. Не позволяют даже умереть по-человечески. Просто ждут, чтобы болезнь и голод сделали свое дело. После чего соберут свою жатву. Приедет грузовик и отвезет трупы в ров. Что мне сказать Йоилю?

– Скажите, что не нашли его родителей, – неуверенно посоветовала Адель; ее грудь поднималась и опускалась под сестринской формой.

– Почему они не бунтуют?!

Девушка в упор смотрела на него горящими, словно факелы, глазами. Гуго захотелось прямо спросить, кому предназначались щипцы с запиской.

– Я знаю, что на «Унион-верке» можно раздобыть порох, – продолжил он, решив проследить за ее реакцией. – А потом и восстание поднять. Сколько для этого понадобится пороха? Думаю, совсем немного. Граммов восемнадцать хватит?

Адель вздрогнула, задетая за живое, и поднялась, с грохотом отодвинув стул.

– Откуда у евреев подобная сила духа? – пробормотала она, беря себя в руки.

Девушка подошла к шкафу, открыла дверцу, начала рыться на полках, явно пытаясь тянуть время. Гуго понял, что она, как и Берт, надеется в одиночку противостоять чудовищу Аушвица.

– Не бунтуют, потому что они унтерменши, вот и все, – быстро добавила Адель. – Недочеловеки, неспособные постоять за свободу. А тот, кто не может бороться за свободу, недостоин и жизни.

Гуго наблюдал за ней, вытянув под столом обе ноги. Адель завела нацистскую шарманку, однако ее зрачки оставались расширенными от страха.

– Есть такая штука, как психология толпы, – возразил он. – Люди превращаются в овечье стадо, никто не решается на первый шаг. В подобных условиях арийцы вели бы себя так же.

Не отвечая, она вытащила из-за банок консервов бутылку, откупорила и плеснула в стаканы. Гуго решил больше ее не мучить. Если они с Бертом предатели, пусть их разоблачает кто-то другой. Он уже столько раз закрывал глаза на преступления нацистов и может позволить себе не заметить двух немцев, сражающихся в аду Аушвица.

– Только никому не говорите, – попросила Адель, ставя стаканы на стол. – Мы, младший персонал, храним шнапс для самых тяжелых минут. Не нужно никому об этом знать.

– Я нем как рыба, – заверил Гуго, подразумевая скорее «Унион-верке», чем жидкость, весело сверкающую в стаканах.

Адель залпом выпила свою порцию. Гуго отсалютовал ей и последовал ее примеру. Жидкость приятно обожгла горло. Он собирался попросить еще глоточек, когда заметил через приоткрытую дверь тень в коридоре. Послышался женский шепот. Гуго поднялся. Им двигало не любопытство, а инстинкт сыщика. Адель открыла было рот, но он быстро приложил палец к губам. Гуго по стеночке прокрался к двери. В узкий зазор можно было разглядеть только плитки пола и стену, отретушированную тенями.

– Но он спрашивал меня об обручальном кольце, – простонал женский голос.

В клубке теней Гуго различил светлые волосы и гордый профиль фрау Браун. Он чуть-чуть приоткрыл дверь. Перед ней в позе актера из американского фильма возвышалась долговязая фигура Беккера. Последний покачал головой:

– Ну и что? Извини, но ты ведешь себя как истеричка.

– Не хочу, чтобы все раскрылось.

– Кольцо в бассейне, его никто не найдет.

– Знаю, но...

– А хоть бы и нашли? Что это доказывает?

Осмунд хотел погладить Брунгильду по щеке, но та отшатнулась и затравленно огляделась. Видимо, свет из приоткрытой двери ее

насторожил, и она кивком позвала Беккера за собой.

– Твою мать, – прошептала рядом Адель, прижимаясь к стене. – Я же говорила, что у этих двоих есть отличный мотив.

– Значит, нужно найти кольцо, – согласился Гуго.

– А еще я говорила, что Берт невиновен! – Она победно глянула на него.

– Лучше скажите: у вас есть первитин?

Бассейн для сбора воды был темен и скорее напоминал распахнутую пасть. Чтобы им могли пользоваться по назначению, заключенным приходилось каждый день взламывать лед. Льдины плавали по поверхности, как обломки кораблекрушения. Гуго мрачно всматривался в воду. Адель, дрожа от холода, стояла рядом.

– Полагаете, кольцо там? – с сомнением спросила она.

– Этот бассейн ближайший к десятому блоку. Если кольцо сняли с трупа, его вполне могли выкинуть сюда.

Сунув ему в руку таблетку первитина, Адель сказала:

– Не нравится мне ваша идея. Ничего вы впотьмах не найдете. Пусть охранники завтра поищут.

– «Завтра» – синоним слова «поздно».

Гуго проглотил таблетку, подождал. Через несколько минут его охватила легкая эйфория. Он почувствовал себя охотником, готовым сразиться с тигром-людоедом. Первитин вовсю использовали на русском фронте, чтобы не чувствовать мороза, усталости, голода и страха. В Аушвице препарат испытывали на заключенных, выясняя, как долго они смогут переносить холод.

– Это опасно в вашем состоянии.

Голос Адель слышался словно через вату. Красивый, но такой далекий. Гуго подумал, что в своем состоянии он прежде всего не должен терять время. Разделся, оставшись в трусах и майке, взял сетчатый черпак, которым тралили бассейн, сел на бортик, посыпанный крупной солью. И соскользнул в бассейн. Ледяная вода впиалась в тело тысячью острых крючьев, но вскоре это ощущение прошло. С первитином в крови можно было запросто умереть от переохлаждения. Мозг прекращал посылать телу сигналы об опасности. Примерно то же происходило с поврежденными нервными окончаниями у самого Гуго. Он слышал о солдатах, замерзавших насмерть в заснеженной русской степи и не понимавших, что замерзают.

Гуго медленно двигался вдоль бортика, держась за него одной рукой, чтобы не оступиться из-за больной ноги. Возил черпаком по

дну, время от времени вытягивал его наружу. Сетка оставалась пустой. От возбуждения мышцы лица напряглись, сердце стучало все быстрее.

– Герр Фишер, прошу вас, вылезайте! – взмолилась Адель.

– Рано.

Он методично проверил все углы. Внутри глухо закипала злость. Пусто!

– К черту! – наконец раздраженно выругался Гуго.

Адель вскрикнула и бросилась к нему. Помогла выбраться и одеться. Он накинул на плечи пальто, разочарованно тряхнул головой и понял, что не в состоянии сжать набалдашник трости. Пальцы посинели, однако он ничего не чувствовал. Напротив, ему было жарко.

– Здесь ничего нет. Сколько таких бассейнов отсюда до Биркенау?

– Вы что, собираетесь проверить их все? – заорала Адель. – Еще Солу обшарьте, но уверяю вас, летом там поприятнее.

– Вы же сами слышали про бассейн, – попытался отбиться Гуго. – Кольцо в бассейне.

– Может, они говорили о бассейне на вилле? – предположила она.

Гуго вытаращился на нее. Вот дурак! Почему сам не подумал? Ведь Клауберг рассказывал ему о бассейне в саду. Они там праздники закатывали, не замечая пепел с небес.

– Вы же не ползете туда сами? – Адель поплотнее запахла пальто. – Отправьте туда пловца. Я знаю одного, из заключенных. Подобной работой здесь занимаются они, а не немцы. Вы нужны нам живым, герр Фишер. Кто, кроме вас, закончит расследование?

– Вы, конечно! – Гуго рассмеялся; первитин бурлил в жилах. – У вас отлично получается.

Вилла Браунов находилась на повороте дороги, ведущей от железнодорожной станции к Штаммлагу. За густой и высокой живой изгородью не видно было ничего, кроме покато́й сланцевой крыши с дымящейся трубой.

На заднем сиденье «лоханки» рядом с Гуго сидел Ян. Поляк не произнес ни слова, немецкого он не знал. Высокий, худой, широкие плечи выдавали в нем спортсмена. Когда сыщик и медсестра пришли за ним, он не возражал, хотя даже не понял, куда его тащат. Эсэсовец рассказал Гуго, что Яна привезли в Аушвиц в августе, и с тех пор он в жару и в холод развлекает их, доставая из воды предметы. «Настоящее

чудо природы, – добавил охранник. – Мускулы что твоя струна». Никаких мускулов под робой Гуго не видел. Голод давно их сожрал.

– Приехали, – сказал Гуго.

Ян не пошевелился. «Лоханка» остановилась под высокой плакучей ивой, тоскливо склонившейся к самому снегу. Дереву было лет сто, не меньше. Оно видело и Великую войну, и бог знает что еще. Ива словно царила во дворе. Овчарка, привязанная у сарая, зашла в лае, извещая хозяев о гостях. Из пасти у нее валил пар.

Гуго вылез из машины, осмотрелся. Заснеженная крыша дома, крыльцо, сарай, откуда торчит блестящее рыло мотоцикла. Наконец, бассейн в окружении гипсовых статуй. На крыльцо вышел кряжистый человек в робе с лиловым треугольником. Свидетель Иеговы.

– Хайль Гитлер! – неразборчиво выкрикнул человек.

– Хайль Гитлер, – поспешно ответил Гуго. – Фрау Браун дома?

– Что случилось? – в дверях показалась Брунгильда в шинели, наброшенной поверх штатского платья. – У меня ужин на столе.

– Я должен кое-что поискать. – Гуго прищурился.

– В доме?

– В саду.

Похоже, ему не слишком обрадовались и в дом приглашать не спешили. Он махнул рукой, подзывая Яна. Они подошли к бассейну. Ян разделся и безразлично встал рядом. Лучи фар высвечивали его белую кожу.

– Ну? – в нетерпении спросил Гуго и вспомнил, что парень не понимает по-немецки. – Эй, ты! Иди сюда! – крикнул он кряжистому. – Ты откуда родом?

Мужик подбежал, ткнул пальцем в букву на робе и пробормотал:

– Поляк.

– Объясни ему, что он должен достать со дна все, что найдет.

– Со дна бассейна?

– Да.

– Там же лед...

Гуго в недоумении уставился на поверхность, по которой плавали покрытые снегом льдины. Собака продолжала надрываться, в ушах звенело, первитин в крови бурлил.

– Он привык к холоду. – Гуго похлопал Яна по костлявому плечу. – Ничего, справится.

– Умрет ни за грош.

– Хватит! – растрепанная фрау Браун шагнула вперед. – Что происходит?

– Скоро поймете. Давай говори ему. – Он требовательно поглядел на кряжистого, и тот забормотал что-то на ухо пловцу.

– Вы вваливаетесь в мой дом без приглашения, а теперь еще...

– Я расследую убийство вашего мужа, – напомнил Гуго.

– Зачем он туда полез?! – В голосе фрау Браун теперь отчетливо звучал страх. – Остановите его!

– Слишком поздно, – добродушно сказал Гуго.

Ян скрылся под водой, по поверхности пошли круги, льдинки заскреблились друг о друга, словно лодки у пирса.

– Надеюсь, потом вам хватит человечности позволить ему обсушиться у камина и дать поесть, – добавил он.

К несчастью для Брунгильды, действие первитина еще не закончилось, и Гуго говорил что думал. Фрау Браун чуть не подпрыгнула при его словах, но тут из воды появился дрожащий Ян. Громко стуча зубами, он протянул что-то зажатое в руке. Взяв предмет, Гуго вошел в свет от фар. Внезапно живот скрутило. Не обращая внимания на резь, он покрутил кольцо, прочитал гравировку на внутренней стороне. Лицо расплылось в улыбке.

– Обручальное кольцо вашего мужа.

Фрау Браун таращилась на него. Ее зрачки так расширились, что глаза казались смоляными лужицами. Гуго сунул кольцо в карман. Желудок опять скрутило, да так, что от жжения перехватило дыхание. Теперь проигнорировать боль не получилось.

– Прикажите немедленно согреть и накормить парня, – велел он фрау Браун.

– Что-что?

– Это приказ.

Ему понравилось ломать ее волю. Фрау Браун сникла, понимая, что лучше не перечить. Она была неглупа и сознавала свое положение. Кивнула коренастому, и тот, собрав одежду Яна, потащил его в кухню для прислуги.

– Как кольцо оказалось в бассейне? – спросил Гуго, когда они остались одни. – Вы сами бросили после очередной ссоры с мужем из-за его измен?

– Нет! Я не знала, где оно.

– Не лгите. Я слышал ваш недавний разговор с Беккером в коридоре.

Фрау Браун побледнела, губы у нее задрожали. Видимо, кончилось заготовленное вранье. Штора на окне слегка отодвинулась и тут же вновь закрылась.

– Герр Беккер сейчас у вас, да?

– Как вы смеете делать подобные предположения? – взвилась женщина.

Ее лицо побагровело, глаза метали молнии, волосы растрепались. Казалось, она вот-вот лишится чувств.

– Рассказывайте, как на самом деле кольцо оказалось в пруду, – жестко сказал Гуго. – Или вам обоим не поздоровится. Официально заявляю вам, что подозреваю вас в убийстве.

Фрау Браун разрыдалась, осела на снег и принялась с такой силой тереть лицо руками, что Гуго испугался, как бы она не стерла его в кровь.

– Сигизмунд застал нас в постели, – простонала она. – Он был просто взбешен, никогда его таким не видела. Хотя сам изменял мне направо и налево! Я вышла за ним в сад, попросила простить, как прощала я, но он смотрел на меня с презрением и смертельной ненавистью. Сорвал с пальца кольцо, зашвырнул его в бассейн и сказал, что на людях можем делать вид, будто мы дружная семейная пара, но между нами все кончено. Я прекратила видеться с Осмундом, а потом мужа убили и... Мне было так одиноко.

– Почему вы тогда беспокоились, не найду ли я кольцо? – Гуго присел рядом, стараясь заглянуть ей в глаза.

– Потому что вы сами о нем спросили. Я испугалась, что мои отношения с Осмундом раскроются. Если бы кто-то узнал, я сгорела бы со стыда. Соврала, чтобы вы решили, будто кольцо было на руке в вечер убийства и его забрал убийца.

– Понятно.

Опираясь на трость, Гуго тяжело поднялся, протянул руку фрау Браун, чтобы она тоже могла встать. И вдруг почувствовал, какая она хрупкая, эта стальная женщина.

Кольцо со стуком упало на стол Либехеншеля. Вечерняя порция коньяка в стакане коменданта дрогнула.

– Беккер? – недоверчиво переспросил он. – Осмунд Беккер и фрау Браун?

Гуго молчал. Боль в животе, терпимая прежде, сделалась почти невыносимой. Точно кто-то воткнул в кишки нож и безжалостно его проворачивал.

– Никто не должен этого знать, герр комендант, – наконец сказал он.

– Разумеется.

– А еще вот это. – Гуго положил на стол подвеску. – Я обнаружил украшение под елкой в кабинете. Не знаете, кому оно могло принадлежать?

Комендант покрутил подвеску в руке.

– Нет, не знаю. Мне кажется, я никогда такую не видел. Бриллиант я бы заметил, носи его на шее кто-то из персонала. Что до заключенных, им не удастся долго прятать подобные вещи. Может, она принадлежала чете Браун?

– Не им. Фрау Браун на этом настаивает.

– Итак, вы обвиняете Брунгильду Браун и Осмунда Беккера, я правильно понял?

– Я никого не обвиняю, пока не удостоверюсь наверняка. Просто сообщаю, что круг подозреваемых сужается.

– То есть Берт Хоффман невиновен?

– Хоффман идеально соответствует портрету убийцы, и вдобавок у него был доступ к цианиду. Я пока не вычеркнул его из списка.

– Что за портрет?

– Человек с хорошим образованием, затаивший обиду на Брауна, с запутанной любовной историей, которая затуманила ему разум.

– Хм. Беккер и фрау Браун любовники. А Хоффман в кого влюбился?

– Позвольте пока сохранить это в тайне.

– Для пользы следствия?

– Конечно, – соврал Гуго, решив во что бы то ни стало защитить Бетанию от этого человека. – В противном случае я не стал бы ничего от вас скрывать.

Либехеншель смотрел на него с разочарованием и одновременно с азартом.

– Хорошо, продолжайте расследование. Очень хочу, чтобы вы вернулись в Пятое управление победителем, а не получили пинок под зад – не в моем обычае так поступать, как вы, наверное, уже поняли, – рассмеялся комендант.

Гуго не смог выдавить улыбку. Мысль о возвращении в Берлин с пустыми руками не давала ему спать. К тому же в животе вновь зашевелился холодный нож. Гуго поморщился. На какое-то мгновение он увидел перед собой сразу двух Либехеншелей. Не помнил он, чтобы у первитина имелись подобные побочные эффекты.

– Так или иначе, будьте осторожны. – Комендант посерьезнел. – Подозреваю, убийца Брауна способен на все, лишь бы спасти свою шкуру. Пусть вашу еду сначала пробует кто-нибудь из заключенных.

– Ну я же не фюрер. – Гуго попытался засмеяться, но приступ тошноты оборвал его смех.

Пора было срочно убираться из кабинета. Нутро взбунтовалось.

Гуго вывернуло наизнанку. Он привалился к стене, мышцы дрожали, зубы выбивали чечетку. Пот лил градом, хотя ему было ужасно холодно. Тело скрутила еще одна судорога, его опять стошнило. Он не придумал ничего лучше, чем сунуть в рот горсть снега, чтобы хоть немного смыть кислятину. Посмотрел на лужу под ногами и увидел в ней Адель. Вот она возится у шкафчика со стаканами, наливает шнапс... Яд.

«Пусть вашу еду сначала пробует кто-нибудь из заключенных».

– Сучка...

Очередной приступ согнул его пополам. Желудок сжался так сильно, что Гуго вырвало со звериным рычанием, сразу потерявшимся в темноте. Он сплюнул, сунул в рот еще снега, и от холода коренной зуб пронзило болью. Гуго понял, что сейчас умрет прямо тут, повалившись в собственную блевотину. Представил виноватое лицо Либехеншеля, изумленное – Фогта, шушукающихся врачей. Небе,

стучащего зубами. Отца, одиноко сидящего в Берлине под бомбами, без жены и сына.

Попробовал сделать шаг. Вокруг никого не было. Ряды бараков равнодушно наблюдали за ним своими слепыми глазами-окнами. От вида колючей проволоки по периметру Гуго почувствовал себя в западне.

– Герр Фишер?

Опять этот голос. Он эхом заметался среди берез, скользя между ветвей вместе с ветром.

Гуго обернулся. Адель стояла в свете прожектора, всего в нескольких шагах от густой темноты, в которой застрял он сам. Ее лицо было изуродовано тенями. Сыщику показалось, будто девушка злобно усмехается, скаля зубы.

– Подойдите, пожалуйста.

Она приблизилась. Он схватил ее за полу пальто, застав врасплох, и подтянул к себе. Адель не успела даже вскрикнуть. Гуго уронил трость и что было сил зажал ей рот ладонью. Голова кружилась. Все вокруг потускнело, подернулось пеплом, отчетливо завоняло сгоревшими трупами. Гуго видел лишь глаза, ярко блестевшие над его ладонью. Адель смотрела на него в ужасе, что-то мыча и не вырываясь, неподвижная, точно перепуганный воробышек.

– Что было в моем стакане? – прошипел Гуго.

Адель замотала головой, рыжие волны, пахнувшие морем, набежали на ее лицо.

– Яд, да? – Гуго все крепче вжимал ладонь ей в лицо. – Вы меня отравили из опасения, что я все узнаю. Браун тоже обо всем догадался, и вы с Хоффманом его прикончили!

Живот пронзила боль. Гуго отпустил Адель. Он больше не чувствовал больной ноги. Повалился на колени, затем опустился на четвереньки, как загнанный зверь.

– Герр Фишер!

Голос прозвучал глухо, словно пробивался сквозь снег и пепел.

Адель сидела рядом и смотрела на него. Рука затекла. Кто-то его связал. Гуго попробовал пошевелиться и не смог. Привязали к койке или чему-то подобному. Лежал он на спине; ноги, очевидно, тоже связаны. На животе что-то тяжелое сильно давило на желудок и легкие. Дышать было трудно. Он задергался. В ушах отозвался металлический звон.

– Вы же сейчас все повалите! – воскликнула Адель.

Накатил гнев. А он-то, дурень, ей доверял... Попробовал сообразить, где находится, но видел лишь облупившийся потолок со вздыбленной от влажности штукатуркой. Наверное, какая-то потайная комната. Значит, у Адель был сообщник, он же – убийца Брауна. И кто это? Хоффман в тюрьме.

– Где я? – пробормотал он.

Гуго представил себя на анатомическом столе. Никто никогда не найдет его труп. Можно просто-напросто разделить на части и сжечь в крематории. Он станет еще одной горсткой пепла на снегу, и все следы исчезнут. В Берлине решат, что он смылся, испугавшись провала с делом Брауна, его быстро заменят и забудут... Мысли наслаивались друг на друга. Казалось, голова вот-вот лопнет.

Он опять забился и заорал:

– Где я?!

– Лежите спокойно.

– Спокойно?

– Не шевелитесь, и все будет хорошо.

– Что вы со мной сделали? – Гуго попробовал приподняться, с шумом втягивая воздух сквозь сжатые зубы.

– Вы сейчас выдернете капельницу, – предупредила Адель.

Гуго скосил глаза на сгиб локтя и увидел в вене иглу. Трубочка вела к бутылочке, размеренно ронявшей вниз прозрачные капли. Не был он связан. Просто ему поставили капельницу. Наверняка с наркотиком или снотворным.

– Где я? – вновь спросил Гуго заплетающимся языком.

– В офицерском стационаре.

Гуго приподнял голову и с трудом посмотрел на живот. Ужасная тяжесть оказалась обычной грелкой. Он кое-как повернул голову вбок. Он лежал в палате, которую видел мельком, когда ходил на аптечный склад искать цианид. Рядом стояло еще пять коек, все пустые. Со стены на Гуго сардонически смотрел Гитлер.

– Что со мной? – промычал он.

Адель шмыгнула покрасневшим носом. Она явно была простужена.

– А вы рассчитывали прыгнуть после еды в ледяную воду без последствий? У вас сильнейшее несварение желудка. Хорошо, что я отправилась за вами – хотела спросить, чем закончилась история с обручальным кольцом. Иначе вы могли умереть.

– Несварение?!

– Сильнейшее несварение, – с нажимом сказала Адель.

– А я думал...

– Знаю. Вы мне это сообщили.

– Вообразил, что вы меня отравили из-за «Униона».

Адель всхлипнула и опустила на колени, опершись локтями о матрас. Затем молитвенно сжала ладонь Гуго.

– Моя жизнь в ваших руках. Если вы меня выдадите, меня ждет расстрел. Я не могу вам помешать. Но у меня и в мыслях не было убивать вас, я не убийца, пусть и запятнала себя тяжкими преступлениями, потому что работала с Брауном. И все же прошу вас хорошо обдумать то, что расскажете коменданту и...

– Не собираюсь я ничего никому рассказывать, – оборвал ее Гуго, чувствуя, что голова раскалывается. – Именно на это я намекал вам за ужином. У меня нет ни малейшего желания становиться доносчиком.

Адель разрыдалась. Потом торопливо утерла слезы и закуталась в пальто, словно отгораживаясь от мира. Она так и продолжала стоять на коленях, сторбившись и напоминая понурого ребенка.

– Есть целая сеть Сопротивления как в лагере, так и за его пределами, – дрожащим голосом начала рассказывать девушка. – заключенные по мере возможности стараются организовать. Я делаю то, что в моих силах. Таскаю для них бумагу и карандаши из «Канады», чтобы они могли писать записки и дневники. Иногда, если удается, – портативные фотоаппараты, чтобы тайно делать снимки рвов и крематориев. После войны Германии придется объяснять, что

происходило в концлагерях. Боюсь, она это сделает по-своему. Вам известно, что в Берлине строят музей для «экспонатов», которые отсылают туда наши врачи? Хотят доказать потомкам, что места, подобные Аушвицу, были необходимостью, что тут занимались очищением мира от «неполноценных» народов. А если мы проиграем? Я слышала, есть приказ об уничтожении крематориев, газовых камер и всех избобличающих документов. Тогда кому-то придется показать людям правду. Фотографии и дневники тех, кто жил в аду, пригодятся.

Гуго с трудом сделал глубокий вдох. Грелка по-прежнему мельничным жерновом давила на живот. Как же они до такой степени одичали? Когда все пошло под откос? Грохот выстрела вновь зазвучал у него в ушах. Случай в свинг-клубе был его личной точкой отсчета. Он наплевал на мораль ради достижения собственных целей и собственного спокойствия. Правда ли Гуго прежде не догадывался, что происходит в Аушвице, не понимал этого по шуточкам и намекам служащих Пятого управления? Или старался сделать вид, что ничего не знает, потому что правда была слишком неприятна?

Он смотрел в потолок. Пока он прятался в недрах партии, с которой не имел ничего общего, нашлись люди, готовые каждый день рисковать жизнью ради принципов. Оставалось только завидовать их смелости.

– А «Унион»? При чем тут «Унион»?

– Зондеркомандам нужна взрывчатка, – ответила Адель. – Я – передаточное звено между ними и женщинами, работающими на заводе.

– Что? Восемнадцать граммов взрывчатки?

– Нет, конечно. – Адель улыбнулась сквозь слезы. – Эх вы! А еще сыщик. «Восемнадцать» на лагерном означает тревогу. После ареста Берта операция была приостановлена. Придется ждать. Прежде чем женщинам с «Униона» удастся натаскать достаточно взрывчатки, пройдут месяцы. Или годы?.. Или этого не произойдет никогда, и они погибнут. Кто знает? Но мы будем пытаться.

– А зеленые треугольники? – Гуго приподнялся на локтях, устраиваясь поудобнее; теперь от грелки распространялось приятное тепло. – Это вы спрятали их под матрасом Берта?

– Нет. Треугольники – наше с ним общее дело. Прибыв в лагерь, мы поняли, что надо действовать. Нельзя сидеть сложа руки, как в

Ирзее.

– В Ирзее?

– Ну да. Там нам пришлось подчиниться приказам врачей, хотя мы сумели вычеркнуть из списка кое-кого из обреченных на смерть ребятишек. Рисковали, конечно, но все прошло гладко. Спасли немногих, однако каждая спасенная жизнь – это победа.

В висках застучало. Гуго подумал о Йоиле, о том, что не способен ему помочь, не сможет остановить поршень шприца, вводящего фенол в сердце.

– Как вы думаете, Берт мог убить Брауна? У него очень серьезный мотив.

– Я знаю Берта сто лет. Я уверена, что он не убивал.

– Берт и Бетания любят друг друга. А Браун ее насиловал.

– Берт не стал бы убивать даже ради любви. Кстати, а что с тем кольцом?

– Оно действительно нашлось в бассейне на вилле, но фрау Браун предоставила мне вполне убедительное объяснение.

Гуго опустился на подушку. Как он устал, измотан до чертиков. Интересно, в капельнице есть морфий? Несмотря на усталость, тело по-прежнему казалось легким, словно полым внутри.

– Отдыхайте, герр Фишер, уже глубокая ночь. Вы могли умереть...

– И получил бы по заслугам, – вздохнул Гуго.

– Не говорите глупостей.

Адель наклонилась поправить ему одеяло, и их лица в который раз оказались близко. Гуго захотелось поцеловать ее, потеряться в этих мягких губах, опьянеть от запаха соли и песка, напоминавших прилив Ваттового моря. Адель отстранилась, покраснела и улыбнулась:

– До завтра, герр Фишер.

Аушвиц, 27 декабря 1943 года

– Хоффман во всем признался.

Голос Тристана Фогта, отражаясь эхом от стен, разбудил его рано утром и безжалостно вырвал из сна. Гуго машинально посмотрел на стул около кровати. Пусто. Адель не было. За разукрашенными морозом замерзшими окнами стояла темень, лишь на востоке небо слегка посветлело. В здании сохранялась ночная тишина, но откуда-то снизу уже доносился запах кофе. Гуго почесал колючий щетинистый подбородок и скривился.

– Что значит «во всем признался»? – тупо спросил он.

– В убийстве Брауна. – Фогт смотрел на него широко открытыми глазами.

Когда Гуго опустил ноги с койки, ему показалось, что пол вибрирует. Всякий раз, приближаясь к концу дела, он чувствовал, как его охватывает странная меланхолия, похожая на конец любви. Однако сегодня ему что-то не верилось.

– Он хочет с вами поговорить, – настойчиво сказал Фогт.

– Разумеется, – только и выдавил Гуго.

Берт Хоффман сидел на койке и смотрел на посетителя. Опухоль спала, и теперь Гуго отчетливо разглядел его светлые глаза.

– Это я убил Брауна, – четко произнес Берт.

Казалось, его голос заметался по всему одиннадцатому блоку, смешиваясь с кислой влагой, которую источали кирпичи, с затхлой вонью помещения, никогда не видевшего солнечного света. Гуго взял стул, поставил у стены, сел, снял шляпу. Температура оставалась высокой, и ему было нелегко унять дрожь.

– Каким образом?

– Съездил ему кулаком по лбу и заставил принять цианид.

– А цианид где взяли?

– Украл в аптеке, пока лежал с бронхитом.

Гуго хлюпнул носом и закашлялся. Вчерашняя ледяная ванна вышла ему боком. Жар затопил виски, готовый вылиться наружу. В

такие минуты хронические болячки могли обостриться. Гуго постарался вынырнуть из путаницы случайных мыслей и хоть как-то сохранять ясность мышления.

– Почему вы его убили?

– Все равно не поймете, – с запинкой ответил Хоффман.

– А вы попробуйте объяснить.

Санитар согнулся в три погибели и зашелся в приступе кашля – лишнее доказательство того, что именно Хоффмана Йоиль видел в коридоре с Бетанией.

– Браун затащил меня в преисподнюю. Сначала в Ирзее, потом здесь. Скажите, герр Фишер, на дворе действительно двадцатый век?

Гуго промолчал.

– Век прогресса! – Хоффман истерически засмеялся. – Я видел такое, чего не должен видеть человек, живущий в век прогресса. Как-то, вскоре после приезда в Аушвиц, я уронил банку с формалином. Открыл окно, чтобы проветрить комнату, и выглянул наружу. Там стояла семья. Отец, мать и ребенок нескольких месяцев от роду. Палач-душитель повалил на землю отца с матерью и убил. Знаете, кто такие душители?

– Нет, – ответил Гуго; во рту у него пересохло.

– Душители кладут железную палку на горло приговоренным, прыгают на нее и балансируют до тех пор, пока не сломаются позвонки. Я подумал, что эти двое совершили нечто ужасное, иначе бы их расстреляли.

– А ребенок?

– Палач раз-другой стукнул его головой о землю, точно свежесловленного осьминога.

Гуго зажмурился. Вспомнил новорожденную, растоптанную на станции, и мерзкое чавканье. Голова закружилась, а воздух в камере сделался густым, хоть черпай ложкой.

– С того дня я возненавидел Аушвиц всей душой и решил начать бороться хотя бы при помощи треугольников.

– Как вы пришли к мысли убить Брауна?

– Никак. Потерял голову во время ссоры.

Гуго прищурился. Убийство Брауна, пусть и совершенное под влиянием эмоций, было подготовлено. Заранее обдуманно и тщательно подготовлено, хотя эмоции и привели к ошибкам. Да и зачем Берту

передавать записку в «Канаду»? Кому? Бетания была у него под боком, в десятом блоке, как и все прочие.

– Из-за Бетании? – спросил он.

Берт медленно поднял взгляд, помассировал руки. Он, похоже, не удивился – значит кто-то предупредил его, что отношения с француженкой раскрыты.

– У вас же был с ней роман, да?

– Я люблю Бет, это не преступление.

– Преступление, согласно законам о чистоте расы.

– Я не придерживаюсь подобных законов.

– Вы убили Брауна потому, что он насильничал Бетанию?

– Этот кабан взял ее силой! – рявкнул Хоффман, ударив себя кулаком по колену.

Санитар разнервничался, а вышедшие из себя люди совершают ошибки, выводящие их на чистую воду.

– Он совершил кое-что и похуже...

– Что именно?

– Бетания забеременела. Мой был ребенок или Брауна – кто сейчас скажет? Но о нас он не знал. Всполошился, понятное дело, и решил избавиться от Бетании. Отправил ее в тюрьму. Тогда мы с Адель убедили его, что это выглядит крайне подозрительно. Бетании сделали аборт и велели держать язык за зубами.

– Потеря крови вызвана абортом?

– Нет, – ледяным голосом ответил Хоффман, еле сдерживаясь. – Браун считал Бетанию низшим существом, но не мог противостоять своей похоти. Клауберг обо всем знал и молчал, не желая предавать своего единственного друга. Недели через две он предложил Брауну поставить на Бетании опыт по новому методу стерилизации, чтобы уберечь ее от повторной беременности.

– Какой опыт?

Невидимая рука вновь сжала желудок Гуго так, что перехватило дыхание. Под снегами Аушвица скрывался невыразимый ужас, а он зачем-то усердно их разгребает, поднимая на поверхность всю грязь.

– Радиоактивное облучение давало мало результатов, а если и давало, то спустя длительное время. – Берт, казалось, погас. – Тогда Клауберг решил поэкспериментировать с жидкостью на основе нитрата серебра и формалина, смешанной с радиоактивным

контрастным веществом. Он вводит это в шейку матки «крольчих» и хвастается, что может стерилизовать их тысячами в день. Вам известно, что «Шеринг» собирается выкупить права на эту жидкость?

[\[13\]](#)

– Побочные эффекты есть?

– Сильные боли и обильные кровотечения.

Гуго сжал кулаки так, что побелели костяшки. Ну конечно, век прогресса.

– Бетания выжила, – глухо продолжил Хоффман. – Но я ничего не мог сделать, чтобы защитить ее от операции и от унижения.

– То есть вы убили Брауна из мести?

– Вы поступили бы иначе?

– Чего бы я точно не стал делать, так это убивать из-за еврейки. Вы же ариец! Как вам только пришло в голову подобное?

В гневе люди неосторожны, и Гуго нужно было довести медбрата до белого каления, чтобы тот утратил самоконтроль. Хоффман чуть не взорвался, как криминолог и ожидал.

– Что означают буквы «АБО»? – продолжал насесть он.

Санитар облизал губы и промолчал. Однако он должен был знать, что доктор оставил записку, если действительно убил Брауна.

– Хорошо. Что скажете насчет подвески?

– Подвеска... – Хоффман взял себя в руки. – Моя. Подарок матери.

– Надпись на обороте и правда трогательная. «Ты вся моя жизнь». – Гуго повел рукой, словно выписывая несуществующие слова.

– Она очень меня любила, – сказал Хоффман, захлопывая дверцу мышеловки.

– На обороте нет никакой надписи!

Гуго подался вперед, в упор глядя на санитаря. Тот раскрыл рот. Наверное, сейчас земля ушла у него из-под ног.

– Надо было получше подготовиться, – заметил Гуго. – Прежде чем братья за роль, нужно ее выучить. А теперь отвечайте, кого вы покрываете? Бетанию? Адель? Осмунда?

– Никого я не покрываю. Просто устал, и в голове все путается.

– Не убивали вы Брауна, – подвел итог Гуго и пригрозил: – Я все равно узнаю, кто убийца.

Он встал, надел шляпу. В голове что-то пульсировало, начиналась мигрень. Температура, похоже, опять поднялась. Гуго решил не обращать на это внимания.

– Просто запишите мое признание, и покончим на этом! – зло закричал Берт.

На мгновение Гуго одолели колебания. И правда, можно ведь на все наплевать. Принять «чистосердечное» признание этого осла, покинуть Аушвиц и вернуться в Берлин на белом коне. Небе останется доволен. Либехеншель тоже.

– Черта с два! Не затем я учился на следователя!

Йоиль сидел на каталке. Катетер сосал из него кровь. Гуго обрадовался, что мальчик еще жив.

– Привет!

Йоиль не ответил, он был какой-то сонный. Медсестра отвесила ему подзатыльник, едва не свалив с каталки, и только тогда он очнулся.

– Добрый день, герр Фишер.

– Как дела? – Гуго снял шляпу, осторожно положил на край каталки.

– Хорошо. – Йоиль внимательно посмотрел на него. – А вы выглядите ужасно.

– Угодил, понимаешь, в больницу. – Гуго потер лицо, мечтая о горячем кофе, кровати и инъекции морфия. – Ерунда, пройдет.

– Герр Фишер, я тут кое-что придумал, – зашептал Йоиль, едва медсестра отошла. – Если мы украдем зеленый треугольник, вы найдете моего папу и он сможет покинуть Биркенау.

– Йоиль... – Язык Гуго едва ворочался.

– А потом и для мамы можно сделать так же. Если она найдется, нам всем сразу станет лучше. Даже моему брату. Она всегда нас лечила, когда мы болели. Уверен, она и тиф вылечит в два счета.

– Йоиль, – повторил Гуго и прикрыл глаза от боли. – Лагерь очень большой, в списках имен твоих родителей нет, на поиски уйдет уйма времени. Мне кажется, тебе лучше перестать о них думать.

– Почему? – Мальчик вытаращил глаза. – Вы бы сами так поступили?

Гуго пожал плечами.

– У вас есть мама?

– Была.

– Она умерла?

– Когда мне было тринадцать. Упала, катаясь на лыжах.

– Вы по ней скучаете?

Гуго поймал себя на том, что улыбается. Сердце защемило, как всегда, когда он вспоминал, какая она была красивая. Высокая, стройная, с густыми каштановыми волосами, собранными на затылке,

с огромными серыми глазами, точь-в-точь как у него. От нее пахло имбирным печеньем, а когда она играла на рояле, то казалась ангелом, и все сразу смолкали. Они ездили к Северному морю, и мама ходила по песку босиком, держа сандалии в руках, а Гуго радостно шлепал по ее следам.

– Очень, – коротко ответил он. – Даже сейчас, когда я большой и взрослый.

– Видите? Нельзя перестать думать о родных.

Наверное, они шушукались, словно заговорщики, потому что медсестра поглядывала на них косо, затем подошла, выдернула иглу из вены Йоиля и мотнула головой: мол, уматывай.

– Вы что-то хотели, герр Фишер? – спросил мальчик, опуская рукав рубашки.

– Да. Еще раз взглянуть на твои рисунки.

Кивнув, Йоиль заторопился было к выходу, но голова закружилась, его повело, он упал, ударился и от боли застонал.

– Тебе ничего не дают поесть после забора крови? – Гуго бросился ему на помощь; трость мешала.

Йоиль покачал головой, хватаясь за его руку:

– Надо дождаться ужина. Или дядя Менгеле что-нибудь мне даст. Печенье или шоколадку.

– Много они из тебя выкачали.

– Знаю.

Покачиваясь, Йоиль вышел в коридор. Мальчик знал блок как свои пять пальцев. Это место, несмотря ни на что, уже стало ему домом. Они вошли в спальню, и Йоиль выдвинул ящик стола, достал рисунки.

– Вот.

Гуго принялся рассматривать их один за другим, надеясь отыскать хоть что-нибудь, какой-то намек. Вот красные капли на полу – он вспомнил о кровотечении у Бетании. На столе блокнот и перо. «АБО». Адель, Бетания и Осмунд? Или Анита, Брунгильда и Осмунд? Что, черт возьми, хотел сказать Браун, стоя на пороге смерти?

– Покажи-ка мне портрет Брауна... Ты очень хорошо нарисовал шишку на лбу.

– Интересно, как он ее получил? – Йоиль склонился над рисунком.

– Кто-то его ударил.

Берт сказал, будто ударил кулаком, – он соврал, теперь это было очевидно.

– Смотри-ка, Йоиль, кожа поцарапана, вряд ли били голыми руками.

– Я видел, как один поляк дрался с капо.

– Здесь, в лагере?

– Да, бои устраивают на апельплац. Там любой заключенный может отколошматить капо. Мы всегда боеем за заключенных.

– И капо приходится несладко? – Гуго не без удовольствия рассмеялся.

– Случается. Правда, тогда ээсовцы дают капо кастет.

– Вот сволочи. – Гуго закрыл альбом.

– А не могли и доктора Брауна стукнуть кастетом?

– Вряд ли. Тогда рана была бы больше и, вероятно, рваной. Его стукнули чем-то маленьким.

– Мои рисунки вам сегодня помогли?

– Они подарили передышку. Мне нужно время для размышлений.

– Тогда, может быть, вы передумаете насчет треугольников?

– Не могу, – вздохнул Гуго.

– Я слышал от Менгеле, что сегодня прибывает «особый груз», – не отставал Йоиль. – В Биркенау вызвали всех врачей и офицеров, даже коменданта. А мы бы с вами отправились искать папу и дали бы ему зеленый треугольник.

– Нет, Йоиль. – Гуго постарался говорить твердо. – Мне очень жаль, но я ничем не могу помочь. Биркенау просто огромен.

На лице Йоиля отразилось разочарование, но Гуго предпочитал сделаться объектом его ненависти, лишь бы не рассказывать об умирающем отце.

Небо было грязным. Косой, какой-то мертвенный, душный свет уродовал все, на что падал. Если бы не снег, мир выглядел бы как потусторонний. Под пушистым покрывалом даже лагерные бараки из красного кирпича казались аккуратными, красивыми домиками. Аллеи были чистыми, вдоль обочин росли деревья, иней на ветках сверкал под прожекторами. Впрочем, глядя на Аушвиц, Гуго уже не мог доверять своим глазам.

В сумерках он решил прогуляться. Нужна была новая деталь, чтобы разблокировать заклинившую шестерню. Не хватало одного-единственного элемента, который подскажет, какая дорога выведет из темноты.

Остановившись у двадцать четвертого блока, Гуго закурил. Устало привалился к стене. В голове множество вопросов боролись с температурой, не желавшей опускаться, несмотря на все холодные примочки. Дверь в барак раскрылась, и оттуда выглянула Роза. Удивление на ее лице мгновенно сменилось лукавой улыбкой.

– А я знала, что вы вернетесь, – промурлыкала она. – Пойдем наверх?

– Спасибо, боюсь, момент неподходящий.

– За что спасибо-то? Никс камела, никс травахо, как говорят у нас здесь. Нет еды, нет работы. Нет работы, нет еды!

– Я же сказал, сейчас не время. – Гуго глубоко затянулся, из-за жара вкус у табака сделался кислым и неприятным.

– Какой-то вы сегодня дерганый.

Роза по-хозяйски огляделась, оперев руки в бока. Встретившись взглядом с заключенным, убравшим снег, улыбнулась ему. Ее служба предоставляла ей определенную свободу и придавала смелости. Мимо прогромыхал грузовик с красным крестом; Роза проводила его взглядом и вздохнула:

– За новыми поехали.

– За новыми?

– Ну да. Забирают трупы шприцованных.

– Что это значит? – Гуго приподнял брови, делая очередную затяжку.

Он чувствовал себя не в своей тарелке, дикий лагерный жаргон вызывал отвращение.

– Мне тут говорили, что сперва эсэсовцы были крайне жестоки с заболевшими, – обстоятельно начала Роза. – Убивали их толпами, прямо на перекличке, на глазах у всех остальных. Теперь больных отправляют в госпиталь, и там врач делает им укол фенола в сердце. – Роза пошевелила большим пальцем, нажимая на воображаемый поршень. – Заключенным говорят, что это лекарство против тифа. Раз-два – и дело в шляпе. А вечером приезжает грузовик забирать трупы. Так все... «приличнее», – с горечью добавила она. – Ах, когда выйду из лагеря, вернусь в Эггенталя. Там хорошо. Вы тоже приезжайте, если эта война когда-нибудь закончится. Воздух у нас в Баварии – не надышишься.

Роза закрыла глаза. Гуго понимал, что она пытается хоть на минуту сбежать из ада.

– Кажется, я уже там, – прошептала она. – Черепичные крыши домиков, теснящихся на фоне гор. И небо там всегда голубое. В детстве я босиком бегала по лугам среди пасущихся коров. – Роза покосилась на Гуго – Не знаю, бегали ли вы когда-нибудь под мычание и звон коровьих колокольчиков?

– Увы, я городской.

– Тогда вы понятия не имеете, что такое свобода, – заявила Роза. – И какая нужна сноровка, чтобы не вляпаться в коровью лепешку. Насколько же унизительно попасть сюда и увидеть море дерьма, через которое не перепрыгнуть...

– Могу представить.

– Да ничего вы не можете. Выйдя из поезда, я обнаружила среди эсэсовцев кучу баварцев, даже своих земляков из Эггенталя, понимаете? Некоторых я знала с детства, они еще бегали за мной в начальной школе... Унизительнее не придумаешь.

– О ком вы говорите?

– Да хоть о том же Тристане Фогте.

– То есть вы были знакомы прежде?

– Вместе в школу ходили. Кстати, заводной был мальчишка, нравился мне. Он-то и посоветовал мне на перекличке согласиться на

работу, предложенную Сигизмундом. Сказал, что это единственный способ выжить тут. Я последовала его совету. И сменила имя.

– Сменили имя? – По спине Гуго поползли мурашки.

– Ага. Была Одалиндой, стала Розой. Какой смысл носить имя человека, которого больше нет?

– Не может быть! – воскликнул Гуго, мысленно возвращаясь к записке Брауна.

– Совет Фогта спас мне жизнь. Вам это покажется, конечно, странным, но иногда, чтобы выжить, приходится идти на компромиссы.

– Что за человек Фогт?

– Со мной он всегда обходителен, хотя я видела, что он совершил немало злых дел, как и прочие эсэсовцы. В Аушвице так уж заведено: слабые погибают, даже если ты офицер. Как думаете, сколько протянет Либехеншель? Говорят, он чересчур мягкотел. – Роза постучала пальцем по губам. – Угостите девушку сигареткой?

Гуго дал ей сигарету, щелкнул зажигалкой. Роза затаилась и вздохнула.

– Тристан когда-то был таким жизнерадостным, – произнесла она с легкой печалью. – После смерти сына он вступил в СС и совершенно переменялся. Аушвиц ожесточил его, уравнивал с другими.

– Его сын умер от воспаления легких, если не ошибаюсь?

– Да. Но может, оно и к лучшему.

Гуго вопросительно посмотрел на нее.

– Странный был ребенок. Ни с кем не разговаривал, не смотрел в глаза. Временами у него бывали приступы ярости. Вроде бы в их семье встречались случаи шизофрении, его мать тоже была странной. Помоему, у нее была какая-то редкая кожная болезнь. В один прекрасный день приехали врачи и забрали малыша на курс интенсивной терапии. Домой он не вернулся, подхватил в больнице пневмонию и умер.

– Значит, здесь есть и другие ваши земляки?

– Есть, сплошное офицерье. Когда-то волочились за мной, а теперь нос воротят от коммунистической проститутки, только и заслуживающей, что гнить в тюрьме и ублажать капо. Сами ко мне ни-ни, предпочитают, чтобы кровь у них брали шлюшки из десятого, – добавила Роза, видимо намекая на Бетси.

Сердце у Гуго подпрыгнуло.

– Брать кровь, брать кровь... – лихорадочно забормотал он.

Озарение окатило его холодной волной, да так, что он едва не задохнулся. Электрический импульс, пробежавший по телу, заставил забыть о высокой температуре.

– И как же я сразу не понял?! «АБО» – не инициалы! О – это не буква, это ноль!

– О чем вы? – не поняла Роза. – Еще один сумасшедший.

– Я должен срочно позвонить! До меня кое-что дошло!

Размахивая тростью, он поспешно заковылял к бараку, у которого сгружали почту. Внутри наверняка найдется телефон.

«Не могу», – сказал Гуго Фишер. Такой же, как все! Занят только собой и дохлым Брауном, а слова не держит. Йоиль пнул стул. Он был страшно зол. Ну хорошо, если Фишер не хочет отвезти его в Биркенау, он отправится туда сам.

Натянув пальтишко, Йоиль покинул спальню. Сбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и вылетел на улицу. Темнело. Он еще не придумал, как покинуть Штаммлаг, и решил пройтись. От холода голова всегда начинала работать лучше, исчезало противное оцепенение, которое охватывало мальчика после забора крови.

Глядя на еще пустынную аппельплац, Йоиль представил, как они вчетвером вернутся на Пьяцца Маджоре, освещенную по вечерам янтарным светом фонарей, и дойдут до конца улицы к двум кривым башенкам, за которыми начинается гетто.

Он застегнул пальто на все пуговицы и попрыгал, чтобы согреться. Коленки уже посинели, но Йоиль приказал себе не сдаваться на милость обстоятельств и зашагал дальше. Дойдя до двадцать четвертого барака, он увидел Фишера, болтающего с какой-то теткой. Слов он не разбирал, но вдруг Фишер отклеился от стены и направился в сторону Йоиля. Пришлось спрятаться в густой тени за березой, чтобы немец его не заметил.

Несмотря на хромоту, тот довольно бодро проковылял мимо – явно куда-то спешил. Может быть, если Фишер нашел убийцу, у него наконец-то появится время помочь отцу? Надо бы за ним проследить.

Йоиль неслышно крался за следователем. Они миновали кухню и аппельплац, и Фишер зашел в блок. Йоиль шмыгнул следом, прижимаясь к стене и стараясь не топтать. Фишер попросил у эсэсовца разрешения позвонить. Йоиль присел на корточки и осмотрелся. Помещение было тесным, заставленным шкафами и стеллажами, с грудями бумаг на полках. Повсюду пишущие машинки и стопки писем, грозящие рассыпаться и завалить все вокруг. Пахло пылью и чернилами.

Эсэсовец склонился над бумагами и принялся что-то вычеркивать. Бетания как-то объяснила, что все письма из лагеря читаются и

исправляются. Воспользовавшись случаем, Йоиль нырнул под стол.

Гуго Фишер говорил по телефону:

– Именно так... Можете прочитать дату? Что-что? Четвертое декабря тридцать первого года и двадцать первое тридцать девятого? Благодарю.

Фишер удовлетворенно засопел, положил трубку и невидящим взглядом уставился на телефон, висевший на стене.

– Узнали что-нибудь? – поинтересовался эсэсовец.

– Узнал. Либехеншель у себя, не подскажите?

– Комендант в Биркенау. Сегодня вечером все там. Прибыла крупная партия.

– Спасибо.

Фишер, хромя, протопал мимо стола и покинул блок. Йоиль остался сидеть, пока ноги следователя не скрылись из виду, а затем, убедившись, что эсэсовец с головой погружен в чтение писем, выскочил наружу. Осмотрелся, ища Фишера, но того уже поглотили вечерние тени.

Что же дальше? Йоиль оглядел аллею. У крыльца двадцатого блока стоял грузовик, куда санитары стаскивали трупы. Йоиля передернуло при мысли о том, что он собирается сделать, но иного пути добраться до Биркенау не было. Собрав волю в кулак, он бросился туда и спрятался за колесом. Дождался, пока все не скроются в бараке, забрался в кузов.

И окаменел.

Трупы были голыми. Рядом лежал один, до того худой, что Йоиль мог пересчитать все ребра. Глаза и рот – широко открыты, а скрюченные пальцы, казалось, вот-вот схватят его.

– Побыстрее с этими отбросами! – заорали снаружи.

Заклученные начали швырять в кузов новые тела, одно угодило прямо в Йоиля. Сердце чуть не выскочило из груди, на глаза навернулись слезы. Он отодвинулся от холодного влажного тела, забился в угол, подтянул коленки к подбородку и спрятал лицо. Сердце билось, как барабан. На миг все вокруг сделалось белым, заискрилось и оглушительно зазвенело.

Грузовик рывком тронулся с места, и труп опять ударился о Йоиля. Не выдержав, тот разрыдался и, всхлипывая, распластался на дне, чтобы его не обнаружили. Наконец грузовик выехал за ворота с

черной надписью и затарахтел по дороге. Трупы навалились на Йоиля со всех сторон. Они воняли потом и нечистотами. Йоиль свернулся калачиком и крепко зажмурился, чтобы их не видеть. «Я еду к маме и папе», – повторял он, чтобы придать себе храбрости.

Попробовал думать о людях в кузове, как будто они живые. В конце концов, в поезде было все то же самое: грязь, вонь, теснота. «Я туда не полезу! – сказала мама, взглянув на скотовозки. – Если это эвакуация, тогда почему нас везут в таких вагонах?» Ей все равно пришлось сесть, когда немцы начали подпихивать ее своими винтовками. Им удалось занять место у зарешеченного окошка, где дышалось чуть свободнее, но и это не спасло: несмотря на холод, люди потели, а помойное ведро быстро переполнилось.

Через несколько дней умер синьор Леви. Папа сказал, что у него удар. Тело перенесли в конец вагона и закрыли покойному глаза. Сначала он выглядел спящим, потом начал вонять. Поезд подолгу стоял на станциях, однако труп так и не убрали.

Снаружи доносилась немецкая речь, и Йоиль с отцом упражнялись в переводе. Как-то вечером Йоиль влез на пустое ведро из-под воды и свистнул немцу. В вагоне все страшно перепугались. «Нас сейчас перестреляют, как собак!» – зашипела одна женщина. Эсэсовец не стал стрелять, а просто поболтал с Йоилем. Ему было двадцать пять лет, родом с севера, из небольшой деревушки, где его ждет двухлетний сын. Когда война кончится, они обязательно пойдут вместе на реку. Они разговаривали с час, а потом немец дал Йоиллю хлеба и ветчины, которыми он поделился со всеми.

Грузовик притормозил, возвращая Йоиля к реальности. Он поднял голову и узнал очертания Биркенау. Фары высветили стены и колючую проволоку. Они въехали в ворота и вновь остановились. Шофер принялся сигналить, требуя освободить дорогу.

Йоиль высунулся из-за горы тел. Он впервые видел главную башню изнутри лагеря. Пора было выбираться. Сжав зубы, он перелез через трупы и спрыгнул в снег. Фырчащий грузовик отправился дальше.

Йоиль огляделся. Биркенау действительно оказался огромным. По обеим сторонам дороги тянулись бесконечные ряды бараков, разделенные колючей проволокой на секторы. Он растерялся. Да-а, без Гуго Фишера родителей, похоже, не найти.

– Эй, ты! – рявкнул над ухом голос.

Йоиля ударили по спине прикладом винтовки, подталкивая к веренице женщин с детьми, показавшихся из темноты. Все они в ужасе озирались.

– Возвращайся к своей группе! – гаркнул эсэсовец.

Йоиль подчинился. С ними он сумеет проникнуть в один из секторов. Если повезет – прямо туда, где мама. Очень может быть, раз здесь женщины и дети.

– Вы откуда? – спросил Йоиль у женщины с младенцем на руках.

В ответ та тихонько завывала. Она в смятении качала ребенка, ее лицо покраснело от мороза.

– У вас есть номер? – Йоиль показал ей руку с татуировкой.

Женщина непонимающе уставилась на него. До Йоиля дошло, что она из новых и не говорит на его языке.

– Не бойтесь, – все-таки сказал он. – Все будет хорошо.

В день прибытия в Аушвиц им с отцом пришлось всем переводить. Грубый немецкий язык как ножом резал воздух. Даже когда немцы не сердились, все равно казалось, что они тебя ненавидят. Волчий язык. Точь-в-точь лай овчарок, которых они водили на поводках. В общем, потребовалось объяснять, что «*alle heraus*» означает «все на выход», «*schneller*» – «быстрее». Последними словами, которые тогда перевел Йоиль, были «*Zwillinge heraus*». Приятный мужчина в чистых белых перчатках шел сквозь толпу, выкрикивая эту фразу.

– Что он говорит? – спросила мама.

– «Близнецы на выход», – ответил Йоиль.

И тут Менгеле углядел их с Габриэлем и выдернул из строя. Обоих подвели к столбику и измерили рост. Менгеле дал им по карамельке.

– Вы оба пойдете со мной, – сказал он и обернулся к их родителям. – С ними все будет хорошо. У нас есть специальный лагерь для близнецов, там много еды и отличные условия.

Эсэсовец отвел их к другим детям. Йоиль спросил по-немецки, не могут ли мама с папой тоже отправиться в лагерь для близнецов. Услышав родную речь, Менгеле резко обернулся. Подошел, схватил Йоиля за подбородок и долго рассматривал его лицо в свете фар. С этой минуты Йоиль стал любимцем Менгеле.

– Глаза! – восторгался тот. – До чего редкие у тебя глаза! – Затем кивнул унтеру. – Этих двоих не в лагерь. Отвезите в десятый блок Штаммлага. И чтобы ни один волос с головы не упал!

С тех пор прошел всего месяц, хотя Йоиллю казалось – целая жизнь.

И вот он шел в толпе женщин и детей с нашитыми на одежду желтыми звездами, думая, что, не будь его глаза такими странными, не пришлось бы разлучаться с родителями. Эсэсовец поторапливал, но Йоиль не знал, как это перевести остальным. Эти люди говорили на самых разных языках, на всех, кроме итальянского. Наконец немец ослабил поводок овчарки. Слова оказались не нужны, укусы за лодыжки заставили людей поторапливаться.

Йоиль поднял голову. По небу медленно ползли снеговые тучи. Редкие пока снежинки уже начали свой привычный танец. Одна села прямо на нос Йоиллю и тут же растаяла. Женщины жались друг к другу, словно черные перепуганные вороны. От мороза носы и щеки у всех покраснели. Грязные и наверняка голодные детишки таращились с любопытством. Йоиль хорошо помнил, каким голодным он сам вышел из поезда. Как и в тот раз, позади плелись старики, переваливаясь с ноги на ногу, словно на их плечах лежал груз прожитых лет.

И тут Йоиль увидел Адель, шедшую мимо быстрым шагом в группе врачей. Они узнали друг друга, но она отвернулась в сторону и тут же исчезла.

Либехеншель с другими офицерами был где-то у второго крематория, как объяснил часовой на воротах. Гуго захромал по снегу. Приходилось прилагать усилия, чтобы сдвигать больную ногу. Теперь, когда все кусочки головоломки встали на свои места, ему казалось, что напряжение того гляди порвет его на части. Адреналин зашкаливал, и Гуго потел, как в лихорадке. В висках стучало, во рту пересохло. Наверное, со стороны он выглядел как безумец.

Громко просигналил грузовик, требуя убраться с дороги. Гуго обернулся и увидел полный кузов трупов. Отступил на обочину, едва не поскользнувшись, и зашагал дальше по главной дороге, патетически взывая к собственному телу и силе духа. Чем ближе он подходил к крематорию, тем сильнее воняло дымом и горелым мясом. Нос и язык, похоже, каким-то образом привыкли к этим запахам.

Гуго заставлял себя не обращать внимания на группы евреев, которых гнали по обеим сторонам дороги. Он не мог посмотреть им в лицо, заглянуть в глаза и признать в них людей. Попытайся он это сделать, силы оставили бы его. Он провалился бы в бездонную пропасть, откуда нет возврата. А сейчас ему требовалась вся энергия, что еще осталась.

У ограды крематория Гуго предъявил пропуск и нырнул в ослепительный свет фар, ища знакомые лица среди множества эсэсовцев с автоматами на изготовку и непрерывно лающими собаками. Пошел снег. Пополам с пеплом.

Огромное здание, представшее его глазам, было построено из красного кирпича. Из высокой трубы валил дым. Крематорий ничем не отличался от тех, которые Гуго уже видел рядом с «Канадой». Площадка у крыльца, ведущего в его чрево, была серой. За пеленой снега виднелись трубы поменьше.

Гуго потолкался среди охранников, так никого и не узнав. Нужный ему человек мог быть где угодно. Спросил одного, другого. Никто его не видел. Наконец кто-то сказал, что в «Канаде». Да, туда он и ходил. Там выбрасывал свои записки. Там он и сейчас. В замешательстве Гуго подумал, что надо было сразу идти туда. Он

вышел на Лагерштрассе, добрался до березовой рощицы, засыпанной снегом, откуда открывался вид на два других крематория.

Показался склад во всем своем великолепии: тридцать барачков, ярко освещенные фарами грузовиков. Заключение трудились не покладая рук: таскали чемоданы прибывших из лагеря в Дранси. Багаж возили на тележках и без разбора сваливали в огромные неопрятные кучи, так что почти не оставалось места для прохода: тысячи жизней, воплощенные в обыденных мелочах, были выброшены и безжалостно растоптаны вместе с историями, которые они могли рассказать.

Обогнув очередной такой холм, Гуго стиснул зубы и решил сосредоточиться на деле, чтобы не ухнуть с головой в очередной водоворот мыслей. Он замешкался, хотя точно знал, какой блок ему нужен.

Увидев фигуру на фоне стены, он почувствовал торжество. Аж вспотел, и от горячей кожи, казалось, повалил пар. Как ни в чем не бывало Гуго направился к силуэту, черневшему в свете фар. Ему даже не пришлось совать руку в карман и нащупывать пузырек с морфием. Он достаточно долго бегал от собственных демонов, чтобы шарахаться от какого-то убийцы.

– Долго же я вас искал! – воскликнул Гуго.

– Чем могу?

– Нужно с вами поговорить.

– Тогда поищем местечко поспокойнее.

– А можно и мне поучаствовать? – спросил другой голос, и из-за угла выступила массивная тень.

В березняке было тихо. Свет фар и прожекторов сюда не попадал, и темнота сомкнула синеватые пальцы на тонких стволах. Березовые ветви тесно переплетались, образуя сеть, почти затмевавшую небо. В них что-то жутковато поскрипывало – может быть, какая-то потревоженная птица.

Медленно падал снег, укрывая все ватным одеялом. Снежинки забивались Гуго за воротник, остужали затылок. Человек, которого он искал, смотрел на него ледяными глазами – точь-в-точь две щели в улыбающемся черепе на фуражке. Сообщница держалась за его руку, как будто боялась упасть.

– Лучше бы вам было обойтись признанием Берта Хоффмана, – заметил офицер, направляя на него ствол пистолета.

На Гуго уставился еще один черный зрачок, такой же непроницаемый и холодный.

– Не в моих обычаях, – ответил криминолог.

– Не понимаю, как вы меня вычислили.

– Вы оставили крошки на тропинке, как в сказке братьев Гримм, помните? Мне оставалось просто пройти по ним. Откуда начать? С записки Брауна?

Человек молча смотрел на него, будто намекая, что нужно продолжать. Гуго никогда не понимал, зачем нужны объяснения людям, припертым к стене. Разобраться в своих ошибках? Узнать, кто их предал? Или из странного самолюбования? Вот только незадача: на сей раз убийца не сидел в камере, а направлял на него пистолет.

– АБ-ноль, – объяснил Гуго, стараясь держать себя в руках. – Сначала я ошибочно решил, что это инициалы. Но это не «О», это ноль. Вы вырвали листок, однако не подумали, что Браун рассчитывал не на него, а на следующий. В результате Браун оставил нам два послания. Первое: он знал, что его собираются убить при помощи цианида. Второе: разоблачение личности убийцы.

На лице Тристана Фогга отразилось удивление, Анита Куниг вздрогнула.

– АБ-ноль – это группа крови, – продолжил Гуго. – Все члены СС обязаны сделать под мышкой татуировку с группой крови. Осмунд и Берт не эсэсовцы, в отличие от вас.

Фогт тихонько хмыкнул и сощурился, воздавая должное сообразительности Брауна. Анита, напротив, побледнела от страха, на глазах заблестели слезы. Порыв ветра сдул с лица прядь волос, обнажив уродливое родимое пятно кофейного цвета: кожную болезнь, как думала Роза.

– В вечер убийства вы попросили Сигизмунда Брауна принять вас якобы для важного разговора, – продолжил Гуго, не обращая внимания на пистолет.

Он на секунду закрыл глаза и представил кабинет Брауна, льющуюся из граммофона музыку, кресло, в котором хозяин курил сигары, халаты на крючках, микроскопы, пахнущую праздником елку.

– Вы пришли к нему и долго беседовали под музыку, точно старые друзья. Между тем двадцать первое декабря – важная для вас дата. День смерти Бастиана. Браун, разумеется, не помнил вашего сына – слишком много детских смертей на его совести.

Гуго представил растущую ненависть, охватившую этих двоих, когда в Аушвице они наконец-то оказались лицом к лицу с убийцей их ребенка. Видимо, им пришлось скрывать от всех свои отношения, чтобы не возбуждать подозрений: они прятали боль и готовились отомстить.

– Тогда же вы показали Брауну подвеску Бастиана.

Гуго вообразил золотую «Б», блеснувшую в свете настольной лампы. Дата на обороте – день рождения Бастиана. Подвеску вернули родителям вместе с одеждой мальчика и свидетельством о смерти с ложным диагнозом «воспаление легких».

– Никто из окружающих не подозревал, каким особенным был этот мальчик, который не смотрел в глаза людям, ни с кем не разговаривал и играл в странные игры. Не поняла врачебная комиссия, отправившая его в Ирзее, не понял Браун, отравивший его цианидом, поскольку запасы фенола кончились, а доктору не терпелось прикончить маленького уroda и отправиться обедать.

Анита разрыдалась. Фогт по-прежнему держал Гуго на прицеле, однако рука у него дрожала, а лицо превратилось в восковую маску. Гуго представил, как Фогт достает из кармана ампулу с цианидом и

приказывает Брауну надеть белый халат. Убивая Бастиана, тот был врачом, значит и умереть должен в ампуле врача.

Браун подчинился и попросил, закатывая рукава: «Позвольте написать прощальную записку жене». Он присел за письменный стол, но Фогт, увидев какую-то абракадабру, взбеленился, вырвал листок и уничтожил его впоследствии. «Теперь жри!» – велел он и протянул Брауну ампулу, направив на него пистолет. «А если не стану? Выстрелите? На шум сбегутся люди», – усмехнулся Браун.

– Вы хотели сохранить хладнокровие до конца, но перед глазами встало лицо Бастиана. Тогда вы ударили Брауна со всей силы, оглушив того. След, оставшийся на лбу, – от вашего кольца с черепом, но это я понял далеко не сразу. Прежде чем он успел закричать, вы схватили его за шею и прижали к себе. Царапины на шее Брауна – следы ваших знаков отличия на мундире, а запах – вашего одеколona.

Так эти двое стояли минуту-другую. Гуго видел их как наяву. Браун был без сознания, скорее всего бессильно висел в руках Фогта. Тому пришлось раскрыть ему рот, засунуть ампулу, придержать и надавить на подбородок. Ампула треснула, осколок порезал Фогту палец, заставив ругнуться. Ранка, которую видел Гуго, была вовсе не следствием злющего польского мороза.

– Кровь капнула на пол, вы в горячке этого не заметили. – Гуго смотрел на покачивающийся ствол пистолета. – Как не нашли и оброненной подвески. Она залетела под елку. А ведь нужно было еще о многом позаботиться! Вытащить изо рта Брауна осколки, запихнуть ему в горло кусочек яблока. На следующий день вы велели уборщикам вылизать кабинет до блеска. Они ничего не нашли, но главное было сделано. Вы исполнили обещание, данное жене в записке, так и не сгоревшей до конца: Браун умер, и призраки прошлого успокоились.

– Впечатляет. Ждете оаций? – Оберштурмфюрер шагнул вперед, и ледяной ствол пистолета уперся в горячий лоб Гуго. – На колени.

Тот подчинился, неуклюже согнув больную ногу. От холода его трясло, пар от дыхания поднимался густыми клубами, и метель рвала его в клочки.

– Что же, настал мой черед говорить, – продолжил Фогт, обойдя Гуго и приставив пистолет ему к затылку. – Так оно и было, Сигизмунд Браун не помнил ни лица моего сына, ни его имени. Он убил столько невинных созданий, что в его памяти они не задерживались.

– Так и есть. – Слабый голос Аниты уносил ветер. – Когда Менгеле показал мне этого мальчика-еврея, я едва не умерла на месте. Вылитый Бастиан.

Она стояла неподвижно под снегом и сама казалась призраком, пришлицей из далекого иного мира, наблюдающей за ними.

– Когда Хоффман рассказал мне, как именно умер мой сын, я вступил в СС. Мы с Бертом друзья детства. Он нашел меня, чтобы я узнал правду.

– Вы вступили в СС с намерением убить Брауна?

– Нет, – ответил Фогт; пистолет дрогнул, но сразу же вновь крепко прижался к затылку Гуго. – Я не собирался убивать Брауна. Хотел просто посмотреть ему в лицо и понять, правду ли говорит Берт, приезжая домой в отпуск, или нет. Его рассказы в голове не укладывались. Это была не моя Германия. Я уже не мог отвернуться, как было с расовыми законами и погромами. Мы сопротивляемся. Тайно помогаем заключенным, облегчаем их страдания, кому-то продлеваем жизнь хоть на несколько месяцев. Это мой долг перед Бастианом.

Гуго закрыл глаза. Боль этого человека ранила, точно острый нож, вскрывая нарывы на его собственной совести.

– Мне пришлось изо дня в день терпеть присутствие Брауна, – с ненавистью добавил Фогт. – Ходить на его чертовы вечеринки, выслушивать омерзительные байки об Ирзее и разглагольствования о расах. Как-то раз он заявил, что каждый инвалид обходится государству в шестьдесят тысяч рейхсмарок в год, и добавил, что быть здоровым – наш моральный долг перед нацией. Для него мой сын был всего-навсего бессмысленной тратой денег. С каждым днем я ненавидел его все больше, Анита мучилась. Я совершил ошибку. Думал, что после смерти Брауна нам с ней станет легче, а вместо этого я поставил под угрозу дело Сопротивления. – Фогт зло взмахнул кулаком, и пистолет до боли вдавился Гуго в затылок. – Непоправимая ошибка.

– То есть это вы заставили Хоффмана взять вину на себя? – ахнул Гуго.

– Вовсе нет, – отрезал Фогт. – Берт тоже участвует в нашем Сопротивлении. Он сам вызвался, испугавшись, что все рухнет. Берт –

всего лишь санитар, возможностей у него мало. Поддержка офицера СС гораздо важнее, без нее делу конец.

– Взамен вы пообещали позаботиться о Бетании. – Гуго чувствовал капельки пота, стекавшие по спине. – Отправили ее в госпиталь, а не в морилку для заключенных.

– Примите признание Берта, возвращайтесь с триумфом в Берлин и не мешайте нам! – Фогт навис над ним, словно медведь.

– Это Хоффман достал для вас цианид? – спросил Гуго, настроенный узнать всю правду, даже если с этим знанием его жизнь закончится.

– Да, стащил с аптечного склада, пока лежал с бронхитом. Адель Краузе подсказала. Эти двое тоже хотели смерти Брауна.

Земля ушла у Гуго из-под ног. Адель Краузе, девушка с огненными волосами и травяными глазами, от которых так сильно билось его сердце! Значит, она все знала, и ее «помощь» – всего лишь попытка запутать берлинского чиновника так, чтобы он никогда не узнал правду. Гуго почувствовал себя дураком.

– Адель передавала мне записки Тристана, – объяснила Анита, ломая пальцы. – Сжигая утром ту записку, я поторопилась. Боялась, что все раскроется. Услыхала голоса и сбежала, а потом рухнула береза. Не могла же я вернуться и раскапывать снег. У упавшей березы собралась целая толпа.

Гуго хрипло рассмеялся. Все подельники шастали у него под носом, а он ничего не замечал.

– Все как-то неправильно закончилось, – тихо сказал Фогт. – Я ничего против вас не имею, но если вы откажетесь принять признание Берта, мне придется вас убить. Вы слишком много знаете. Я могу что-нибудь для вас сделать, прежде чем выстрелю?

– Хотелось бы попросить морфия, но сигарета тоже сойдет.

Фогт сунул ему в рот сигарету. Руки у Аниты дрожали, она чиркнула спичкой и уронила ее в снег. Зажгла вторую. Гуго затянулся и взглянул сквозь березовые ветви на небо, еле заметное сквозь заснеженное кружево ветвей. Щелкнул затвор. Вот как, оказывается, бывает на пороге смерти. Немного похоже на Ваттовое море. Только прилива ему не дожидаться. Гуго выплюнул окурочек в снег и попросил:

– Можно еще одну?

Фогт помедлил, но затем сунул ему вторую сигарету. Для этого ему пришлось наклониться, и ствол пистолета перестал упираться в затылок. Гуго знал, что у Фогта перед ним огромное преимущество, а также что второго шанса не будет. Он боднул офицера в живот, и они оба повалились в снег. Грянул выстрел.

Фогт успел схватить Гуго за воротник пальто, вдавил его лицом в снег. Obersturmführer был сильнее – эта мысль ударила Гуго, словно электрическим током. Стальные пальцы вцепились ему в волосы, затем сдавили шею. Гуго отплевывался от снега, хватал ртом воздух, тщетно пытаясь стряхнуть с себя Фогта. Почувствовал, как тот потянулся за выроненным пистолетом. Холодная сталь вновь впилась в затылок.

– Говнюк, – прошипел Фогт.

– Тристан, нет! – закричал женский голос.

Гуго он показался знакомым. Кое-как приподняв голову, криминолог увидел подбегавшую Адель. Она запыхалась, пальто расстегнуто, волосы растрепались. Пистолет отодвинулся. Девушка подбежала к ним, и Фогт отпустил Гуго.

– Что тут происходит?

– А то и происходит! Вы меня обманули! – рявкнул Гуго, подбирая с земли трость и вставая на ноги. – Врали мне! «Дружеское плечо»! Сами же следили за мной и обо всем докладывали ему! – Он ткнул в Фогта.

– Простите, – пробормотала Адель, косясь на мрачных Фогта и Аниту. – Понимаете, то, чем мы здесь занимаемся, одновременно слишком мало и слишком много. Каждый день благодаря нам кто-нибудь выживает. Я вас обманывала, но ради благой цели.

– И что дальше? – Гуго поднял шляпу, отряхнул от снега, нахлобучил на голову и сердито посмотрел на Фогта. – Что дальше? Вы уже не собираетесь меня убивать?

Фогт судорожно сжал рукоять пистолета, однако Адель вскрикнула и встала между ними. Похоже, надеялась успокоить обоих, заставить всех образумиться.

– Берт готов пожертвовать собой ради Сопротивления. Такова его воля, и вы, герр Фишер, должны принять это и пообещать никому не рассказывать о том, что узнали.

– Соврать Либехеншелю?

– Да, – жестко ответила Адель. – Вы сохраните тайну, мы продолжим борьбу, и герр Фогт сохранит вам жизнь. Как вам такой компромисс?

– Хорошенький компромисс! – Гуго покачал головой.

– По-моему, намного лучше тех, на которые вы шли прежде, – припечатала она, и Гуго стало неприятно.

В ее глазах он видел ту же отчаянную мольбу, что была в глазах девушки, застреленной в клубе. Обе умоляли его совершить мужественный поступок, на который он не решался, когда партия чинила зверства, убеждая всех, что так и надо.

– Компромисс... – протянул он.

Тристан Фогт опустил пистолет и выжидающе смотрел на Гуго.

– Если откажетесь, пострадаете не только вы, но и другие люди, – продолжала настойчиво убеждать Адель. – Я только что видела Йоиля в толпе евреев, идущих в крематорий. Как думаете, это достаточно веская причина для лжи? На вас не давит бремя того, что натворила Германия? Если вы солжете, Сопротивление продолжит действовать. Или вы в сотый раз закроете на все глаза и сбежите?

– Йоиль в крематории? – Гуго показалось, что на него сейчас обрушится небо. – Почему же вы его не остановили?

– Я не могла. А вы бы как поступили?

У Гуго сдавило сердце. Болезнь никогда не причиняла ему подобных страданий.

Вход в помещение напомнил Йоиллю голодный рот. Лестница тянулась вниз, точно длинный змеиный язык. Было страшно, и по доброй воле он бы туда ни за что не спустился. Но собаки лаяли, и охранники толкали в спины прикладами винтовок.

– Не волнуйтесь! – орал эсэсовец за их спинами, хотя новенькие его не понимали. – Просто примете душ с дороги! Просто душ! После чего получите еду и отправитесь к своим семьям!

– Тишина! *Taisez-vous!*^[14] – надрывался другой, припомнив уроки французского.

Женщины и старики заметались, ища выход, но в конце концов вынуждены были подчиниться и вместе с детьми спустились по лестнице. Йоиль шел со всеми. Значит, сперва душ, потом ужин, а потом к семьям.

Люди теснили его со всех сторон. Лестница привела в длинную холодную комнату, где свет был таким, что все казалось серым. Заключенные в полосатых робах молча указали на пронумерованные лавки и крючки для одежды. На стене белели таблички на разных языках: «Чистота – залог здоровья!», «Бой вшам!» и тому подобные. На столбе висела самая большая табличка со стрелкой, указывающей на железную дверь, и уточняющей надписью: «К дезинфекционной комнате».

Йоиль заметил хромого мальчика-горбуна, читавшего таблички на итальянском, и его сердце екнуло. Он направился к нему, и тут заключенный в робе толкнул их обоих на лавку. Они оказались рядом.

– Ты итальянец? – спросил Йоиль.

– Да, а ты?

– И я. Ты откуда?

– Из Рима. Меня сначала отправили в Дранси, а теперь вот сюда. Дети в Дранси говорили, будто евреев везут в чудесную страну Пичипой. Но по-моему, это место совсем на нее не похоже. Ты знаешь, где мы? Это правда душ?

– Конечно душ. – Йоиль стянул просившие каши ботинки и пошевелил пальцами.

– А я слышал всякое об Аушвице, – прошептал горбун.

Его губы дрожали, и он постоянно их облизывал. Даже горб словно бы вырос.

– Тут ты прав, не лучшее местечко.

– Да-да, но я слышал совсем жуткие истории...

Йоиль снял пальто и кофту, повесил их на крючок, затем стащил майку, штаны и трусы. Зубы застучали от холода. Он обхватил себя руками, чтобы чуть-чуть согреться, и встал в очередь входивших в душевую. Женщина впереди вдруг принялась визжать. Эсэсовец отвесил ей пощечину и крикнул:

– *Judensau!*

– Что он сказал? – поинтересовался горбун.

– Плохое слово, – ответил Йоиль. – Ругательство.

– Если ты мне переведешь, я никому не скажу, обещаю.

– Жидовская шлюха, – перефразировал Йоиль. – А нас, итальянцев, они зовут макаронниками.

Вместе со всеми Йоиль вошел в душевую. Почему-то она не была отделана кафелем, стены покрывала покоробившаяся известка. По периметру – душевые насадки. Некоторые пилястры, поддерживающие потолок, были решетчатыми, и какой-то старик пытался рассмотреть сквозь них, что там наверху.

– Что там, дедушка? – спросил у него горбун.

– Все, как рассказывали в Дранси, – проворчал старик. – В потолке есть дыры.

Что-то было не так с этим местом. Голые люди продолжали входить, тесня друг друга. Как они будут такой толпой принимать душ?

– Эй, приятель, – обратился к Йоиллю горбун, – можешь добраться до стены и проверить, работает душ или нет. И есть тут вообще стоки?

Йоиль кивнул. Протиснувшись между женщинами, он оказался у стены. Стоков не было. Он задумчиво провел ладонью по известке. Вентилей тоже не было.

– Ничего нет! – заорал он.

– Бежим! – крикнул горбун.

Йоиль бросился к выходу, но дверь с жутким грохотом захлопнулась. Заскрежетали засовы, свет мигнул и погас. Толпа

оглушительно взвыла, все принялись кричать и толкаться. Йоиль ударили локтем в висок, и он едва не потерял сознание.

– Прекратите! – кричал Йоиль, пытаясь найти укрытие.

Дышать было нечем. Со всех сторон напирала вонючие потные тела. Из глаз брызнули слезы, он хотел выйти отсюда; он понимал, что вот-вот произойдет самое страшное. Сердце заколотилось в предчувствии беды.

Вдруг из решетчатых пилястров послышался металлический лязг.

– Они нас убивают! – закричал старик, хватаясь за решетку.

На Йоиль навалилась удушливая темнота.

«Враги могут увидеть ваш свет. Выключите его».

Так гласили глянцевые плакаты, развешенные по всему Берлину. На них жуткого вида скелет восседал на самолете, намереваясь сбросить бомбу. Дети, проходя мимо, в страхе цеплялись за руки родителей.

Когда посыпались первые бомбы, Гуго понял, что образ Германии, нарисованный Гитлером, рассыпался. Красота зданий, убранных свастиками, орлы, что парили над квадратными колоннами, газеты, что славили процветающую страну, освободившуюся от нежелательных элементов и всевозможной грязи, – все это поползло по швам после начала войны, в которую втянул их фюрер.

Едва темнота простирается над Берлином свои черные крылья, весь свет должен был погаснуть. Если не хочешь оказаться под арестом, не включай ни ночник в детской, ни настольную лампу для учебы – все следовало погасить. По вечерам Гуго смотрел в окно и в жидкой смоле, заливавшей Николаифиртель, не узнавал Берлин. Не узнавал даже самого себя.

Теперь он понял, кто он такой.

Пока они бежали по Биркенау и кровь оглушительно стучала в висках, он наконец нашел и себя, и смелость сопротивляться, чтобы спасти свою душу.

– Откройте немедленно! – заорал Тристан Фогт, сбегая по лестнице.

Гуго не отставал. Фогт отпихнул двоих из зондеркоманды и бросился к железной двери.

– Вы что делаете? – крикнул эсэсовец, хватаясь за автомат.

– Открывайте! – рявкнул Фогт.

– Да вы с ума сошли! Нельзя, они все внутри!

– Плевать! – Оберштурмфюрер схватил Гуго за локоть. – Его сын угодил в газовую камеру вместе с евреями!

– Но если мы откроем дверь, тут такое начнется!

– Немедленно открывай! – Фогт принялся трясти охранника за грудки, потом постучал по своим нашивкам и ткнул унтера пальцем в

лоб. – Видишь вот это? Клянусь, я тебе пулю в лоб пущу, если ослушаешься приказа старшего по званию!

– Слушаюсь, герр оберштурмфюрер, – пролепетал охранник.

Фогт его оттолкнул. Гуго смотрел, не смея пошевелиться. Лихорадка обжигала рот, пот заливал глаза, ужас сковал тело. Он протянул бумагу, прикрыв большим пальцем фамилию ребенка. Из-за двери доносились страшные крики.

– Вот он. – Гуго показал на фотографию Бастиана.

Их схожесть с Йоилем действительно впечатляла. Гуго понял, что должны были чувствовать Фогты в этот последний месяц.

– Сначала мне надо отдать приказ перекрыть дымоходы, – залебезил охранник.

До унтера наконец дошло, что надо спасти от гибели немецкого ребенка, к тому же сына явно не последнего человека в рейхе. Он взлетел по лестнице и исчез в метели. Гуго огляделся. Раздевалка была забита одеждой – зондеркоманда снимала ее с крючков и складывала в мешки. Больше она никому не понадобится.

– Только без фокусов, – прошипел Тристан Фогт, заложив руки за спину. – Мы сможем спасти только Йоиля. Вот так здесь спасают жизни. Надо быть готовым к компромиссу и пожертвовать остальными.

Гуго закивал. От тревоги он весь вспотел, как будто душившие его слезы нашли таким образом выход наружу.

Вернулся охранник с отрядом эсэсовцев. Щелкнула герметичная дверь, и они направили на нее автоматы. В щель качнулись плотно спрессованные тела людей, вдруг увидевших выход.

– Назад! – заорал охранник. – Назад, грязные евреи!

Другой эсэсовец дал короткую очередь, пробив голову женщине. Та задергалась в макабрическом танце и упала на пол. При виде растекающейся крови стоявшие рядом смолкли и застыли. Постепенно толпа подалась назад. У двери остался один-единственный ребенок.

– Это он! – заорал Гуго и беспорядочно замахал руками. – Бастиан, иди сюда, иди скорее!

Йоиль смотрел широко раскрытыми глазами, и его перепуганное лицо было совсем детским. Гуго почувствовал, как все вокруг напряглись, и взмолился, чтобы Йоиль от страха не выдал себя, чтобы сдвинулся с места и бросился к нему.

– Вы уверены, что это ваш сын? – спросил охранник.

– Разумеется! Не видите, ребенок в шоке! – гаркнул Гуго. – А как бы вы себя почувствовали, если бы вас схватили и заперли в темноте с евреями?

Молодой унтер съежился. Йоиль открыл рот, и Гуго вновь взмолился.

– Папа! – произнес мальчик по-немецки, плотно прижимая к телу руку с номером и пряча ее за спину.

Напряжение разом спало, и Гуго едва не разрыдался. Молодец, Йоиль!

– Папа, мне страшно! – жалобно сказал тот.

– Назад! Все назад! – заорал унтер и направил автомат на евреев.

Йоиль кинулся наружу.

Охранники вытащили труп женщины, оставивший на полу красный след, и дверь захлопнулась со скрипом, похожим на тоскливый предсмертный вой. Евреи внутри вновь закричали и замолотили кулаками в дверь. Гуго слышал каждый голос, и все они ранили, как удар ножа в сердце.

– Папочка! – Йоиль обхватил его ноги.

Мальчика била крупная дрожь. Гуго присел, прижал к себе голенькое тельце, зашептал на ухо:

– Я увезу тебя отсюда, увезу подальше от всей этой мерзости.

– Мы очень сожалеем о произошедшем, – извиняющимся тоном занудел унтер. – Однако, должен заметить, за детьми следует присматривать. Надевайте им на шею табличку или хотя бы научите, как вести себя в подобной ситуации.

– Больше такого не повторится, – заверил его Гуго. – Завтра мы уезжаем.

Аушвиц, 28 декабря 1943 года

Менгеле узнал, что Йоиль сбежал в Биркенау, где угодил в газовую камеру, а затем в крематорий. Теперь от него не осталось ничего, кроме пепла на снегу.

– Он просто взбесился, – рассказал, поправив очки, Гутман, стоявший на крыльце десятого блока. – И кажется, даже загрустил. Я же, наоборот, счастлив. Уж лучше так, чем если твои глаза, мозги и кости выставят в музее. Согласны, герр Фишер?

– Согласен.

Ему было неприятно держать Гутмана в неведении, но чем меньше людей знают о Йоиле, тем безопаснее для мальчика.

– Выходит, Брауна действительно убил санитар? – Гутман бросил взгляд на блок смертников. – Даже странно. Он казался таким уравновешенным. Надеюсь, комендант доволен.

– Еще бы. Мне сказали, они с самого начала подозревали Хоффмана, но не могли без железных доказательств отправить на смерть немца.

– Смешно, да?

– Что именно?

– Что в Аушвице человека накажут за убийство.

Острый взгляд Гутмана следил за грузовиком, собиравшим дневной урожай: четыре трупа вынесли со двора одиннадцатого блока и десяток из двадцатого. Итого – четырнадцать безнаказанных убийств.

– Надеюсь, еще свидимся, – сказал Гуго.

– Не особо рассчитывайте, – меланхолично усмехнулся патологоанатом. – Впрочем, если это произойдет, я буду приятно удивлен.

Гутман вернулся в блок, и Гуго остался на крыльце в одиночестве. Внутри его зияла пустота: он понимал, что они больше никогда не встретятся, что и этот человек погибнет в лагерном аду.

– Герр Фишер!

Гуго улыбнулся, узнав голос. Наконец-то она увидит его в нормальном состоянии, а не подобием жалкой тряпки. Адель шла по аллее, а позади вышагивал Фогт в серой, безупречно вычищенной форме. Когда оба подошли к крыльцу, Гуго вытащил из кармана золотую подвеску, вложил ее в руку офицеру.

– Это ваше, – сказал он. – Впредь будьте осторожны.

– Благодарю. – Фогт сжал подвеску в кулаке. – Я приказал своему унтеру доставить вас в гостиницу на рыночной площади, где ждет ваш сын. И вот еще...

Он протянул Гуго документы. Рядом с фотографией мальчика было безупречно исправленное имя: Бастиан Фишер.

– Спасибо, – выдавил Гуго.

– Спасибо вам. – Лицо Фогта оставалось мрачным, но Гуго уже научился разбирать его эмоции. – Вы понимаете, чем рискуете?

– Да.

– Если все вскроется, вы сами окажетесь в лагере.

– Ничего, я рискну.

– Хорошо. А теперь мне пора, с вашего позволения. Либхеншель велел мне подготовить Хоффмана к казни.

Гуго посмотрел, как Фогт исчезает за дверями одиннадцатого блока, потом встретился глазами с Адель. Приходится идти на компромиссы, черт бы их!

– Мы с Бертом начинали вместе, – грустно произнесла она – И вот его скоро не станет.

– Поддержите Бетанию, – с трудом выговорил он. – Попробуйте вытащить ее отсюда. В память о нем.

Адель кивнула и, глубоко вздохнув, подняла на Гуго блестящие глаза.

– Увидимся в Берлине, герр Фишер, – звонко сказала она. – Когда все это закончится, превратившись в смутные воспоминания, вы поведете меня танцевать.

Гуго рассмеялся. Смех вышел горьким, он явственно отдавал слезами, несправедливостью и ужасом, с которыми мало что можно было поделать. Но даже этой малости временами было достаточно, как сказала ему Адель.

– До скорого, – прошептал Гуго.

«Лоханка» уже стояла с заведенным мотором. Его чемодан лежал на заднем сиденье. Он медленно направился к машине, опираясь на трость.

– Подождите, герр Фишер!

Он обернулся. Подбежав, Адель встала на цыпочки, едва не потеряв равновесие, и поцеловала его в губы. Ее поцелуй пах соленым приливом Ваттового моря и свежесобранными ракушками. Когда все закончилось, Гуго улыбнулся. Шофер лукаво смотрел на них.

– Теперь можете ехать, – заявила Адель.

Гуго забрался в машину. И в этом аду есть жизнь, подумал он.

Когда они выезжали за ворота, он оглянулся в последний раз и прочитал надпись над ними. Никакими словами не описать того, что он видел внутри. Он никогда не сможет рассказать об этой неделе, даже если захочет. Но главное, он не сможет ее забыть.

Машина тарахтела по заснеженной дороге, позади исчезал тоскливый силуэт лагеря. Из-за березовых роцц показались белые крыши городка Освенцим. Наконец они остановились на рыночной площади.

Йоиль стоял в дверях гостиницы. Вокруг высились сугробы, коленки мальчика посинели, волосы под кепкой растрепались, зато в глазах сверкали все краски мира.

– Привет, пап! – крикнул он.

– Привет. Как дела?

– Хорошо! А у тебя?

– И у меня хорошо, – улыбнулся Гуго. – Я заплатил по счетам.

«Кюбельваген» уехал.

Настало время рассказать Йоиллю о судьбе его матери, отца и брата. Объяснить, почему надо ехать в Берлин, менять имя, придумывать новые воспоминания и прятаться. Впрочем, Йоиль умен. Вероятно, он уже и сам все понял.

Эпилог

Ветер внезапно разогнал тучи, и солнечный луч пробился в просвет. Берту на глаза навернулись слезы, настолько прекрасным был этот алый сполох.

Он медленно пошел к стене. В зубах тлела выданная Фогтом сигарета. Берт глубоко затянулся; дым был одновременно сладким и едким.

Стена, занимавшая всю дальнюю часть двора, была испещрена дырами. Воняло. Подойдя вплотную, Берт увидел кровь, оставшуюся после предыдущей казни.

– Ты готов? – спросил палач.

– Сейчас, последняя затяжка.

Он подумал о Бетании. О ее улыбке, глубоких черных глазах, смехе и грассирующем «р». Она жива, Тристан обещал о ней позаботиться. Оставшиеся продолжают свое молчаливое и незаметное сопротивление вместе с Анитой и Адель. Берт выплюнул окурочек и рассмеялся. Как ни крути, а Аушвиц стал самой большой удачей в его жизни. Здесь он сам стал Сопротивлением, а Сопротивление – жизнью там, где все, казалось, давно умерло.

– Готов? – вновь спросил палач.

– Как никогда.

– Встань на колени.

– Предпочитаю умереть стоя, если вы не возражаете.

Берт зажмурился под теплыми лучами солнца, ласкавшими кожу. На сердце была тишина. Пистолетный ствол уткнулся в затылок.

И наступили мир и безмолвие, пока он падал ничком в сверкающий пепел.

Благодарности

Книга – это не просто рассказанная история. Это встреча множества жизней, каждая из которых вносит свой вклад.

Я искренно благодарю Пьерджорджо Николаццини за то, что он поверил в мою книгу и пообещал найти ей место в этом мире. Спасибо всем сотрудникам *Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency*, Аличе, Антонио и, конечно же, Арианне Миаццо за их постоянное присутствие.

Спасибо Микеле Росси, искренне полюбившему Гуго и Йоиля, и Бенедетте Болис за ее профессионализм и доброту.

Я благодарю всех, кто коснулся моей жизни и тем самым внес вклад в создание этого романа.

Спасибо вам, Себастьян и мои дети, Самуэль, Элиа и Эмануэле, за ваше существование, наполняющее мою жизнь любовью и хаосом.

Моим маме и папе, лучшим на свете родителям, каких только можно пожелать. Без вас ничего бы не было.

Моей сестре Фернанде, а также Артуро и племянникам за поддержку.

Моей тете Марии Антоньетте, приохотившей меня к чтению.

Бабушке Мине, чьи глаза говорят куда больше, чем язык, и дедушке Паскуале, пусть он уже и не с нами.

Тете Керубине, моим двоюродным братьям и дяде Тонино, который, узнав, что маленькая Ориана собирается стать писательницей, вручил ей книгу Стивена Кинга.

Дяде Анджело, когда-то депортированному в концентрационный лагерь Нюрнберга, живому свидетелю тех ужасов. Спасибо за то, что рассказал мне свою историю.

Благодарю сестер Алессандру, Марчеллу и Грацию, таких далеких и близких.

Мою родственную душу Шиллу, а также Элизу – товарища по приключениям в волшебном литературном мире.

Спасибо местечку Ансель за то, что я провела там один из прекраснейших этапов моей жизни, и за то, что оно существует до сих пор.

Иде и Инкоронате: каждый раз, когда мы видимся, время останавливается.

Карло Петруццелли и Альберто Ло Марджо за полезные консультации.

Люке, Анне и Алессандро за постоянное присутствие. Вы – моя вторая семья.

Мариэтте, научившей меня, что можно здорово преуспеть в жизни и инвалидная коляска тому не помеха.

Сестрам Эспозито и Розетте, которые всегда были рядом в детстве.

Франческе Барра, любящей Берлин не меньше меня, Гизельде и ее замечательной семье, сердечно встретивших меня в Берлине.

Франко Форте, моему проводнику в издательском мире, за советы и всем в *Collettivo 28* – вы стали скорее друзьями, нежели коллегами.

И наконец, спасибо Берлину за то, что приютил и рассказал мне свою Историю.

notes

СНОСКИ

1

Мой чемодан! (*фр.*)

2

Мне нужен мой чемодан! (*фр.*)

3

Букв.: помощница (*нем.*), сотрудница женских вспомогательных частей СС.

4

Задница мира (*лат.*).

Гипостаз (в данном случае трупный) – скопление крови в капиллярах нижней части лежащего трупа; в судебной медицине он помогает определить, в частности, время смерти.

Скудетто – нашивка на форме итальянских спортсменов в виде национального флага, знак победы клуба на чемпионате в предыдущем сезоне; изобретена была, согласно распространенному мнению, поэтом Габриэле д'Аннунцио.

История Отто Хампеля (1897–1943) и его жены Элизы Хампель (в девичестве Лемме, 1903–1943) подлинная; упомянутый погибший родственник был братом Элизы. Супруги два года распространяли в Берлине по подъездам и почтовым ящикам рукописные открытки, в которых призывали сопротивляться приказам нацистов, отказываться воевать и свергнуть Гитлера; обоих задержали осенью 1942 года, объявили виновными в измене родине и гильотинировали 8 апреля 1943 года.

Имеется в виду пропагандистский игровой фильм немецкого актера и режиссера Вольфганга Либенайнера (1905–1987) «Я обвиняю» («Ich klage an», 1941), в котором главную роль, женщины по имени Ханна, страдающей рассеянным склерозом, сыграла австрийская актриса Хайдемари Хатейер (1918–1990); ее мужа, который в фильме многословно доказывает необходимость эвтаназии для неизлечимо больных, сыграл Пауль Хартманн.

Йозеф (Зепп) Дитрих (1892–1966) – крупный нацистский военачальник, оберстгруппенфюрер СС; принимал участие (хотя и не особо активное) в «Пивном путче», в НСДАП вступил только в 1928 году; история о том, как его жена Барбара Зейдль спасла Гитлера, – очевидно, легенда неизвестного происхождения.

Синдром фокомелии – редкое генетическое заболевание, при котором у плода полностью или частично отсутствуют верхние конечности.

Глювайн (нем. *glühend Wein*) – то, что в русский язык вошло под искаженным названием «глинтвейн».

Цитируется клятва Гиппократа, перев. В. Руднева.

«Шеринг» (*Schering AG*, с 1851) – крупная немецкая фармацевтическая компания, в годы Второй мировой действительно занимавшаяся разработкой методов стерилизации людей; сотрудничество немецкого гинеколога Карла Клауберга (1898–1957) с «Шерингом» в вопросах стерилизации, как и его работа в Аушвице/Освенциме, – исторический факт.

Молчать! (*фр.*)